

Annotation

Эпоха парусников и географических открытий, золотой век пиратства. Каждый выход в море - лотерея. Можно вернуться сказочно богатым или провести остаток жизни в рабских цепях, а то и вовсе лишиться жизни. Наш герой иллюзий не питает, погибнуть тут гораздо больше шансов, чем дожить до старости в роскоши и в окружении любящих родственников. Так зачем переживать? Есть цель, есть месть, а умирать ему не впервой, а значит только вперёд, поднять паруса! Где мы там победа!

*

Рейдер

Глава 1

Глава 2

Глава 3

Глава 4

Глава 5

Глава 6

Глава 7

Глава 8

Глава 9

Глава 11

Глава 10

Глава 12

Глава 13

Глава 14

Глава 15

Глава 16

Глава 17

Глава 18

Глава 19

Глава 20

Глава 21

Глава 22

Nota bene

*

Рейдер

Глава 1

Я болел с похмелья как никогда. Трещала голова, моя койка ходила под моим телом, как будто мы попали в сильнейший шторм, а на меня внезапно напала морская болезнь. В глаза как будто раскалённые спицы воткнули, а когда они вышли из затылка, их загнули и вколотили в затылок, что бы они снаружи не торчали. Мой подростковый организм отторгал алкоголь, как только мог. Как же мне плохо! Чего вчера было-то! Чего я так нажрался?

Что я помню? Так, мы сошлись с галеасом Али в абордаже и победили. Хренова победили, можно сказать чудом. От экипажа осталась треть, да и то, почти все поголовно ранены, наверное, кроме меня и береговой группы. Чего там ещё было? Ага, пленников с гребной палубы мы освободили! Русских! По крайней мере двое из семерых точно русские. А было там русских больше, остальные погибли в схватке со своими надсмотрщиками. Гришка там был! Я застонал от нахлынувших воспоминаний. Лучше бы я сдох вчера! Я стоял над телом друга на коленях, а потом как в бреду брёл на свой шлюп, переступая и спотыкаясь о многочисленные тела своих и вражеских моряков. Кто-то со мной говорить вроде пытался, но был послан в далёкие дали! Дальше чего я делал? Вспомнил. У меня в каюте литровая бутылка рома стояла! Как будто ждала меня и манила. Вот к ней я и шёл! И судя по всему дошёл...

— Спит ещё! Не мешай! Идите своими делами занимайтесь господин Роджер! Если делать нечего, то я вам найду работу! — за дверью послышался голос Дайона — устал капитан!

— Так он сутки почти спит! Надо будить! — громким шёпотом возмущается корабельный доктор — и не спит он, а без сознания. Наверное, во время боя по голове получил. Ребята говорили, что не в себе он был, кричал и ругался, а потом вырубился. Дай я его осмотрю Дайон!

Сутки! Нихрена себе меня расписюнело! Надо вставать, дел невпроворот! Да и Гришу надо похоронить... Жарко на улице. Вот, точно! Из-за жары меня и развезло! Я попытался встать, но тут-же повалился обратно в койку от жёсткого приступа тошноты. Вот ты алкаш Витька! Столько держался, а тут в подростка литруху влил! Как не помер только...

— Капитан велел никого к себе не пускать! — настаивает Дайон — мне он лично приказал! Всё с ним в порядке будет.

— Так, а мне чего делать! Раненых много. наших за ночь только трое умерло, и из гребцов пятеро! Он мне тоже приказал серьёзные операции без него не делать! Шить надо, ампутации делать, а у меня руки связаны! Побойся бога Дайон! Да вот того русского взять. Бредит всё время, того и глядишь помрёт. У него рубленая рана на голове и ещё с десяток порезов. Мы его перевязали конечно, но он еле дышит. Буди его Дайон! — обычно спокойный доктор просто в ярости.

— Ну помрёт и помрёт — равнодушно ответил мой офицер — капитан и так думал, что он помер. Знать не жилец, на всё воля божья!

Это чего там за русский помирает? И что значить из гребцов пятеро померли? Те семеро, что выжили в бою, вроде бы не собирались дух испускать. Неужели я в горячке не понял, что разговариваю с тяжелоранеными? Да нет! Были на них раны, порезы, ссадины, но они все крепко стояли на ногах и собирались продолжить бой. Опять лепила мой, наверное, что-то напортачил! Говорил уроду грязными руками в раны не лазить! Точно пристрелю гондона! Надо вставать. Тут похоже без меня совсем всё хреново. Аборигены чёртовы, не дадут спокойно скорби придаться и умереть от похмелья в муках! Ну суки, держитесь!

— Твою душу через коромысло! Тащи эту шотландскую жопу сюда Дайон! Сейчас я ему операцию на гланды через задний проход делать буду! Бокал вина захвати! — прохрипел я пересохшим горлом, усилием воли принимая вертикальное положение. Я оглядел каюту. Вот она, проклятая, на столе стоит! Бутылка рома объёмом в литр! Ну это примерно конечно. Стекло мутное и толстое, да и не написан на ней объём. Выкинуть её нахер надо! Смотреть на ней не могу!

Я протянул руку за бутылкой, и с удивлением понял, что она почти полная! Да я треть не отпил! И мне так плохо из-за трёхсот грамм! Ключница ром делала! Градусов в нём почти как в медицинском спирте, а сивушных масел дохрена и больше. Надо или бросать пить, или переходить на вино, или, как вариант самому самогонным аппаратом озаботиться. Я держал бутылку в руках и не знал, чего с ней делать. То ли в окно выбросить, то ли обратно поставить, то ли отхлебнуть глоток...

В таком виде меня и застали мои офицеры. Помятый, как будто катком проехали, подросток в растрёпанном, покрытом засохшей кровью камзоле, босиком и с бутылкой рома в руке. Застыли на пороге, не решаясь пройти дальше и стоят, смотрят с открытым ртом. Ну да, в таком виде меня тут ещё никто не видел. Обычно я аккуратен, чист и спокоен как удав. Стараюсь за собой следить, потому что! И сейчас в их глазах переоценка ценностей происходит, осознают, что капитан тоже человек.

Я принял из рук Дайона стакан с вином. Знаю, что похмелятся вредно! Но тут аспирин и активированный уголь ещё не придумали, и другого выхода у меня нет. Первый глоток пришлось проталкивать в горло через силу.

— Ну давай Роджер, докладывай, кого ты ещё там «залечил» поганец! — я навёл мутный взгляд на Роджера — Стоп! Начинай сначала, сколько раненых, как тяжело, чего делал!

— Раненых тридцать шесть человек господин Виктор! — начал Роджер, побледнев — тринадцать ранены сильно. Восемь человек уже скончались. Нужно сделать четыре ампутации, и остальным зашить раны. Как вы и приказывали, я не начинаю без вашего распоряжения! Всем сделаны перевязки и всё! Поим их пока водой с вином и бульоном. Время идёт господин Виктор, а Дайон запретил вас будить!

— Хера себе... — простонал я, допивая вино. Тридцать шесть человек! А я бухаю тут, забыв в своём горе о том, что запретил доктору лечить самые тяжёлые раны! Восемь человек умерло пока я тут зенки заливал! — ты чего меня не разбудил Дайон!

— Я пытался господин Виктор! — возмущенно начал оправдываться бывший канонир — вы не просыпались, а во сне ругались нехорошо! Пристрелить меня обещали, если я от вас не отстану!

— Да? Ну может быть... — отвёл я взгляд. А ведь я мог, так что Дайон поступил совершенно правильно... — ну ладно. Пошли раненых смотреть! А ты Дайон походу дела рассказывай, чего вообще происходило пока я... Пока я болел!

Временный лазарет располагался в форте. На кораблях сейчас во всё шли ремонтно-восстановительные работы и Роджер (совершенно правильно!) распорядился перевезти всех страдальцев на берег. Корабли были уже расцеплены и стояли недалеко друг от друга на якорях. Пока единственный оставшийся у нас вельбот вёз нас в форт, Дайон докладывал мне о том, что же случилось за время моего отсутствия.

Галеас почти не требовал ремонта. Мелкие повреждения, вызванные пожаром, нашим залпом картечи и столкновением кораблей во время абордажа, были уже устранены. От обстрела с форта корабль Али почти не пострадал, пробоин ниже ватерлинии не было, а остальные предполагалось заделать после окончания ремонта шлюпа. «Шторму» досталось сильнее. Корабельный плотник выжил, и сейчас возился с грот-мачтой, которую моряки выловили в лагуне. Тут ремонт требовался куда как серьёзнее. Слава богу у нас было в достатке запасов инструментов, сменных частей рангоута, парусов и такелажа. Ремонт займёт как бы не неделю, но плотник обещал сделать мачту не хуже прежней. Ремонта требовала и обшивка, и рулевое устройство, и ещё куча всего. Ван, не смотря на ранения, как раз сейчас и командовал ремонтом шлюпа, Алан с бывшими невольниками возился на галеасе, а Дайон занимался фортом, и подсчётом добычи.

Когда речь зашла о добыче, глаза Дайона засветились от неземного счастья. На корабле Али было чем поживиться, не считая самого корабля конечно и его превосходной артиллерии.

— Почти тысяча гульденов и две тысячи песо взяли господин Виктор! И это только в каюте капитана! А ещё посуда серебряная, и в трюмах товара полно! Странный груз: пенька, вино, красители и мушкеты! Нашей выделки, французской! Гребцы говорят, что после Тенерифе они в Испанию пошли, да вот только оттуда поспешно убрались. Опять на Тенерифе

приняли груз и пошли к берегам Африки. Жутко торопились! Жаль Али помер, можно было бы ему поджарить пятки и разузнать подробнее о таких чудных делах! С нашей слоновой костью если считать, то рейс в разы окупился! Матросы как прознали, только и делают, что говорят о вашей удачливости господин Виктор! Мыслимое ли дело, за один день считай, и селение дикарей на штык взять и два галеаса! И каждый раз с добычей и считай без особых потерь! По всем подсчётам пиратов и бойцов Али было больше чем нас раз в пять! А как вы на палубе галеаса их в бой вели! Они за вами теперь куда угодно пойдут! — Дайон нудит о том какой я крутой у меня над ухом, добавляя головной боли — а это мы ещё галеас пиратов не смотрели!

— Ну да Дайон, я крут как яйца Чака Нориса — скривился я — понял я всё примерно. А сейчас помолчи, голова болит. Потом с тобой подробнее всё обсудим. Соберёмся, всем командным составом во время обеда и там подробнее доложите!

Когда мы добрались до берега свежий морской ветер и выпитый бокал вина привели меня в чувства. Мне до сих пор было хреново, но я уже чувствовал себя живым человеком, а не зомби из дешёвого американского фильма. Роджер тут же повел меня в свой лазарет, который раскинулся под парусиновым тентом.

Раненые моряки лежали вповалку на соломенных подстилках и выглядели не очень. Все, кто был в сознании, тем не менее приветствовали меня радостным гомоном. Я вяло поприветствовал раненых и велел Роджеру отвести меня к самым тяжёлым.

— Вот господин Виктор. Этим требуется срочная операция! — Роджер указал на группу неподвижных тел, которые лежали под отдельным навесом. Когда-то это была хижина миссионеров, а сейчас от неё остались только чудом уцелевшие стены. Вот над ними-то и возвели крышу из ткани, тут же уже стоял стол, который сколотили из чего попало. По моему, это обломки пиратской шлюпки! Операционная что ли?

Первыми на стол по очереди положили нескольких наших моряков, со сломанными и раздробленными конечностями. Роджер предлагал немедленно резать и пилить кости, потрясая плотницкой пилой и ржавым тесаком. Осмотрев раны, ампутацию я одобрил только одну. Тут действительно ничего уже не сделать. Морячок попал под книппель, и его левая нога превратилась просто в мешанину костей и плоти! Заставив Роджера как следует помыть руки ромом, и продезинфицировать им же свой «пыточный инструмент» я дал добро на операцию. Моряк был без сознания и потерял много крови, и я сомневался, что он выживет, но попытаться его спасти стоило! У остальных пострадавших раны были не на столько серьёзными, как расписывал доктор. Ну да, сложные переломы, однако спасти конечности можно, главное «пазл» сложить правильно и инфекцию не занести! Не жалеем рома! Это пойло любую заразу способно убить, как недавно чуть не сделало это со мной! Льём ром на раны, льём его на руки, ножи и пилу, на нити и иглы. А перед этим инструменты ещё и в кипяток! Приготовленные повязки тоже через кипяток! Сейчас жара и они быстро высохнут, лучше потерять немного времени, чем потерять человека! Жаль перчаток одноразовых ещё не придумали.

На моё удивление, большинство «тяжёлых» раненых были гребцами. А мне ведь казалось,

что выжили только те семеро что остались на ногах... Чудны дела твои господи!

«Операционная» наполнилась воплями страдальцев. Даже моряк с раздробленной ногой пришёл в себя, когда ему пилили кость. Раненых жестко фиксировали на столе, и за работу! Я, сдерживая рвотные позывы ассистировал доктору, принимая все возможные меры, чтобы не занести в раны инфекцию. Роджер психовал, он не понимал зачем мы теряем время и делаем бесполезную работу, но я был не приклонен. Нужно потом ещё и всех остальных осмотреть, кого он зашивал без меня! Возможно потребуется провести повторные операции и чистить раны!

— Это всё? — спросил я, когда последнего моряка сняли с залитого кровью стола.

— Есть ещё двое безнадежных — ответил усталый, но довольный Роджер — считаю, что их не спасти, поэтому решил не трогать.

— Не тебе решать! — эта морда шотландская меня уже злит — давай этих двоих, а потом остальных я посмотрю! Небось забыл, чему я тебя учил, и шил всех одной иглой и даже руки не мыл!

— Зачем их мыть? — упрямо буркнул доктор, но так тихо, что я едва расслышал.

Первый пострадавший, которого положили на стол точно был нежилец. Огромная вмятина на лбу! Он попал под гик, при резком манёвре «Шторма». Такое даже в госпитале двадцать первого века не поправят! Хрипло дышит и весь горит, изо рта пена идёт. Как только жив ещё бедолага... Я молча махнул рукой, что бы раненого убирали. Череп надо вскрывать, а я на такое точно не решусь. Он и так умрёт, а мучить его перед смертью будет неправильно.

— Давай второго — вздохнул я, понимая, что если и второй «безнадежный» будет в таком же состоянии, то я бессилен что-либо сделать.

— А я вам говорил! — пробурчал Роджер. Вот же морда вредная! Вроде смелый и полезный член экипажа, но всё время нудит и недоволен собака!

Последнего из тяжелораненых положили на стол. Мужик лет тридцати, весь бледный и изранен так, что живого места нет. Но самое главное опять голова! Ему засадили саблей, да так, что часть скальпа сняли, висит клочком на затылке. Этот кадр не из наших, гребец, наверное. Гребец! Я помню его! Это Гришка в новом теле! Но он же умер! И выжившие русские гребцы сказали, что его срубили! Я что, в темноте гребной палубы не смог определить жив ли мой друг или нет! Я мудака даже пульс не пощупал, а стал причитать и волосы на жопе рвать! Я сутки бухал, пока он тут умирал без медицинского ухода!

— Он жив! — я безумными глазами посмотрел на Роджера и тот отшатнулся — так какого хрена ты мудака шотландский молчал и его на потом оставил!

— Нежилец он... — протянул Роджер, не приближаясь близко — у него череп расколот!

— Я тебя убью тварь! — заорал я, ища на поясе пистолет или саблю. Срываться на Роджере

не стоило конечно, я сам был виноват, но сейчас мне и правда хотелось кого-нибудь убить... Роджер сверкнул пятками, и выбежал из-под навеса.

Выдохнув я перевёл взгляд на Гришу. Соберись Витя! Не время сейчас искать виноватых! Нужно срочно что-то делать! Он сутки почти без помощи, и пока жив, а значит и шансы есть.

Облившись чуть ли не с ног до головы ромом, я аккуратно поднял клоч сорванного скальпа. Блин! Кость видно, а на ней хорошая такая зарубка! Мать моя женщина! Возьми себя в руки Витёк! Щупаем. Зарубка есть, а вот сквозного пробития нет! Не башка, а броня! Его просто сильно контузило. Как там по-умному? Тяжёлая, закрытая черепно-мозговая травма! Вскользь сабля прошла, основные повреждения — это кожа и мясо! И крови он много потерял! Уф! Рано радоваться! Смотрим дальше. Етить колотить! Живого места нет! Старые и новые раны от кнута, куча порезов! Везде! Он перевязан грязными бинтами! Спокойно Витя! Глаза боятся, а руки делают. За работу!

Гришку обмыли ромом. Всего! С головы сбриты все волосы, а раны промыты на несколько раз. Я зашил все повреждения как мог. Сам зашил! Вернувшийся Роджер молча ассистировал, на открывая больше своего рта. Я же принял помощь доктора с благодарностью. Он ни в чём не виноват, это я урод тупой! Сейчас мой друг с лицом незнакомца был похож на мумию, настолько он весь был перемотан бинтами. Под навесом стоял густой запах алкоголя.

— Поить его сладким чаем! Очень сладким! Вина и воды не давать, только чай и мясной бульон — начал я отдавать распоряжения, едва закончилась операция — хотя нет. Я сам его поить буду! Перенести сюда мою кровать со «Шторма» и переложите его на неё! Кока сюда, пусть при мне готовит! А то знаю я его, то в котле руки помоеет, то портянки прополоскает! Раны и швы грязными руками не трогать, громко рядом даже не разговаривать!

— Кто это? — впервые с момента операции задал вопрос Дайон. До этого он только молча стоял в сторонке, и не лез нам с Роджером под руку.

— Это мой брат, Григорий Жохов! — буркнул я не подумав. Ведь Гриша уже как-то представлялся бывшим невольником, и скорее всего своей настоящей фамилией. Да херня! Главное, чтобы выжил, а с невольниками я ещё разберусь! Ишь сволочи! Срубили его! Ввели меня в заблуждение поганцы!

— Дева Мария! — всплеснул руками Дайон, едва не задев падающую на землю челюсть Роджера — да как же так, как он в невольниках у Али оказался!

— Сам не знаю, очнётся, спросим! Главное, чтобы очнулся... — выдохнул я и добавил на русском — только попробуй мне не очнуться скотина! Засушу как мумию, палку в зад вставлю и будешь у меня на «Шторме» носовой фигурой работать! Я блядь сделаю, или я не Жохов! В твоих же интересах поправиться!

— А ты Витя всё такой же извращенец, как и раньше. Ничего не меняется! — слабый голос с

операционного стола прервал наш разговор. Я неверующе перевёл взгляд на Гришку. Он лежал с открытыми глазами и смотрел в матерчатый потолок. На его губах была слабая улыбка.

Глава 2

— Ну, рассказывайте, кто, что, откуда будете? — я сидел за столом в кают-компании захваченного галеаса Али и смотрел на бывших невольников. Семь человек, те самые, кому посчастливилось выжить и остаться относительно целыми на гребной палубе во время боя стояли передо мной.

Сейчас, при свете дня я мог их как следует рассмотреть. Худые все, но жилистые. Плечи как у гимнастов. Кормили видимо их совсем не плохо, но и работать заставляли от души, поэтому жирка у них не накопилось, а вот мышцы выросли. Сейчас уже было понятно, что русских из них было всего четверо, а остальные трое были похожи на итальянцев или кавказцев. Сколько-то ещё раненых гребцов на берегу есть, только вот с ними я буду знакомиться если они на ноги встанут. А если нет... Тогда и смысла нет.

— Казаки мы, с Дона — за всех ответил тот самый бородатый мужик, который первый заговорил со мной во время боя — я сотник Сидор Черный, а это казаки Антон Подкова, Пётр Кошка и толмач наш Иван Судак.

— Етить колотить! — выразил я своё удивление — где Дон, а где Африка! Не звиздишь мне сотник?

— Побойся бога боярин! Не было такого, что бы Чёрный врал кому! — гордо поднял голову казак — сложилось так. Мы на Каффу шли, на двадцати чайках. Побили нас турки, а кто цел остался, тех в полон взяли. С тех пор и машем вёслами на галерах. Почитай три года уже. К Али меньше года назад попали.

— Так... — протянул я, задумавшись — разбойнички значит!

— Казаки — скромно поправил меня Сидор — на правое дело шли! Православных из полона вызволять!

— Ну да, ну да... — покладисто согласился я — а зипуны вам не нужны были, вы же не для себя, а для общества.

— Ну и за зипунами — не стал отпираться Сидор — так у крымчаков грех не взять! Всё одно ворованное!

— Понятно всё с тобой, сотник — отмахнулся я — а эти, кто?

— Эти? — сотник перевёл взгляд на оставшихся гребцов — Досифей грек, Нарек армянин, Давид еврей, но говорит, что выкрест. У Али на вёслах только христиане сидели.

— Не понял, а негры! — удивился я.

— И арапы и негры! Все! — вступил в разговор один из казаков по имени Иван — они из Эфиопии все были. Али вероотступник был! Итальянец по рождению, чтобы выслужиться перед хозяевами, своих бывших единоверцев зело угнетал, смертным боем бил! На других галерах, где мусульмане природные капитанами, какого бесчинства не было!

— Ну Али червей уже кормит, морских, не будем о мёртвом плохо, что бы его черти на сковородке забыли переворачивать! — буркнул я — ну слушайте тогда сюда, лишенцы. Вы свободны и делайте чего хотите! Но я предлагаю вам три варианта. Первый — вы можете остаться тут, на берегу. Форт стоит, и хоть я все пушки из него заберу, однако вам выделю долю малую, одежду там, оружие, припас и значиться дальше сами. Второй вариант — доставлю вас бесплатно в один из европейских портов. Извини сотник, на Черное море я не сунусь, пока турки Босфор контролируют. Чего-то не хочется потом так же как вы веслом махать. Ну и третий вариант — можете присоединиться к моей команде! У меня два корабля и экипажей не оба не хватает. Всех по способности распределю. С морем вы знакомы, так что лишними не будите.

— Дозволь спросит боярин — не стал спешить с ответом сотник — А ты чьих будешь? Поговору так не наш, а по раскладам сечёшь. Гришка, царствие ему небесного, так тоже таким был. Говорил, что с Сибири. А ты откель?

— Обойдётся Гришка пока без царствия. Живой поди, чего его раньше времени в покойники определять — вздохнул я. Неприятный вопрос, и отвечать надо — ну а я тоже с Сибири. Природный русский. Гришка брательник мой, старший. Китобойным промыслом мы занимались, а вот видишь, как сложилось. Кораблик наш потонул, да море разбросало. Я всегда умным был, а Гришка дурень! Я значиться в капитаны выбился, а он гребцом к Али определился. Дурень и есть! Решай сотник, времени у нас хоть и в достатке, но одно дело если ты со мной, а другое если просто рядом.

— Брательник! — казаки переглянулись между собой — эвано чего! А я-то думал, чего ты так убиваться стал! Теперча понятно. Только вот брательник твой Луцевичем обзывался, польская стало быть фамилия, а ты Жохов. Как так-то?

— Не польская, а белорусская! Мамкина фамилия. Не доверял вам значиться Гришка, раз своё настоящее имя не сказал! — выдал я заранее заготовленную версию — Жоховы мы и точка!

— Понятно... — как-то странно посмотрел на меня сотник — а чем заниматься будем, чем промышлять, коли мы согласимся к тебе пойти? Как доли делить будем? Какую сбрую нам выделишь?

— Промышлять будем чем бог пошлёт! — психанул я — костью слонов торговать, китов бить, мавров щипать или ещё чем! Найдем короче, без барыша не останемся. Ты Сидор ко мне в жёнки что ли собрался? Я перед тобой отчёт держать не собираюсь, чем скажу заниматься, тем и будите! Я тут капитан, атаман, старшина, гетман и войсковой судья в одном лице! Не нравится, есть последний шанс отказаться и выбрать один из первых двух вариантов! Только вот у тебя выхода нет! Если здесь останетесь, то сгинете сами по себе.

Или вас звери задерут дикие, или негры, а если минует вас чаша сия, то от болезней загнётесь! В портах европейских вам тоже не выжить! Там католики правят, они православных схизматиками зовут! Либо снова на галеры загремите, либо веру придётся менять, либо на костёр! Вот и весь твой выбор. Времени на раздумья давать не буду, отвечайте прямо сейчас!

— Так это... Согласные мы! Ох и жесткий ты человек боярин! Нам же знать надо, чего да как! — смахнул со лба капли пота сотник, переглянувшись с казаками — мавров щипать мы всегда готовы! В нас уверен можешь быть, пока мы с тобой! Но если выйдет оказия, то не обессудь, подадимся на Дон!

— Ну а раз согласны. По идите к Дайону, это мой офицер, его вы должны знать. Дайон вам выделит шмотки и прокорм. Потом к Алану, он скажет, чего делать. Гришка над вами начальником будет, как на ноги встанет, а старшим офицером как раз Алан. Определяю вас пока в экипаж галеаса, матросами пока поработаете. Капитаном на нём временно Григорий будет. Ну а дальше будем смотреть. Мне нужен командир абордажной команды! Вы на чайках разбойничали, должны знать, как и чего делается. Покажите на что способны и возможно эта должность Сидор, станет твоей! Всё, идите, у меня ещё куча дел!

Гребцы ушли, а я вытер пот с лица. Уф! Разговор с соотечественниками выдался не простой. Я собрал их только на третий день после боя. Второй (первый день я пьяный провалялся) был весь и полностью посвящён моему лучшему другу, который чудом остался жив. Только сегодня ночью я понял, что Гришке становится лучше. Он больше не впадал в беспамятство, и сейчас крепко спал. Я утром осмотрел его раны, делая перевязку, и пока воспаления нет и это ни могло не радовать! Опасность ещё не миновала, однако сидеть с ним всё время я не мог, других дел невпроворот.

— Ну докладывайте, чего и как! — за обеда собрались все мои офицеры и как обычно за столом я проводил мини планёрку.

— Я начну! — Дайон никогда не упускал возможности показать всем, что именно он стал на корабле первым моим офицером — значить добыча подсчитана, об этом я уже докладывал. Сейчас начали поднимать пушки, такелаж и груз с пиратского галеаса. Корпус удалось отбуксировать на мелководье. Грузён он был рабами и костью. Понятное дело рабы не выжили, как и гребцы. Среди погибших кстати удалось обнаружить несколько моряков с «Рокфора» и «Нептуна»...

— Продолжай, и давай без этих подробностей! — поторопил я Дайонка. Не хватало чтобы он ещё всей команде рассказал, что «Шторм» раньше был французским военным шлюпом под названием «Рокфор»!

— Да, конечно, прошу прощения господин Виктор! — очнулся Дайон, видимо осознав свой косяк — кость нам несут и негры! Как вы приказали, мы их не трогаем, а кость покупаем по установленным вами расценкам. Уже сейчас можно сказать, что трюмы обоих кораблей будут полны!

— Роджер? — я посмотрел на доктора.

— На удивление всё хорошо! — оторвался доктор от еды — умер только один, который из безнадежных, тот что головой ударился. Остальные стабильно идут на поправку. Вынужден признать, что в ваших методах лечения есть разумное зерно! Почти нет воспалений! Я начал даже делать записи о вашей методике, без сомнения это прорыв в медицине!

— Ну что же, отлично! — удовлетворенно сказал я — что с готовностью к выходу? Как состояние корабле, когда закончим ремонт?

— Галеас Али готов. Гребцов у нас нет, однако можно идти только под парусами, впритык, но людей нам хватит, это с учётом бывших гребцов, которых вы взяли в команду — начал докладывать Ван — «Шторм» будет готов через два дня. Мачта нас задерживает. Ну и... Надо бы галеасу название дать!

Офицеры одобрительно зашумели, а я скривился. Название нужно кораблю, и я думаю над этим, но пока ничего не надумал. На его корме есть название, выполнение арабской вязью. Галеас назывался раньше «Абдул-Кадир». Кто это и почему в его честь корабль назвали ни я и никто из бывших невольников не знал. Наверное, уважаемый был человек.

— Я думал над этим Ван — начал я — а есть ли смысл его менять? Галеас я продам. Нам нужен фрегат, или ещё один шлюп, а лучше два. Для галеаса нужны гребцы и большая команда и я не собираюсь сажать на него невольников. Хоть негров, хоть арабов, хоть белых! Мы все прекрасно видели, чем может обернуться бунт гребцов в неподходящий момент. Так что только продажа! Снимем с него артиллерию, и как следует вооружим наш новый корабль, довооружим шлюп и выйдем в море снова. Об этом я и хотел с вами поговорить.

— Мы слушаем вас господин Виктор — за всех ответил Ван.

— Я собираюсь пройти вдоль берегов Марокко. Мавры едва не убили моего брата и нас всех тоже. Баз всяких причин! Будет правильно отплатить им той же монетой. Я не привык ходить в должниках! Я никого не неволю, если кто-то не согласен, может сойти на берег в ближайшем же порту. Я честно расплачусь с любым, кто соберётся так сделать и не буду держать обиды. Охота за марокканскими кораблями не будет расценено как пиратство, мавры вне закона. В случае необходимости можно будет получить каперский патент у той же Испании или Португалии, нам его с радостью выдадут. Никого не тороплю с ответом, подумайте, время ещё есть. Буду рад если вы все останетесь, прошедшие события показали, что мы отличная команда!

Офицеры задумались, а я спокойно ел свой обед, наблюдая за ними. Дайон со мной, в этом нет сомнений. Как только я начал говорить, он сразу же кивнул головой в знак согласия. Мужик всю свою жизнь был военным и привык рисковать. Алан и шотландцы точно должны согласится. В бою все трое вели себя достойно. Алан к тому же не плохо владел саблей и выжил в самом первом отряде моих моряков, ворвавшихся на галеас. Это говорило о многом. Он был на острие атаки и даже серьёзно не ранен. Шотландцы добровольно пошли на брандер, хотя Марк даже плавать не умел. Шанс погибнуть у обоих был велик. Оно получили

обещанное вознаграждение, но мне кажется, что шли они не за ним, а просто хотели пощекотать себе нервы. А вот Ван... Он сугубо гражданский моряк — торговец. Он честно бился рядом со всеми, но это было скорее от безысходности. Не нравится ему война, старик явно уже хочет на покой. Со мной он из-за денег и ничего больше.

— Можно один вопрос господин Виктор? — внезапно как раз Ван оторвался от раздумий и посмотрел на меня.

— Слушаю Ван.

— Нужны будут хорошие бойцы, абордажная команда. Где мы их возьмём? Поймите правильно, набрать в ближайшем порту авантюристов мы сможем без проблем, но среди них скорее всего будут только нищие, которые готовы браться за любую работу — Ван не отрываясь смотрел на меня.

— Среди наших бывших гребцов есть казаки. Если кто не знает, кто это, то я расскажу. Они промышляют и поколениями живут разбоем, в том числе и морским. Вольные люди. В основном воюют с турками и татарами, правда и остальных могут ограбить без зазрения совести. Это прирождённые бойцы, других среди них нет — не держаться или погибают в первом бою. То, что они с одними цепями выжили на гребной палубе во время бунта, уже показывает насколько они хороши. Из всех выживших гребцов их девять человек. Четверо на ногах и пятеро на попечении Роджера. Этого конечно мало, но основа у нас будет. Среди них есть сотник, готовый командир абордажников. Наберём людей, а он нам проверит, кто и чего стоит. Он же и будет держать своих головорезов в узде. К тому же есть дезертиры, и скрывающиеся преступники, беглые рабы, те же ирландцы. Ирландцев вообще можно купить в колониях. За обещанную свободу и возможность вернуться домой они будут резать любого, на кого мы укажем. Мне без разницы кто чем жил в прошлой жизни, лишь бы люди были верны и хорошо дрались в бою. Такой у меня план.

— Ну тогда я согласен господин Виктор! — Ван встал и поклонился мне — видит бог, я хотел прожить свою жизнь мирно и праведно, но не удалось. Я много грешил и после смерти мне уготована геенна огненная. Однако вы идёте на богоугодное дело, и я присоединяюсь к вам! Может быть так я смогу искупить хоть часть своих грехов.

— Ван! Это не крестовый поход! — от удивления у меня даже глаза из орбит полезли — Это просто коммерция! Я терпимо отношусь ко всем религиям! Поверти мне, если бы Марокко было мирным княжеством я бы их и пальцем не тронул! Считайте, что это моя личная месть за брата! Кого я не люблю, так это работорговцев и фанатиков! В том числе и фанатиков христиан! А вы себя ведёте сейчас как сотрудник инквизиции!

— Не переживайте, я вас не подвяду! Я с вами! — упрямо сжал губы Ван.

— Я тоже! — буркнул Ален, не отрываясь от пудинга.

— И мы, только вот ирландцы... может быть не надо этих животных брать? — протянул Роджер.

— Тоже люди, как и мы с тобой и даже как негры! — ударил я кулаком по столу, начиная закипать — ты Роджер не в Англии! Чем тебе ирландцы не угодили! Тем что хотят жить без указки твоего короля? Так с тобой, с англичанином, король поступил не лучше, чем с ними! Тебя просто взяли и насильно забрали в матросы в те же бесправные рабы! И ты бежал! Ты преступник по всем законам Англии и тебе повесят если поймают, рядом с беглыми ирландцами! Там, на виселице, вас никто друг от друга не отличит! У нас тут кого только нет, представители всех религий, рас и цветов! На моих кораблях все будут равны! Хоть католики с протестантами и православными, хоть мусульмане с иудеями, если у нас такие появятся! Недовольные могут уйти. Пока уйти! Если после того как вы согласитесь я ещё раз подобное услышу, виновный будет болтаться на реи! Вот же ты мудака Роджер! Весь аппетит мне испортил!

Бросив столовые приборы на стол, я вышел. Внутренне я весь кипел. И ведь повешу! Любую падлу, которая посмеет разлагать дисциплину! Тут по-другому нельзя! Один в религию ударился и собрался мусульман резать, другому ирландцы не угодны, третий, сволочь такая, умирать мне тут вздумал, когда мне помощь нужна! Надо эту сволочь кстатн провести и успокоится. Я становлюсь нервным и агрессивным! Вывели козлы!

— Ну и смешно же ты выглядишь Витька! — Гриша уже не спал. Устроенный почти в личной «VIP» палате, он с удобством лежал на моей кровати и смотрел на меня с ехидной улыбкой. Давлюсь ему веселие с трудом. Обезболивающего не было, я запретил давать опиум раненым. Наркоманы мне не нужны, а Роджер не разбирается в дозировках этого наркотика, который сейчас применяется в медицине. Обессиленный организм так можно и убить — злобный шкет в наряде как у клоуна!

— На себя посмотри! Как будто дикобраза пытался изнасиловать! Я-то скоро вырасту и буду молодым и красивым, а ты старый пердун будешь, с рожей как у Квазимодо! — огрызнулся я.

— Чего злой такой, случилось чего? — посерьёзнел Гриша.

— Случилось... Тут каждый день чего ни будь случается! Дикари вокруг, даже поговорить не с кем. Готовы убивать друг друга только за то, что один молится Богу, а второй Аллаху, да даже если и одному Богу но не на том языке! За цвет кожи, за размер члена, за то, что у кого-то волос подмышками больше! — выговорился я.

— Это ты просто в теле подростка! Это в тебе молодая дурь играет! — хмыкнул невозмутимо Гриша — раньше ты поспокойнее был. А разве в нашем времени не так же? Ничего не поменялось. Запомни Витя, верить никому нельзя! Есть только ты и я, а остальные просто пока союзники! Нам тут связями и мышцами обрастать надо, а уж потом мы поменяем этот мир так как нам надо! Раньше помнится ты меня всегда одёргивал, а теперь мне приходится. Вот дожили!

— Это точно... — вздохнул я. Может и правда гормоны? Или я просто слишком долго держался? Да ладно, Гришке можно и пожаловаться, он поймёт — как думаешь, из тех, кто был на «Шторме» во время взрыва, выжил ещё кто-нибудь?

— Хрен его знает, но вряд ли — вздохнул Гриша — мы все в море оказались. Я тоже чуть не утонул. Пришёл в себя, а я голый и вокруг только океан! Я три дня продержался! Если бы мавры меня не подобрали, я бы сдох. Если остальные так же, то шансов мало. Это мы с тобой счастливики!

— Ага, повезло — согласился я — а ещё невероятнее, что мы встретились с тобой братишка! Ну ничего, пока ты там с веслом сношался и дурью маялся, я тут поработал за двоих. Поправляйся, тебя ждёт капитанский мостик «Шторма»! Себе я куплю или построю другой корабль. Пора навести шухер и показать всем и каждому, что нас с тобой трогать чревато, прямо до летального исхода! У нас с тобой много дел!

Глава 3

Два корабля шли вдоль побережья Африки, черный и мрачный шлюп и богато украшенный галеас. Со стороны казалось, что марокканский корабль преследовал своего европейского коллегу, уж очень разные, были эти корабли. С момента боя и захвата корабля Али прошло уже две недели. Как и обещал корабельный плотник, ремонт грот-мачты был закончен в точно указанный им срок, но нам всё равно пришлось задержаться.

Причиной задержки были раненые, и самое главное Гриша. После операции мой друг вроде пошёл на поправку, однако через четыре дня ему снова стало хуже, он опять впал в беспамятство. Большая температура показывала на то, что началось воспаление. Потребовалась повторная операция, которую мы и провели вместе с Роджером. Несколько ран загноилось, в том числе и на голове, и я безжалостно приказал вскрывать швы и чистить снова. Гришка выжил и в этот раз, но был слишком слаб для морского перехода, и я отложил его до тех времён, пока мой друг стопроцентно сможет его выдержать.

Мы не теряли времени даром. С пиратского галеаса было поднято всё что возможно. Только разбитый каркас остался лежать на берегу. Груз и оснащение отправились в трюмы «Шторма» и трофейного корабля, а обшивка корпуса пошла на постройку полноценного форта.

Лагуну на берегах будущего Кот-д'Ивуар, немного подумав, я решил превратить в свою временную базу. Ничего особенного я не городил. Из досок обшивки и шпангоутов разбитого корабля был возведён крепкий, одноэтажный блокгауз, окруженный по периметру габионом, выполненным из двух плетней, между которыми была засыпана земля, взятая перед ограждением. Дополнительно, для защиты от хищников и пехоты противника, поверх габиона была установлена и изгородь из колючего кустарника, на подобии краала или «егозы» из колючей проволоки. В итоге получилась невысокая, но труднопреодолимая земляная стена со рвом, в которой были устроены бойницы, да к тому же хорошо замаскированная. Форт предназначался для круговой обороны и для обстрела кораблей, входящих в лагуну. На вооружении форта были оставлены пять медных пушек с запасом пороха, ядер и картечи. Теперь обстрелы с моря укреплению были не страшны.

Гарнизон форта составили бывшие тяжелораненые и покалеченные моряки, а также семеро бывших черных невольников, которых я нанял на год (остальные трое, как я и обещал,

присоединились к моему экипажу). Задача коменданту форта, которым стал одноногий канонир, была поставлена простая. Принимать у населения местных племён слоновую кость, шкуры и рога животных, золото (если будет) и прикрыть мои корабли, если нам потребуется срочно укрыться в лагуне от преследователей. Щедро снабдив форт припасами, поднятыми с пиратского корабля, а также мушкетами и товарами для обмена, мы обещали вернуться как можно скорее, но не позднее чем через год. Памятуя о судьбе бывших владельцев поселения, а также о наличии враждебно настроенных племён поблизости, гарнизону было приказано форт без необходимости не покидать, и открывать огонь по любым туземцам, которые будут вести себя агрессивно.

И вот теперь мы снова идём в Тенерифе. Испанский остров с большим потоком разнообразных торговых путей и властями, которые готовы закрывать глаза на любые мелкие шалости своих клиентов за мзду малую, меня вполне устраивал, для продажи трофея, слоновой кости и покупки нового корабля. Да и мавров там не любят, сильно не любят... Так что проблем я не ожидал.

Сейчас я шёл на галеасе, оставив «Шторм» под управлением Вана. Новости о том, что я собираюсь продать галеас раздели моих офицеров на два лагеря. Ван был за продажу, а Алан наоборот, отговаривал меня от этого поступка. Шотландцы и Гриша заняли нейтральную позицию. Им было всё равно. Вот я и решил проверить мореходные качества галеаса, совершив на нём путешествие до Тенерифе, прежде чем окончательно решится на расставание с кораблём. Тут была и большая часть команды, так как управлять этим судном было куда как сложнее, чем шлюпом. Трюмы галеаса ломились от трофеев и товаров, ими была занята и палуба гребцов. По сути на «Шторме» сейчас только минимум моряков. И тем не менее «Шторм» уверенно обгоняет нас в открытом море, ловко маневрируя и меняя галсы. Всё же Ван отличный моряк.

— Твою душу мать! — зло ругается Сидор, поднимаясь с палубы — Ещё раз!

Мы бились с ним на главной палубе, вооружившись тупыми саблями, голые по пояс. Вокруг азартно переговариваются бывшие гребцы. На мне уже полно синяков, а на лбу вырастает шишка. Но тем не менее на палубе казацкий сотник, а не я! Я отступил на шаг, давая Черному подняться на ноги, и мысленно в очередной раз поблагодарил Филиппа. Сотник встаёт, хромая отходит немного назад и упрямо поднимает саблю. Он зол, и похоже сдерживаться в этот раз не будет, если он вообще сдерживался! По мне так мы с ним рубились почти в полную силу. Ударь я чуть сильнее, и колену Сидора пришёл бы конец, хотя и так, судя по гримасам боли, ему сейчас не сладко.

— Ты же дурен решил, что раз перед тобой отрок, то его можно просто массой задавить? — уверенно спрашиваю я. Я совсем даже не хочу получить от бывшего гребца увечья, но я мать его капитан и должен держать марку! Если продолжим, то мне будет больно! — ан нет! Сабелькой махать, это тебе не весло второчить, тут думать и уметь надо! Разочаровал ты меня Сидорка! Будь у меня настоящая сабля, ты бы уже без ноги был!

— Будь у меня настоящая сабля, ты бы боярин уже кровью истёк! — сквозь боль усмехается в ответ Сидор — я тебя три раза достал, а ты меня один! Начнём?

— Хрен тебе! — говорю я, опуская саблю — завтра продолжим! Спор ты проиграл, уговор был противника на палубу спровадить! А посему закрой пасть, и за работу!

Все казаки преобразились до неузнаваемости. Сбрили бороды и волосы на голове, оставив себе только усы. Европейские наряды они с презрением отвергли, переодевшись в шаровары, рубахи и жилетки, снятые с мёртвых мавров, на ногах у них сапоги на тонкой подошве, которые они тоже позаимствовали у павших воинов Али. Перепоясанные кушаками с саблями, они сейчас походили на запорожцев с картины Репина, только чубов не хватало.

Сидор, немного освоившись и разобравшись кто есть кто на кораблях, начал потихоньку наглеть, задирая то одного, то другого моряка, и по делу, и без, пытаясь затеять драку. Требовалось показать бывшему сотнику, что он тут не самая крутая шишка, а среди экипажа есть бойцы и покруче чем он. Первым на место его поставил Алан, вызвавший Сидора на учебный поединок и играючи разделавший его под орех. Португалец даже не запыхался, а Сидор хоть и признал поражение, но списал это на три года рабства и отсутствие тренировок. Сейчас Алан среди будущих абордажников в большом авторитете. После этого я имел серьёзный разговор с сотником. Казацкая вольница мне на кораблях не нужна, тут может быть только один босс! И этот босс я! При этом мне не хотелось принимать радикальные меры. Казаки мне были нужны. Вот я и решился, не иначе как с дуру, тоже потягаться силами с Черным. Понятно обставив это всё как учебный бой, на случай своего поражения. Я видел его схватку с Аланом, и сразу подметил, что, делая резкий выпад, он всегда выставляет свою левую ногу глубоко вперед, на несколько мгновений оставляя её без защиты. Об этом мне и Алан потом сказал. Мне надо было продержаться до тех пор, пока казак не решится покончить со мной одним ударом. И я продержался! Получив несколько раз тупой саблей по телу и кулаком в лоб, я не упустил момент. Удар по колену железякой, а потом от души в грудь ногой, и вот сотник повержен у всех на глазах!

Перед боем я поставил Сидору условие. Если побеждает он, то тут же переходит в офицеры, и я иногда буду слушать его советы, а если нет, то он больше свою варежку не разевает, никого не задирает, и выполняет все приказания моих офицеров и унтеров беспрекословно! Сидор легко согласился, мысленно примерив на себя уже новый чин, ну и вот последствия. Второй раз за день, он валяется на палубе, и в этот раз позорно проиграл он сопливому юнцу! Со стороны наблюдавших за зрелищем моряков раздаются весёлые смешки и подколки, казаки стоят и угрюмо смотрят на своего командира, а Сидор нехотя опускает учебный инвентарь.

— Твоя правда боярин. Уговор есть уговор — хмуро соглашается Черный, и гордо добавляет — я всегда своё слово держу! Приказывая, чего делать!

— Вот этих бездельников сабельному бою подучи! — скривившись от боли в рёбрах я надеваю рубаху и указываю на казаков, свободных от вахты моряков и бывших гребцов — каждую свободную минуту их натаскивай! Со мной и Аланом тоже будешь заниматься. Каждый день! А ещё будем учиться ружейному бою и стрельбе из пушек и пистолетов! Ну это уже Дайон нас всех вместе гонять будет, в этом он дока.

Я пошел в надстройку на корме, требовалось осмотреть повреждения организма. Кажется, у

меня ребро сломано! Сверху, на меня весело смотрел Гришка, опираясь на фальшборт.

— А лихо ты саблей научился махать Витька! — хохотнул мой неунывающий друг — только если между нами, Сидор бы тебя уделал на раз-два! Походу решил пожалеть рибетёнка казак, на свою голову! Кто же знал, что ты такой коварный тип!

— Не нае... не проживёшь! — буркнул я — ты это... Спускайся, надо бы глянуть, кажись эта падла мне ребро сломала!

— Ох и дурень ты Витька! — Гриша кряхтя оторвался от фальшборта — пойдём, пелёнки тебе поменяю, небось обгадился от страха!

Гришка туго замотал мне грудь шарфом. Тут нет рентгена, и мы оба не в курсе, целы ли мои кости или нет, так что лучше перебдеть. Оказывая мне первую помощь, Гришка делился своими впечатлениями. Впервые он смотрел как двигается галеас и шлюп не через вёсельный порт. Настроение и общий настрой у него были радужные, он был полон оптимизма. Бывший хулиган, который даже провёл в своё время несколько лет в колонии за драку, разобрался в психологии тесных мужских компаний, вынужденно запертых в замкнутом пространстве. По его мнению, мой авторитет на корабле непререкаем. Во время нашего учебного боя с Сидором, по его словам, несколько групп моряков готовы были немедленно вмешаться, если что-то пойдёт не так, и порвать казаков, а Алан даже тайком зарядил пистолет. Болели все только за меня и даже не сомневались в победе! Это говорить только об одном, весь экипаж готов за меня в огонь и в воду! Я же был настроен скептически. Только наша грандиозная победа и богатая добыча были причиной моей популярности у экипажа. Капитан удачлив, с ним не пропадём! А случись беда? Сколько из них останутся мне верными до конца? Вопрос, на который я не знал ответа...

— Господа! — Алан прервал наш разговор — на перерез «Шторму» идёт какая-то тартана!

— Одна? — удивился я, быстро снаряжаясь по-боевому.

— В том то и дело, что одна! — сказал Алан — и совсем не большая. Одна мачта всего. Он же не может ни видеть, что кораблей у нас больше!

— Ну пойдём глянем... — я, не оглядываясь быстро пошёл на палубу. Гришка доковыляет сам, его ждать некогда.

Я смотрел на странные манёвры маленького корабля и никак не мог взять в толк, что же происходит. Действительно, маленькое судно под латинским парусом на длинной мачте и кливером большого размера, резало курс шлюпу, не обращая внимание на галеас! Казалось нас вообще не существовало для него!

— Ты чего ни будь понимаешь? — я опустил подзорную трубу и повернулся к Гришке — это точно берберы, только они же не дураки! Нападать на наш шлюп на наших же глазах и думать, что мы не вмешаемся! Это же глупо!

— Господин Виктор — это какая-то ловушка! — Алан тоже обеспокоенно смотрел на странные действия тартаны.

— Похоже, да вот только я больше никого не вижу. Один он! Чего интересно задумал ирод?
— я задумчиво оглядывал горизонт — может он нас за своих принял?

— А ведь точно! Такое вполне может быть! — Гришка расхохотался — такие мелкие скорлупки часто к кораблю Али приставал, даже в открытом море!

— Вон оно чего... — протянул я задумчиво. Это всё объясняло! Действительно, шлюп шёл впереди, а галеас как будто гнался за ним! Наш флаг не видно, но силуэт у галеаса вполне узнаваем. Капитан тартаны решил помочь коллеге по опасному бизнесу! Потому-то он и не обращает на нас внимание...

— Да «Шторм» его легко обойдёт! — вздохнул с облегчением Алан — не понятно, на что он рассчитывает, наш шлюп быстрее.

— На нас он рассчитывает — понял я замысел мавров — если шлюп свернёт с курс, чтобы обойти тартану, то мы его догоним, и по идее он вполне может попасть под залп батареи на баке. Всё понятно. Готовится к бою! Зарядить пушки. Просигнальте «Шторму», что бы он в дрейф ложился.

— Зачем, мы ведь можем уйти? Как только пират поймите, что галеас Али захвачен, он сам отвернёт! — тупит португалец.

— Во! Правильное замечание! Спустить флаг, поднимем ка мы тряпку, что нам от Али осталась! — похвалил я Алана.

— А ты Витька голова! — усмехнулся Гришка — не зря большие звёзды носил! Сработает, бля буду!

— Куда оно нахрен денется... — довольно рассмеялся я, и пояснил ничего не понимающему Алану — «Шторм» сделает вид что сдаётся, мы же подойдём вплотную к маврам и прицельно дадим залп! Раз уж они нас за своих приняли, грех не воспользоваться случаем! Как думаешь, что будет, если по этой скорлупе в упор всадить?

— Гора трупов! — наконец-то до Алана дошло — предлагаю бить картечью, возможно удастся сохранить корабль!

— Ну давай так. Только кто его поведёт в порт? А, ладно! Разберёмся по ходу дела! Сигнальте на «Шторм»! — приказал я.

Систему сигналов, как семафорных, так и флажковых, мы с Гришей вдалбливали в двух выбранных сигнальщиков и нашим офицерам всё то время, что Гришка был в сознании. Именно он предложил использовать проверенный десятилетиями способ общения кораблей, не имеющих радиосвязи. Два смышлённых матроса, оба голландцы, науку усвоили крепко, а минимальный набор флажков нам пошил парусный мастер и сейчас настало время

проверить как всё это работает на практике.

Что бы привлечь внимание Вана, и показать пиратам, что мы претендуем на «трофей», одна из пушек произвела холостой выстрел, а затем в верх взлетели сигнальные флаги и сигнальщик принялся передавать сообщение. Мы были не далеко друг от друга и я был уверен, что сигнал увидят. Вскоре мы получили подтверждения того, что не зря тратили своё время. «Шторм» резво спустил флаг и стал убирать паруса. Наживка «сдавалась» пиратам.

Тартана оказалась возле шлюпа первой. Резво спустив паруса на подходе, кораблик пошёл на вёслах, становясь параллельно правому борт «Шторма». Пока никаких действий берберы не предпринимали, ожидая подхода галеаса. Капитан мелкой посуды прекрасно понимал, чья это добыча, и как сторожевой пёс, верный хозяину, стоял ожидая команды «Фас!». Наверное, он рассчитывал на долю, и его незавидная доля была уже близко.

Залп канониры дали с ходу! Едва галеас подошёл на пистолетный выстрел, так сразу в радостно приветствующих нас пиратов полетели тучи картечин. Залп из шести орудий в упор! Как будто старуха смерть махнула своей косой! Вот только что несколько десятков мужиков, в самом расцвете сил, стояли и веселились, предвкушая развлечение, и вот это уже филиал скотобойни! Как только прозвучал наш залп, жирную точку в судьбе пиратского корабля поставил «Шторм». На нём мгновенно открылись орудийные порты, и бортовой залп шлюпа превратил марокканскую тартану в тонущую развалину. Ван не мелочился, все орудия были заряжены ядрами.

— Да уж... — расстроенно протянул я, повернувшись к Грише — плакали наши трофеи! А ты знаешь, повременю ка я продавать галеас! Он нам, как оказалось, может ещё пригодится! Назовём его, пожалуй, «Писец», в память о наших с тобой полярных приключениях!

— Хорошее название! Только я бы впереди добавил слово — «Полный» — заржал Гриша — с почином Витя!

Глава 4

И снова Генерифе. Два тяжелогружённых корабля входили в гавань, осторожно лавируя между стоящими на рейде торговцами. «Шторм» вернулся из своего первого рейса с богатой добычей. За время плавания наши трюмы наполнились трофеями с разбитой и утонувшей тартаны. Осознав, что же он натворил, Ван после залпа развил бурную деятельность. Вельбот был спущен на воду в рекордные сроки, и прежде чем пиратский корабль скрылся в пучине морской, с него смогли перегрузить пять мелкокалиберных пушек, часть вооружения и принять на борт двенадцать уцелевших членов пиратской команды. Сейчас все пленные мавры уныло двигали вёслами, помогая галеасу маневрировать в гавани.

Наше появление вызвало нездоровое оживление портового начальства. Едва только мы вошли в бухту, как тут же в нашу сторону выдвинулись две галеры портовой стражи. Это сильно отличалось от прошлого нашего посещения острова. Помнится, когда тут в прошлый раз появился раздолбанный «Рокфор», нас удостоил своим вниманием только один портовый чиновник на вёсельной лодке, да и то, прибыл он к нам через пару часов, после

постановки на якорь.

— Чего это они? — я обеспокоенно смотрел, как к нам быстро приближаются боевые галеры, на которых было множество людей.

— Обычное дело господин Виктор — Алан, который стоял рядом со мной беспокойства не проявлял — галеас явно марокканский, а Испания с пиратами воюет. Когда в прошлый раз сюда входил Али, было тоже самое. Его не тронули, только потому, что он был посланником султана. Как только увидят наш флаг, большинство вопросов снимется.

Испанские галеры лихо встали, блокируя выход в море обоим моим кораблям и две шлюпки с вооруженными солдатами и офицерами отчалили от их бортов.

— Кто такие! — испанский морской офицер поднялся на борт галеаса, и даже не поздоровался, собака сутулая!

— Мирные торговцы — скромно выдал я, поправляя пистолет за поясом. Неудобно его носить, большая дура и весит много — прибыли на Тенерифе для продажи части товара и покупки припасов.

— Это марокканский корабль! — подозрительно посмотрел на меня офицер, не отходя далеко от борта, где стояла пришвартованная шлюпка с солдатами.

— Был марокканский, теперь мой. Вон, даже флаг на корме другой. Какие-то проблемы офицер? В Испании уже запрещено отбивается от пиратов и брать призывы с берберов? — я пристально посмотрел на испанца — он на нас напал и теперь принадлежит нам!

— Кому нам? — нахмурился офицер, он даже не представился, и я не знал, как к нему обращаться — раз вы захватили пиратский корабль, то должны знать, что пока он никому не принадлежит! Его принадлежность может решить только призовой суд!

— Мы не испанские корсары! — начал злиться я — мы российские подданные! Какое отношение призовой суд Испании имеет к пиратскому кораблю, захваченному Россией! Корабль не продается! Вы не можете нас задерживать, Россия с Испанией не воюет!

— Я не могу это сам решить... — подумав минуту, наконец нашёл выход из сложившейся ситуации офицер — корабль временно арестован, до особого распоряжения губернатора! Прошу не поднимать якорь и не выходить в море, до получения распоряжения иначе... ну вы поняли. Вам необходимо будет явиться на разбирательство в администрацию!

— Это беспредел! — начал было возмущаться я, но в это время Гриша дёрнул меня за рукав, показывая на «Шторм».

На моём шлюпе было всё плохо. Вооруженные испанские моряки крутили экипаж и вязали его по рукам и ногам. Я увидел, как Вана, закутанного как гусеницу и с кляпом во рту уже грузят в шлюпку.

— Почему захватили шлюп! — я снова перевёл взгляд на испанца.

— Это пираты. Шлюп «Шторм» захватил и ограбил голландский фрегат «Нидерланд» — равнодушно выдал офицер, уже забираясь в шлюпку — как у них только наглости хватило, явится в наш порт! Приказ губернатора, арестовать капитана и команду шлюпа «Шторм» и доставить для суда. У нас с пиратами разговор короткий, сегодня суд, а завтра уже будут болтаться на виселице! Всего хорошего, не забудет, что вам надо сегодня же посетить администрацию порта!

Я стоял и не мог вымолвить слова от шока. Вот и сходили на Тенерифе! А почему нас не арестовали? Почему команду галеаса никто не тронул? Мы вошли в порт вместе, у нас на корме развиваются одинаковые флаги! Да мать его я и есть капитан «Шторма»!

— Капитан! — от раздумий меня отвлек Алан — нужно срочно на берег! Дон Рудольф, местный судья, не любит долго возиться, у него есть дела поважнее! Суд начнётся через пару часов, как наших доставят в порт! На Тенерифе с этим не затягивают, прав испанец! Суды проходят обычно в здании администрации порта и публично.

— Почему не тронули нас? — кажется португалец осведомлён о здешних раскладах, может и эту загадку мне объяснит.

— Если у солдат был приказ арестовать только команду шлюпа, то им дела нет до галеаса. Нас не тронут, если не будет специального приказа, и если наши на суде не укажут на нас как на поделщиков. Испанцы, что с них возьмёшь! — усмехнулся Алан — нам повезло, что мы поплыли на трофеи!

— Ты знаешь судью! — спросил я Алана.

— Его тут все знают, а я провёл достаточно много времени на этом острове, чтобы познакомиться с ним близко. Пришлось платить штраф за бродяжничество. Трезвым он бывает редко и обычно только по утрам. А сейчас как раз утро и он наверняка будет чертовски зол, что ему не дают нормально выпить рома. Приговоров в отношении обвиняемых в пиратстве у него всегда только два, или повесить, или отправить на галеры, я ни помню, что бы хоть раз он выносил оправдательный приговор. Нужно успеть до суда его увидеть! Он, как и все любит деньги и вечно в долгах...

— Семья у него есть? Быстрее, теряем время! — поторопил я португальца.

— Есть, как не быть. Его плантация не далеко от города, там у него вила, где живёт его сын с женой, а так он вдовец, ну и в городе у него есть дом — тут же выдал мне Алан.

— Сидора и Дайона ко мне! Срочно! Готовить вельбот! Гриша, проследи! — приказал я, и бегом направился к своей каюте.

В каюте я открыл сундучок с наличными и принялся набивать кожаные кошельки деньгами. За этим делом меня и застали мои офицеры и казак.

— Сидор, ты хочешь быть командиром над моими бойцами? — не прерываясь обратился я к бывшему сотнику — есть дело, которое только ты и твои ребята могут сделать! Сделаешь и считай место твоё!

— Говори — просто ответил мне казак, без своего обычного многословия. Он видел, что дело принимает серьёзный оборот.

— Бери казаков, и двигайте с Аланом на плантацию судьи! Его сын и его баба должны быть на моём корабле через час! Но что бы волос с них не упал! Как только захватите, передашь Алану что ни будь из личных вещей его сынка и на корабль, но что бы вас с поклажей никто не видел! Ты Алан сразу же дуй в суд. Я и Дайон там будем! Теперь ты Дайон. Бери деньги, и как хочешь, но переговори с судьёй до начала процесса! Мы представим на суде доказательства нашей невиновности, а он должен вынести приговор, который нас устроит! Всё мужики, бегом! — быстро раздавал я ценные указания подчинённым.

— С заложниками не перебор? — Гриша остался стоять в каюте рядом со мной — мы же не бандиты.

— Разве нет? — усмехнулся я — кто бы говорил! Времена сейчас такие, на справедливый суд нам рассчитывать нельзя. А ну как судья заартачится и не возьмёт деньги? Или если Дайон не успеет? Да и не жалеешь ты сынка судьи! Раз плантатор, то рабов у него на плантации много. Он рабовладелец! Он, наверное, и сам не помнит, сколько негров на тот свет уже спровадил. Нету тут безгрешных! С волками жить, по волчьи выть! Я тоже сейчас еду на берег, только бумаги собираю, что мы с капитаном «Нидерланда» подписывали. Ты же Гриша, готовься к бою. Может и обойдётся конечно. Но если нет... Поверь, в тюрьму тут лучше не попадать. Запытают до инвалидности, а потом или сожгут, или колесуют, или повесят. Они те ещё затейники. У мавров на галерах куда как комфортнее условия. Если кипеж начнётся, попытайся прорваться из порта. Галера вроде ушла, шансы у тебя будут.

— Я без тебя не уйду! — буркнул Гришка — повоюем ещё! Иди, я тут сам разберусь.

Вот за что я Гришку люблю, так за то, что он лишних вопросов не задаёт, и сомнений не испытывает. Сказал командир — надо! Значить надо! Когда он за моей спиной, любое дело, это уже половина успеха! И в бане к нему можно спокойно тылом поворачиваться и не переживать, вот настолько я в нём уверен! Нужно было спешить, сделать надо было многое, а времени почти нет.

Возле портового суда собиралась толпа. Со зрелищами на острове проблема, а тут пиратов привезли! Я с трудом пробился ко входу, и сунув в руку караульного один песо, скоро был уже внутри. Свободных мест было немного, но они ещё были. За зрелище надо платить и вход на судилище не зря был платным. Если сюда все голодранцы припрутся, то благородным людям не хватит мест! В переднем ряду, на скамье сидел Дайон и вид у него был не весёлый.

— Не взял или не успел дать? — я плюхнулся на скамью рядом с французом.

— Успел и дал — вздохнул Дайон — только он вместо виселицы их на галеры определит. Говорит не может оправдать, распоряжение губернатора с пиратами не церемонится... Говорит потом с галер можно будет выкупить, а вот шлюп и все товары на нем конфискуют! А может я ему мало дал■

— Ну это мы ещё посмотрим! — настроение упало в ноль, во мне поднималась холодная ярость. Мужики страдают из-за меня! Нужно было топить фрегат со всеми его пассажирами и экипажем! Вот и делай после этого добрые дела! — губернатор говоришь распоряжение дал? Пора упразднить эту должность, от них одни проблемы! Ну ничего, я этим попозже займусь...

Скоро в суд ввели моих матросов и Вана. Моряки были потрёпаны и побиты, на их руках и ногах гремели цепи. Увидев меня, мужики подбодрились, и заметив мой успокаивающий жест некоторые даже заулыбались. Ван же смотрел на меня, не отрываясь, и по его выражению лица было не понятно, что чувствует мой первый помощник. Ничего хорошего, это уж как пить дать...

Судья был в грязной мантии и засаленном парике. Толстая, опухшая рожа красного цвета и недовольное выражение лица выдавали в нём запойного алкаша. Выхлоп перегара отчётливо доходил даже до нас. Грузная фигура величественно прошествовала на кресло, на котором лежала толстая подушка. Тощий секретарь с финалом под глазом залепетал на испанском обвинение моим морякам и показания свидетелей. Речь секретаря мне на ухо переводил Дайон, который сносно владел испанским. В будущем вся латинская Америка на нём будет разговаривать. Сейчас этот язык очень распространён, почти как английский в моё время. Я честно говоря тоже занимался его изучением но пока не преуспел, не было у меня стимула как в изучении голландского и французского. Суд начался.

— Ваша честь! — как только судья устроился в кресле, я подскочил с места и заговорил на голландском. По информации Алана, судья владел этим языком — вы судите невиновных!

— Вы кто такой■ — возмущенно уставился на меня судья свинячьими глазками — сядьте на место или я позову стражу! Дело простое и ясное! Есть показание представителей Ост-Индийской Голландской компании, моряков с фрегата и уважаемой сеньоры Ван Донген! Это неоспоримые доказательства злодеяний этих негодяев!

— И тем не менее, у меня на руках имеются документы, подтверждающие невиновность подсудимых — садится на место я не собирался — Меня зовут Виктор и я вызвался защищать этих несчастных от несправедливого обвинения!

— Что это за доказательства? — сморщился судья.

— Контракт, подписанный между капитаном фрегата «Нидерланд» и капитаном шлюпа «Шторм»! В нём чётко указано, что товар, который якобы был захвачен этими людьми, на самом деле честно куплен и за него уплачены деньги! Когда это торговля приравнивалась к пиратству■ Да и как объяснить тот факт, что «Нидерланд» пришёл на Тенерифе с живой и целой командой, под своим флагом и с грузом пряностей на борту■ Никто из команды или

пассажиров не лишились денег и драгоценностей! Будь они пиратами, они забрали бы весь груз и в том числе сам фрегат! Это получается, что можно продать кому-то товар, и потом обвинив его в пиратстве вернуть его себе! Где справедливость! Испания всегда славилась тем, что уважает законы! И конечно же своими справедливыми судьями! — выдал я заранее заготовленную речь, потрясая бумагами — Они невиновны!

В зале суда началось нездоровое оживление. Изначально уверенные в виновности моряков, теперь зрители смотрели на них другими глазами.

— Я не буду это смотреть! У вас какие-то бумаги, а у меня показания уважаемых людей! — судья покраснел ещё сильнее, от возмущения, что кто-то посмел вмешаться в дело, которое он считал решённым — им нет смысла лгать! Кроме того, кроме разбоя есть и факты применения насилия! Был искалечен капитан фрегата, а над синьорой Ван Донген, пытался надругаться некто Жохов! Этой прекрасной даме повезло, что злодей ни на что не способен как мужчина, иначе произошло бы непоправимое! На лицо неопровержимые улики покушения на жизнь и достоинство благородных господ!

Кто импотент! Я! От возмущения я даже на мгновение потерял дар речи. Рядом пыхтя в рукав как паровоз ржал Дайон. Соберись Витя, убить судью ты всегда успеешь!

— Простите господин судья, а о каких благородных господах речь? — с трудом сдерживаясь задал я вопрос — на сколько я знаю, Михаил Руландс, капитан фрегата «Нидерланд», не дворянин! Подумаешь, высекли простолюдина! Будет знать своё место смерд! Это обвинение абсурдно!

Толпа одобрительно загудела. Действительно, подумаешь фигня какая! Это не преступление! Подумаешь простолюдину горячих всыпали!

— Патриция Ван Донген — дворянка! — судья с трудом сдерживался.

— Её изнасиловали! Нет! Она сама созналась! И потом, слово женщины, пусть и дворянки, против слова благородного дворянина синьора Жохова? Вам самому то не смешно? Благородный синьор отверг её, вот она его и оговорила! А что вы хотели от протестантки! Ведьма она! — разошёлся я. После моей речи, сидящие вокруг испанцы даже начали выкрикивать одобрительные реплики — Да и с мужской силой у Жохова всё в порядке!

— У нас нет показаний синьора Жохова! Он успел скрыться от правосудия! — судье пришлось повышать голос, чтобы перекричать шум толпы — К порядку!

— Почему нет? — сделал я удивлённое лицо — я и есть синьор Виктор Жохов! Приведите сюда любую пригожую девку, и я докажу вам, что ведьма Ван Донген лжёт! А раз лжёт она в этом, значить и во всём остальном!

— Вы Жохов! — судья тарачил на меня глаза — сам сдался...

— Жохов не сдаётся! Я пришёл сюда за своими людьми, чтобы восстановить справедливость

и снять эти бредовые обвинения! — мне тоже пришлось перекрикивать шум толпы.

— Вы арестованы! — завизжал судья — стража, взять его!

— Не так быстро! — прошептал я жирному борову. Я был в первом ряду, и как только судья завопил, через секунду был возле него — иначе твой сынок и невестка умрут! Узнаешь?

В моей руке был зажат кулон с портретом какой-то женщины. По словам Алана, это была покойная жена судьи и этот кулон носил на шее его сын. Судья таращился на него как на носовой платок прокажённого, а в это время стражники уже подбегали ко мне.

— Поторопись боров! Мои люди в зале, и если меня хоть пальцем тронут, тебе твоего сынка пришлют по частям! — поторопил я судью шёпотом.

— Порядок! — быстро пришёл в себя судья — отставить стражу! Действительно, сейчас мне совершенно ясно, что благородный синьор Жохов абсолютно невиновен!

— Вернуть корабль, груз, и отпустить моряков — шепотом напомнил я судье.

— Команда шлюпа «Шторм» оправдана. Постановляю освободить арестованных, корабль и груз из-под ареста! — судья поправил мантию, как будто она его душила и шёпотом спросил меня — это всё? Вы отпустите Адриана!

— Есть у меня проблемка с призом. Мы тут намедни марокканский кораблик захватили. Случайно не вы призовой судья? — скромно потупив глаза тихо поделился я своим горем с опытным юристом.

— Он ваш! — выдохнул судья — это всё!

— Вот теперь всё! Гонорар за свои услуги вы уже получили, а сына с невесткой получите, как только у меня на руках будут все бумаги! А нет, не всё! Мне так же нужны бумаги на владение «Штормом» и испанский каперский патент. Сможете решить? За отдельное вознаграждение естественно. Клянусь, с головы ваших уважаемых родственников не упадёт и волос! Мы устроим их со всеми удобствами и отблагодарим за беспокойство — я удовлетворённо смотрел как моих моряков, освобождали от цепей. А эти испанцы продвинутые! Эти кандалы закрываются на замок, а не заклёпываются как у голландцев.

— Договорились! — буркнул судья. Упоминание дополнительного вознаграждения его взбодрило — а вы умеете решать свои проблемы Жохов!

— Что есть, то есть — скромно согласился я — всего хорошего, я забираю своих людей и ухожу. С вами свяжется мой офицер.

Я шёл в окружении своих матросов и грустил. Теперь меня каждая собака на Тенерифе знать будет! Слава мать её! Импотент, который в суде доказал, что он ещё может! Хорошо хоть до демонстрации дело не дошло... А ведь хотелось жить скромно и не заметно!

С судьёй мы подружились. Полезный оказался человек. Алан был прав, долгов у него была масса и деньги он любил едва ли не больше, чем алкоголь. Дон Рудольф уже к вечеру того же дня, когда проходил суд, снабдил меня кипой бумаг и судебных решений, оформленных по высшему разряду. Согласно полученных документов, синьор Виктор Жохов становился полноправным хозяином шлюпа «Шторм» и галеаса «Писец». Решением призового суда мне предписывалось самостоятельно расплатиться с командой, принимавшей участие в захвате пиратского корабля, и выплатить испанской казне чисто символическую долю. Вторым решением с меня и моего экипажа снимались все обвинения в пиратстве. Аресты с кораблей сняли, и оба моих судна стояли сейчас на знакомой верфи. Требовалось отремонтировать повреждения, полученные в бою, а также переоснастить их для предстоящих задач. А задачу я перед собой поставил серьёзную. Жить пока мы будем войной, ибо ничего другого не умеем. Разве что бить китов...

Берберы — бич Средиземноморья. Марокко, Алжир, Тунис и Триполи жили пиратством. Пираты фактически правили этими странами и были там очень уважаемыми людьми. Действуя из множества портов Варварского берега, они держали в страхе всё западное Средиземноморье. Деятельность пиратов не ограничивалась одними лишь нападениями на торговые суда в морях, они очень часто устраивали рейды на прибрежные города Европы с целью захватить в плен христианских рабов и продать их на невольничьем рынке в Алжире или Марокко. Борьба с ними шла с переменным успехом и была очень затратной. Порты пиратских столиц были хорошо укреплены, а некоторые были настолько мелководными, что могли принимать у себя только суда с небольшой осадкой. Как только крупные флоты европейцев появлялись в море, чтобы уничтожить пиратов, берберы укрывались в своих убежищах пережидая осаду. Через некоторое время, исчерпав запасы и потрёпанные штормами, европейцы убирались восвояси, а берберы выходили на промысел снова. Но не грабёж был страшен европейцам. Потери товара и денег можно возместить, корабли отстроить снова, а вот людей не вернёшь. А берберийские пираты выходили в море именно за рабами. Основная масса рабов на Магрибе была из бывших моряков с захваченных кораблей, рыбаков, и жителей прибрежных поселений Европы. Только знатные и богатые могли рассчитывать на выкуп, остальных ждала не завидная доля.

Пленные, принявшие ислам, в основном освобождались, поскольку порабощение мусульман было запрещено, но это означало, что они никогда не могли вернуться в свои родные страны. И вот из этих людей и получались самые отпетые отморозки. Опытные моряки, знающие все хитрости торговцев и военных своих бывших стран, принимали ислам и становились пиратами, чтобы освободиться. Более половины капитанов корсаров происходила из вероотступников.

Вести войны с берберами было не выгодно. И как это не удивительно, более мощные в военном и экономическом плане европейские державы предпочитали платить пиратам, за безопасный проход. То и дело заключались соглашения о перемирии и обмене пленными и рабами, то и дело они нарушались. Это война шла почти непрерывно и с переменным успехом. Едва только одна из стран договаривалась с пиратами, тут же под её флагом

начинали ходить все европейцы, пока это не надоело берберам, и тогда они опять начинали грабить всех подряд. Следовала карательная экспедиция, недолгая осада портов и новый договор, и так по кругу. Только одна страна (если можно её так назвать) никогда не заключала перемирия с берберами и вела с ними активную и бескомпромиссную войну — Мальтийский орден.

Мальта сейчас не была самостоятельным государством. Это был протекторат Испании. Но орден де факто был самостоятелен во всём. Он жил войной. На Мальте тоже было рабство, но вот рабами там были исключительно мусульмане. Орден выкупал пленных мавров у всех, кто хотел их продать, формируя обменный фонд. Периодически монахи отправлялись в стан врага, и вели переговоры об обменах и выкупах христиан, рискуя своей свободой и жизнью. Если переговоры проваливались, переговорщики пополняли рабские рынки Варваринского берега.

Обо всём об этом мне и поведал судья, когда мы с ним мирно беседовали, попивая ром в одном из кабаков Тенерифе. Сейчас у Испании с пиратами был очередной период хрупкого мира и каперский патент мне не светил. Таким документом я мог обзавестись только на Мальте.

— С вашими способностями синьор Виктор, вам на Мальте самое место! То чем вы решили заняться, без сомнения благородно, но сейчас Испания не готова вам помогать. Я имею ввиду официально. Вчера я имел беседу с губернатором насчёт вас. Он готов посодействовать продаже ваших товаров на Тенерифе по самым выгодным ценам, и продать вам со скидкой всё, что вы пожелаете для оснащения экспедиции, но другой помощи не ждите! Официально вы тут не желательный гость! Тенерифе живёт торговлей, и нам не нужны пиратские орды возле наших берегов — судья на удивление трезв, хотя выпил ни мало. Я тоже вынужден пить с ним, слава богу, что в моём бокале всего лишь слабое вино.

— Дон Рудольф, я вам искренне признателен за помощь! — совершенно не кривя душой говорю я. Да, судье мы отвалили ни мало, но он отработал всё до копейки! — мы начали знакомство ни хорошо, и тем ни менее смогли стать друзьями. Ваш совет очень ценен! Передайте губернатору, что я понимаю всю сложность его положения и от меня он проблем не увидит. Как только мои корабли закончат ремонт, я тут же уйду. Мальта хороший вариант. И в связи с этим у меня вопрос. Можно ли тут приобрести пленных мавров? Галеасу требуются гребцы, и хотя я не намерен в будущем держать на вёслах рабов, сейчас у меня нет другого выхода. Все они останутся на Мальте, как только мы до неё доберёмся.

— Рабов купить тут не проблема мой друг — задумался судья — но вот мавров... Их всех обменивают практически сразу. Я подумаю, что можно сделать. Но чем вас не устраивают негры или ирландцы? Тут вполне можно купить и тех и других.

— Тут продают ирландцев? — удивился я — а я думал, что их всех перевозят в колонии и найти их можно только там.

— Ну что вы! Через Тенерифе корабли и идут в Новый свет! Сейчас с Англией мир, и английские корабли частые гости у нас в порту! Поверьте, капитанам без разницы где

продавать товар, лишь бы цена устроила! Ирландцы стоят дёшево, и в колонии их везут только для того, чтобы максимально избежать возможности бунтов и побегов. Пять-семь фунтов, и любой ирландец ваш! До Нового света все невольники не доживут, есть риск потерять вообще всех, поэтому с этим нет проблем! В Европе ирландцы не пользуются спросом, больно строптивы, поэтому и пошёл слух, что их продают только в колонии — судья снисходительно смотрит на меня. О рабах он говорит равнодушно, как будто речь идёт о мешках с мукой! — деньги у вас есть, вы можете купить несколько сотен ирландцев, если вам всё равно!

Галеас я сильно менять не стал. Корабль будет сюрпризом для знающих его пиратов. «Писец» был только тщательно отремонтирован, на него так же дополнительно были установлены несколько орудий небольшого калибра и на этом всё. Для своих целей он был и так хорош, и я всё же думал, что, когда эффект неожиданности сойдёт на нет, я с ним расстанусь, заменив на корабль с более мореходными качествами. Вечно прозябать в Средиземном море я не планировал. А вот «Шторм» я перестраивал более капитально. Максимальное количество орудий, способных создать превосходство в огневой мощи над любым, даже более крупным кораблём — вот что мне было надо. Для этих целей я решил пренебречь удобствами и комфортом офицеров и экипажа. На корме, будет стоять батарея из четырёх крупных орудий, порты которых будут замаскированы элементами декора, на орудийной палубе так же прорезались дополнительные пушечные порты. На верхней палубе вдоль бортов, в том числе на шканцах, полуюте, баке, и даже в марсовых гнёздах, будут установлены фальконеты, которые будут нужны для близкого, абордажного боя. Шлюп станет тяжелее и медленнее, придётся увеличить осадку, добавив балласта, но так он больше будет походить на неповоротливого торговца, выступающего в роли наживки. Не знаю сколько раз у нас получится тот трюк, который мы применили в бою с пиратской тартаной, но я хочу выжить всё возможное, из козыря, который попал мне в руки.

— И всё же я не понимаю. С пиратов большой куш не возьмёшь, это не торговцы — в очередной раз мы беседуем с Дайоном — я уверен, что уничтожить мы сможем многих, но добычи с них не взять. Почему бы нам не пойти снова в нашу лагуну за костью?

— Ты думаешь, что аборигены способны убивать слонов сотнями? Мы только пришли и наверняка набрать достаточно кости в форте не успели. Мы вернёмся туда через полгода, не раньше. Не волнуйся Дайон, без денег мы не останемся. И нам не нужны все пираты Дайон — усмехнулся я — даже больше тебе скажу, если мы встретим пирата, который будет мирно идти мимо, то пусть себе и идёт! Нам нужны только те, которые возвращаются с промысла! Понятно, что нам придётся бить всех подряд, кто клюнет на нашу приманку. И тем не менее в приоритете именно насосавшиеся крови упыри! Да и потом, оружие, пушки, такелаж, да и сами корабли и захваченные пираты стоят ни мало! Мальтийский орден купит всё! Их основные корабли как раз галеры, тартаны и галеасы. Их купят без проблем. И при этом нам не придётся за ними бегать, они сами придут к нам. Мы конечно не будем заниматься этим вечно, но сейчас у нас есть хороший шанс заработать. Что там с командой?

— Ваш Григорий и Сидор, отбраковали большую часть претендентов! — начал жаловаться Дайон, на новых офицеров — Сидор со своими головорезами заставляет всех драться с

ними, прежде чем нанять! К нам уже никто не хочет идти!

— Ха! — усмехнулся я — да, критерии отбора у нас особенные. Я не хочу опять потерять большую часть команды, из-за того, что они не в состоянии себя защитить. Так что всё они делают правильно. Что там с маврами и ирландцами?

— Мавров удалось купить всего двадцать одного человека. Ирландцев сейчас у нас почти двести человек. И опять же, подбором занимается Сидор с его казаками! Берёт самых отъявленных бунтовщиков! У нас будут с ними проблемы! И вообще, можете мне объяснить, зачем нам столько? — отчитался Дайон.

— Все они получают свободу, а по итогам экспедиции, возможно и свой корабль — ошарашил я бывшего канонира — мне нужны не рабы, а бойцы и союзники. Когда к людям относишься по-человечески, можно рассчитывать, что тебя они не предадут. Вспомни наших негров. Если бы не они, мы были бы трупами! Ирландцы ненавидят англичан, назад на родину им путь заказан. Там их ничего хорошего не ждёт. У них не будет другого выхода, как только честно служить мне, если я буду с ними справедлив и не обделю добычей. На них у меня есть и другие планы, но об этом пока рано говорить. Собери их завтра всех на галеасе пора знакомится с новыми членами команды!

Закованные в цепи мужики сидели на гребных скамьях. Гребная палуба была полна людей. Изможденные, но несломленные ирландцы, которых превратили в рабов захватчики. А меня смотрели все насторожено, не ожидая ничего хорошего. А чего им от меня ждать? Я купил их как скот на базаре! Они все принадлежат мне! Белые рабы, которыми официально и по дешёвке торгует каждый кому не лень. Негр в самом расцвете сил, стоит в десять раз больше, чем любой из них. Их участь сгнить на плантациях Нового света. Я стоял на палубе со стороны кормы, так что бы каждый мог как следует меня рассмотреть. Рядом были Сидор, Гришка и Алан.

— Меня зовут Виктор Жохов, и я ваш хозяин! — начал я разговор, обратившись к рабам на английском — и сейчас вы на своих рабочих местах! Вам предстоит стать гребцами на моём корабле!

Ни одного звука или реплики не последовало от угрюмых повстанцев. Все они смотрели на меня молча. Хозяин решил напомнить им, кто они такие? Они помнили и так...

— И это для вас очень хорошая новость! — продолжил я — потому что вы все получите свободу!

Продолжение речи уже никого не оставило равнодушным. Угрюмые и злые взгляды стали растерянными. Мои новые гребцы удивлённо стали переглядываться между собой. Послышались первые, робкие перешёптывания.

— Сейчас с вас снимут эти цепи, но вы останетесь на гребной палубе. Не советую никому бежать с корабля. На Генерифе вам не скрыться. Я жду от вас двоих самых авторитетных представителей, которые будут со мной говорить от вашего лица и станут вашими

командирами. Но это потом, сейчас же, я расскажу вам, что я хочу от вас, и что вы получите взамен. Начнём с того, что я не англичанин, а этот корабль, как и второй принадлежащий мне, ходит под русским флагом. Я не люблю работорговцев и к рабству отношусь плохо. Вас всех выбрали и купили, потому что вы бойцы! Именно в этой роли вы мне и нужны. Моя команда собирается выйти к берегам Магрибе, чтобы захватывать корабли берберийских пиратов. В бою, и это я знаю не понаслышке, от гребцов зависит многое, невольникам на боевом корабле доверять нельзя. Поэтому на вёслах у меня будут сидеть свободные люди. Вы! Вы будете грести, а когда станет необходимо, с оружием в руках присоединитесь к остальной команде в бою! Измены и бунта во время боя я не боюсь, биться мы будем с мусульманами. Если проиграем мы, то и вам тоже не поздоровиться, свободные гребцы, станут гребцами невольниками на пиратских галерах. Я жду от вас дисциплины и точного выполнения приказов офицеров и унтеров! Наказание за неповиновение — смерть! Это касается не только вас, но и остальных членов команды. Считайте, что вы на боевом корабле, и только что вас приняли в матросы! Это то, что я от вас жду, а теперь то что вы получите. Про свободу я вам уже говорил. Как и вся команда вы будите иметь долю с добычи. Но и это не всё. Как только я решу прекратить походы, или продать галеас, вы сможете вернуться домой. На своём собственном корабле и в качестве свободных людей! С добычи вы сможете накопить денег и выкупить своих родных и близких из рабства! А теперь, я жду ваших командиров у себя в каюте. Поздравляю с поступлением на службу в российский флот!

Я развернулся и вышел. Вот гавнюки! А где троекратное «Ура!»! Ну ничего, мы их с Гришей быстро научим родину любить, и это я не про Ирландию! За моей спиной нарастал гул голосов, и я слышал, что был он радостным. Ирландцы обсуждали мои слова. Они ещё не мои, но когда прольётся кровь, и они будут биться с моим интернациональным экипажем плечом к плечу, спасая друг другу жизни, они станут друг другу как родные братья, даже больше. Я был на войне, я знаю, что нет ничего крепче братства крови. Когда бойцы жизнь друг за друга отдают, оставаясь прикрывать друзей, вызывая огонь на себя или вступая в безнадёжные схватки. Кто вместе проливал кровь, готовы стоять до конца за своих боевых товарищей.

Через полчаса я уже беседовал в кают-компании с двумя выборными. Гребцы шустро справились, проявив редкое единодушие. Два истощённых мужика, каждому лет за сорок на вскидку — Мур и Линч. Они стараются держатся с достоинством, но сразу видно, им не привычно в обстановке роскошной каюты трофейного галеаса.

— Уясните раз и навсегда! Я не занимаюсь благотворительностью. Заплаченные за вас деньги вам придётся мне вернуть! Я освободил вас я своих личных целях и жду от вас взаимности! Каждый из вас двоих станет сотником и командиром гребцов правого и левого борта. Я не потерплю саботажей, лени и неисполнения приказов! Никто из ирландцев не должен, ни словом, ни делом вступать в конфликт с другими членами экипажа! Оскорбление религии, расы, цвета кожи или страны не приемлемы, тут у меня как на ковчеге, каждой твари по паре и я буду уважать и защищать каждого! Среди нас есть и шотландцы, и англичане, так вот — свои проблемы и распри оставьте за бортом! Любой намёк на подобные действия и виновник будет болтаться на рее! Спрашивать за все косяки

гребцов я буду в первую очередь с вас! Там, на палубе, я высказал всё в общих чертах. Ваша же задача, донести до каждого ирландца одну простую мысль. Работать надо не на страх, а на совесть и так же биться в бою! Мы в одной лодке, и в прямом, и в переносном смысле! Теперь вы мои офицеры, и будете присутствовать на всех совещаниях, приемах пищи и других мероприятиях наравне со всеми. Вам будут кланяться и ваши приказы будут исполнять все члены команды. Большие привилегии! Только вот беда, я вас не знаю! Чего мне от вас и ирландцев ждать? А может всё вернуть назад, пока не поздно?

— Мы не подведём вас господин Виктор! — твёрдо ответил мне Линч — если всё, что вы сказали правда, можете на нас рассчитывать! Ирландцы упрямы, но умеют быть благодарными! А биться мы умеем, английские свиньи могут это подтвердить!

— Сидор — я повернулся к казаку, который присутствовал при разговоре — на рею эту падлу! Он с первого раза не понимает, а тупые мне не нужны!

Растерянного и сопротивляющегося Линча утащили из каюты, а я посмотрел на бледного Мура.

— А с тобой, будут проблемы? Как видишь, твой товарищ не понял, что я от вас хочу...

— Проблем не будет! Вы наглядно объяснили, что от нас требуется, я думаю одного раза достаточно — быстро ответил ирландец.

— Ну и отлично! — улыбнулся я — мне нужен новый сотник левого борта. Приведёшь его ко мне через час. Иди и объясни всем, что я не шучу, когда что-то говорю. Мои приказы выполняются беспрекословно!

Мур ушёл, а я тяжело вздохнул. Как же трудно набирать сотрудников! А я всегда думал, что кадровики самая бесполезная должность на флоте! Эх, мне бы сейчас сюда какого ни будь отставного военкома...

— Сидор! Не вздумайте вешать этого тупого ирландца за шею! — я вышел на шканцы и с интересом посмотрел на приготовление к казни, а потом на русском обратился к сотнику казаков — пусть часик кверху ногами проболтается. Если выживет, на берег его, дашь ему пинка под зад и пусть валит на все четыре стороны!

Сидор разочарованно выругался, кровожадный тип! Но убивать ирландца за его ненависть к тем, кто превратил его жизнь в ад, я не мог. Будь дело в море, я бы не колебался, но на берегу ещё можно позволить себе быть милосердным. Свою роль, в качестве урока остальным Линч выполнил, и я прощаю ему его долг.

Глава 6

«Писец» гонится за «Штормом», а за галеасом вдогон идут две трофейные тартаны. На перерез шустрому шлюпу, режа ему курс и отрезая его от открытого моря мчатся две пиратские галеры. Ещё одни попались!

— Алан! Что бы не как в прошлый раз! Ты меня понял? — я перевожу взгляд на португальца, и он смущенно отворачивается — только картечью, и только по верхней палубе! Стрелки хреновы!

— Тот галеас стрелял по «Шторму». Я думал он может его повредить — в который раз оправдывается мой офицер.

— Думал он... А в итоге галеас со всей командой и грузом на дне! И гребцов спасти не смогли. «Шторм», если что и сам отбиться сможет. Там пушек как на собаке блох, и я с Сидором там был. Мы же тогда не стреляли в ответ! Маврам добыча нужна, сколько раз тебе говорить! Они стреляют куда угодно, только не по кораблям. Пугают так, заставляя остановиться. Эти вот двое, что на перерез идут. Там гребцов несколько сотен, и всё это рабы. Постарайся в этот раз без косяков. Посмотрим сейчас по обстановке, может вообще без стрельбы обойдёмся, пусть Мур со своими проглотами жалование отрабатывает! И перед атакой флаг поставить, а то в прошлый раз едва не забыли!

Мы честные корсары. Все мои корабли кроме «Шторма», который всегда выступает в качестве приманки, ходят обычно под флагами Марокко. Но вот перед атакой вражеская тряпка падает вниз, и вверх гордо взлетает Андреевский флаг. В самый последний момент меняем конечно, но тем не менее в бой корабли идут под моим флагом. Всё честно, да и зачем погони морские устраивать, которые могут продлиться несколько часов, а то и дней, ведь можно сделать всё проще...

Закончив ремонт и переоборудование кораблей на Tenerife, моя маленькая эскадра ушла в Средиземное море. Мы перебирались на Мальту, где рыцари одноименного ордена вели непримиримую борьбу с берберийскими пиратами. Мне нужно было легализоваться, получив документы и каперский патент, а также заручиться поддержкой какого-то государства, пусть и такого крохотного как Мальта, ну и обзавестись базой, куда можно было бы без проблем возвращается для ремонта и отдыха. Мальта для этого подходила лучше всего. Рыцари были достаточно терпимы к христианским конфессиям, у них была четко регламентированная практика каперства, существовал морской суд, который расследовал спорные моменты захвата судов и распределения добычи, а также каперский патент мальтийских рыцарей давал любому их каперу право висты, которое признавалась всеми европейскими державами. Право висты позволяло ордену входить на борт любого заподозренного в перевозке турецких товаров корабля, а также конфисковать его груз с последующей перепродажей в Валлетте. Рыцари давно утратили свои первоначальные цели, по сути живя войною и пиратством. Большинство рыцарей превратили войну в бизнес, грабя все подряд мусульманские корабли (а иногда и европейские, если они везли товар османам), подрабатывая наёмниками в европейских армиях и флоте, при этом не чураясь вступать на стороне своих нанимателей в войны с другими христианскими государствами, что прямо запрещено уставом ордена.

Самое главное, на Мальте можно совершенно официально, приобрести звание рыцаря, что автоматически приравнивается к дворянскому званию любой европейской державы. И для этого не обязательно надо быть католиком, достаточно быть просто христианином. Приобрести рыцарское звание можно было разными способами, но все они были вполне

достижимы. Самый простой — купить. Сделать богатое пожертвование, и тебя без проблем посветят в рыцари. Орден постоянно испытывает финансовые трудности. Второй способ — заслужить! Заслужить можно трудом или мечом. Архитекторы, художники и скульпторы, получали рыцарские звания на Мальте без проблем. Только вот поработать надо было упорно и долго, и сотворить как минимум шедевр. Ну а с мечом всё ясно. Воюй с маврами и османами, следуй целям ордена, финансируй сам свои отряды, и ты заслужишь восьмиконечный орденский крест (если конечно тебя не убьют раньше, ибо противника ты выбрал себе не простого и достойного)!

Что бы стать своим на Мальте, достаточно было делом доказать, что ты придерживаешься целей ордена и я намеривался показать всё на что способен.

Остров находился недалеко от Сицилии и имел стратегическое значение. Восточная часть средиземноморья практически полностью контролировалась рыцарями. Всего каких-то два перехода, и ты возле берегов Туниса или Триполи. Не удивительно, что именно пиратов этих двух стран и кошмарили в основном рыцари. А вот Марокко, как-то ускользал от их внимания. Эту нишу я и решил занять. Нечего создавать конкуренцию хозяевам, мы и другие рыбные места знаем!

Берега острова Мальты представляют собой извилистую линию, изрезанную множеством удобных бухт. За всю свою историю, остров переходил из рук в руки множество раз, пока на нем не обосновались рыцари ордена иоаннитов, с тех самых пор, именуемых мальтийскими рыцарями. Кто только не владел островом в своё время — греки, карфагеняне, римляне, вандалы, византийцы, арабы, норманны. Все эти культуры оставили свой след на острове, и честно говоря на меня он произвёл впечатление. Все города — крепости, в которых фортификационные сооружения непрерывно обновлялись и перестраивались. Дома и строения — колоритная смесь из разных культур. Говорят, тут на множестве языков, но основные — итальянский и французский, ибо подавляющее число рыцарей как раз выходцы из этих стран.

Наше прибытие на Мальту вышло феерическим. Захватив по пути на свою «приманку» две алжирские тартаны и привезя на Мальту несколько десятков захваченных мавров и освобожденных рабов, команда «Шторма» сразу стала известна в порту Валлетте. Нам без труда удалось получить место для стоянки кораблей и даже снять виллу, которую я собирался использовать как базу отряда. Каперский патент был у меня уже через неделю. И вот теперь мы промышляем официальным разбоем.

«Шторм» спускает паруса и флаг. Гришка решил, что хватит бегать. Галеры прибавляют ход, но в этот раз пираты не собираются ждать своих коллег. Это алжирцы, до марокканских берберов им дела нет. Они считают себя сильнее нас и не собираются делиться добычей. Одна из галер идёт к «Шторму», а вторая отрезает галеасу и сопровождающим его тартанам путь к «купцу». Не хорошо! Это как-то не по-товарищески! Обычно корабли пиратов друг с другом не воюют, однако бывают случаи, когда до стычек дело всё же доходит. Тунисцы, алжирцы и трипольцы под протекторатом османского султана, а Марокко само по себе, и когда шестерки турецкого султана чествуют свою силу, они готовы диктовать свои условия менее удачливым собратям по опасному ремеслу. Перерезавшая моей эскадре путь галера,

не собирается со мной воевать, они хотят разговаривать. Я вижу, как на корме весельного корабля важно выхаживает богато разодетый капитан, держа в руках рупор. Сейчас он мне будет нотацию читать, говоря, что на всё воля Всевышнего, и в этот раз не стоит ей перечить, а то можно и отгрести! Кто захватил корабль неверных, тот и получит добычу!

— Муру, готовность номер один! — командую я — раздать оружие гребцам. После залпа картечью идём на абордаж! Передайте сигнал на корабли сопровождения, пусть окажут помощь «Шторму»!

Сигнальщики передают мою команду, галеас замедляет ход, делая вид, что я согласен на переговоры с наглецами, тогда как две тартаны меняют галсы, для того, чтобы обойти обречённую галеру. «Шторму» помощь понадобится, у него хоть и полно артиллерии, но людей не так много, как на «Писце», а вот втроём они без сомнений справятся. Тем более там Сидор, со своими отморозками.

Алжирский капитан что-то возмущённо орёт в свою медную трубу, но я его не слышу. Залп! На корме вверх взлетает Андреевский флаг, град картечи несётся к галере, а мои гребцы, слаженно действуя вёслами, разворачиваются к атакованной галере, и корабли, ломая вёсла цепляются бортами. С кормы и бака, а также с марсовых площадок стреляют фальконеты, и штурмовая группа Алана переходит на борт галеры по заранее заготовленным штурмовым трапам. Их цель отвлечь на себя противника и захватить плацдарм, и при этом постараться не погибнуть. Из люков, с палубы гребцов, двумя потоками вырываются вооруженные ирландцы под командой своих сотников. У каждого своя задача, одни идут на бак, другие на корму. Звучат выстрелы из пистолетов, каждый мой боец вооружен огнестрелом, и место боя затягивает густой дым. Всё нормально идёт, сопротивление ошеломленные пираты почти не оказывают и я, схватив подозрную трубу перевожу взгляд на «Шторм», который ведёт перестрелку со вторым противником.

Там дело до абордажа пока не дошло. Гремят орудийные залпы, стреляют мушкеты. Палуба пиратской галеры почти обезлюдилась, а вот вёсла всюду ворочаются, галера пытается уйти от колючей добычи. По-хорошему Гришке бы сейчас по гребцам влупить, чтобы обездвигать противника, но я приказал этого не делать. Да и Гришка бы так и сам делать не стал, на вёслах сидят пленные, и он когда-то точно так же был прикован к гребной скамье.

Не уйти галере. Две тартаны, зажимают пирата с другого борта. С головного кораблика подкрепления уже тоже стреляют, Ван в очередной раз показал своё мастерство. Перестрелкой это уже не назвать, стрельба идёт «в одни ворота». Картечь гуляет по палубе пиратского корабля, не оставляя мест, где можно было бы укрыться. Внезапно вёсла на галере поднимаются вверх, застыв в таком положении и сигнализируя нападавшим о том, что пират сдаётся. Спустить флаг экипаж галеры не в состоянии, на кормовой надстройке нет выживших...

— Всё господин Виктор! — на полуют поднимается Алан, он весь забрызган кровью, однако абсолютно цел — галера захвачена. У меня двое убитых и четверо раненых, у Мура трое убитых и пятнадцать раненых. Живыми захвачено двенадцать мавров.

— Минус пять... — скривился я. Алан потупился, он знает, как я отношусь к потерям, но его вины тут нет, на галере было просто дохрена мавров! — ладно, пойдём Алан, пусть Роджер займётся ранеными.

Роджер и так знает, чего ему делать. Шотландец просто фанат медицины, дай только кого-нибудь залечить! Он активно пользуется теми знаниями, что получил от меня, ведя дневники наблюдений и статистику. Возможно будущее светила медицины растёт! То, что мы сейчас базируемся на Мальте, для него просто величайший шанс и счастье в жизни. Мальтийский орден, ещё и госпитальерами называют, и не зря. Именно на медицине он раньше специализировался. На острове есть даже университет, с анатомическим залом и хирургическим отделением. На Мальте самая большая концентрация больниц и врачей в мире (на сегодняшний момент)! Вот Роджер и посещает лекции, когда мы на берегу, продолжая своё образование. Будь его воля, он бы и в походы не ходил, но вот только у меня не забалуешь! Как я без врача должен воевать?

По традиции или я, или другой капитан корабля, который захватывает пирата, сообщает рабам о том, что они свободны (понятное дело не все, а только бледнолицые христиане!), и сейчас я держу свой путь на галеру. Там у меня ещё куча дел, нужно и груз посмотреть, и каюту капитана, да и на пленных глянуть стоит, оценив перспективы продажи их орденцам или получения выкупа.

Знакомая вонь гребной палубы. Тут годами жили рабы, спя, принимая пищу и гадя прямо там, где их приковали надсмотрщики. Палубу они покидают только в порту, когда нужно заняться грязной или тяжёлой работой, да и то, не все. На вскидку тут больше сотни человек. Все заросшие и полуголые, люди всех национальностей, рас и возрастов. Будь на моём месте капитан любого мальтийского корабля, и от своей незавидной участи избавились бы не все. Негры, азиаты, метисы остались бы на вёслах, будь они хоть христианскими священниками или святыми! Но я освобождаю всех. Всех, но не в море!

— Галера захвачена! Меня зовут Виктор Жохов, и я капер мальтийского ордена! Вы все получите свободу, но только на берегу! — начал я уже привычную реч — галеру надо довести до Валлетты и кроме вас это сделать некому! Придётся ещё немного потерпеть! С вас снимут цепи, а вам в помощь на вёсла посадят мавров. Не один волос с их голов не должен упасть! Не бить, и тем более не убивать! Они пойдут на обмен рабов. Кто нарушит моё приказание, добирается до берега будет вплавь! Беспрекословно слушаться моих офицеров! Ещё ничего не закончено. Поздравляю с обретением свободы!

— Я не буду грести! Требую немедленно снять с меня цепи и обращаться соответственно моего положения! — внезапно среди обрадованного гула гребцов, я услышал недовольный голос — меня зовут маркиз Жан Леклерк де Отклок и я дворянин!

— Так... — протянул я, осматривая говорившего. Сидит на блатном месте, прямо возле борта, выглядит хоть и грязным, но довольно упитанным. На такие места сажают обычно самых слабых гребцов, а этот с виду достаточно силён и следов на его спине от кнута не видно — кто тут у нас ещё не желает грести? Не надо орать, просто поднимите руки!

Три человека подняли руки, а маркиз сидит с надменным и недовольным лицом, нетерпеливо ерзая на скамье.

— Вот этих четверых — за борт! — я повернулся к Алану — мои корабли пассажиров не возят, благородные господа сходят прямо тут. До берега не так уж далеко, всего-то несколько десятков миль. С божией помощью доберутся. Удачи господин маркиз.

Я развернулся, чтобы выйти, а мои ирландцы с шутками и смехом бросились выполнять моё распоряжение.

— Не надо! Пожалуйста! Я буду грести! — завизжал маркиз — я молю вас!

— Киньте его за борт месье Жохов! И не слушайте его причитания — вдруг вопли маркиза прервал громкий бас. Один из гребцов заговорил на французском — мы все с фрегата «Рошен», нас тут двенадцать человек, и я тоже дворянин. Позвольте представиться, Дюпон де Сорель, первый лейтенант фрегата. Жан христопродавец! Он готовился принять ислам, его даже не били поэтому и кормили лучше всех. На работах в порту, он стоял с кнутом в руке и без жалости избивал старых товарищей! Все арабские молитвы выучил иуда! Мы все вам будем только благодарны, если вы отправите его в ад!

— Ну вот господин маркиз, коллектив против вашего помилования — выслушав объяснения французского лейтенанта, обратился я к маркизу, которого с трудом держали трое ирландцев — вам покажут, в какой стороне марокканский берег, я же не зверь, чтобы заставлять вас делать что-то против вашей воли.

— Я заплачу! Я хорошо заплачу, мой отец влиятельный человек, у него много денег! — снова завопил маркиз.

— А вот это враки! — погрозил я пальцем французу — будь это так, вас бы уже выкупили. Да и вашему отцу, я думаю не стоит знать, чем вы занимались в плену. Нет тела, нет дела. Родовая честь останется незапятнанной. Будь сука мужиком, умри достойно! За борт его!

Я вышел на палубу. За мной следом выволокли четверых человек и без церемоний столкнули за борт. Команда даже ухом не повела, раз выкинули, значить так надо! Капитану лучше знать, а спорить с ним себе дороже! Самодур и сволочь! Зато добыча всегда богатая, и потерь мало. Капитан заботится о команде! Я вздохнул, тяжело быть командиром флотилии, приходится быть жёстким и даже иногда жестоким. Мой флот постепенно пополняется кораблями, вот эти две галеры я обменяю на что-то, что не требует гребцов и продолжу бороздить море в поисках пиратов. Тут мы нарабатываем опыт и зарабатываем деньги и имя! Кровавая конечно работёнка, но по-другому я не знаю, как.

Призовые команды осваивались на галерах, на которых уже развивался крест. Моя маленькая флотилия возвращается на Мальту. Я перешёл на «Шторм», на котором уже устранили мелкие повреждения после боя. Гриша, я и Сидор стоим на шканцах и весело обсуждаем будущие приятные хлопоты. Продажа или обмен галер, продажа захваченного груза и мавров, а потом заслуженный, короткий отдых, и снова в путь! Я буду кошмарить

берберов до тех пор, пока они даже от вида моего флага на рыбацкой лодке не начнут шарахаться! Где-то же надо начинать, снова становится знаменитым на весь мир адмиралом!

Глава 7

Вот мы и попали, чего и следовало ожидать. Почти полтора года, проведенные на Мальте и Средиземном море, удача сопутствовала нам, и сегодня похоже решила, что с меня хватит. И главное надо же было так вляпаться! «Шторм» один, вся флотилия на базе!

Ну не только Средиземное море мы конечно бороздили. Мы часто ходили в Эгейское, Балеарское, Ионическое, Адриатическое и Тирренское моря, навещали наш форт, который жил и процветал, вывозя из Гвинейского залива слоновую кость, мы жили полной жизнью. Но конечно основным ремеслом и способом заработать на жизнь было каперство.

За полтора года проведенные в постоянных плаваниях и боях я превратился из худошавого подростка, в мускулистого и складного молодого человека, с жёстким, обветренным лицом. Сейчас с виду и не скажешь, что мне нет и восемнадцати лет. Мужик в самом расцвете сил! Мне однозначно, снова повезло с донором тела. Ежедневные занятия с Сидором и Аланом, и хорошее питание дали свои плоды. Сидор мне уже не соперник, а вот с Аланом мы бьёмся на равных, но это ничего, я становлюсь старше, крепче и сильнее, а португалец стареет, и скоро ученик превзойдёт своего учителя. Я научился биться на саблях и шпагах и даже обращаться с абордажным багром, не хуже чем когда-то Филипп, мой первый учитель и друг. Гришка, хоть и участвует в наших забавах, однако особыми талантами не блистал, он всё больше на огнестрельное оружие полагается, справедливо рассуждая, что для того, чтобы вступить в рукопашную схватку, пистолеты и мушкет надо ещё умудрится пролюбить. Есть доля правды в его словах, однако блестящие и длинные смертоносные железяки мне просто нравятся и я с удовольствием занимаюсь этим занятием.

Мы с Гришкой теперь не хухры-мухры, а рыцари чести и преданности! Крутые и важные, на хромой козе не подъедешь! Три месяца назад нас обоих наконец то посвятили. Всё как положено, крест выдали, паспорт бумажный и можно сказать, что свою задачу я полностью выполнил, наконец-то легализовавшись в этом мире. Звание не накладывает на нас особых обязательств, кроме тех, что мы и так делаем каждый день. Рыцарский класс у нас третий, мы члены ордена, которые не принимают ни обета, ни обещания. То, что доктор прописал! И самое главное платить не пришлось, а я уже прикинул финансы и свёл хрен с нужным носом, а вот гляди ты, оценил магистр наши заслуги, оставив кое кого без процентов за посредничество. Ну ничего, тут, на Мальте, с нас много кто свою выгоду имеет, так что обойдутся в этот раз. На этом бы и остановится, но к хорошему быстро привыкаешь, и я всё тянул резину до последнего, оттягивая неизбежное, и вот дотянул...

Наша хитрость с ловушкой в виде «Шторма» работала до первого обмена пленных. Ну а как только захваченные нами в походах мавры вернулись домой, тут то вся лафа у нас и закончилась. Никто больше не желал покупаться на наш хитрый план. «Писец» засветился как вражеский корабль. Я долго не горевал, всё хорошее, когда ни будь заканчивается, и всё это не могло длиться вечно. Скопив за это время ни малый капитал, я продал галеас и захваченные пиратские галеры и тартаны, полностью обновив свою флотилию. На

сегодняшний момент два галера-фрегата и два шлюпа, полностью укомплектованные экипажами и абордажными партиями из бывших рабов и добровольцев, бороздили Средиземное море в поисках добычи. Флаг с косым, синим крестом, уже знали все заинтересованные лица. Купцы с радостью шли нам на встречу и платили за сопровождение, пираты в ужасе разбегались в стороны, если успевали конечно. Теперь уже «Шторм» играл в догонялки с пиратами, снося книппелями мачты и замедляя ход добычи. Он как терьер, повисал на тяжеловесных галерах и галеасах, поджидая больших ребят с тяжёлой артиллерией для окончательного решения вопроса. Купцы исправно платили, без добычи и пленных мы почти никогда не возвращались из походов, и мы привыкли к тому, что нам сам чёрт не брат.

Корабли были куплены по случаю, все разные, но вполне крепкие середняки, оборудованные для серьёзного боя. Сейчас на верфях Мальты были заложены сразу два однотипных корабля, которые строились полностью под мои нужды. Проект мы согласовывали долго. В отличие от меня Гришка родился и вырос во Владивостоке начала двадцатого века, и ещё застал парусные шхуны, бриги и бригантины, которые бороздили воды Тихого океана, занимаясь различным промыслом. Что-то подобное мы совместными усилиями и изобразили, с трудом найдя верфь, которая взялась строить корабли по нашему проекту. Что это будет, трудно сказать, но я называю наше произведение вооруженным клипером. Ведь всё в проекте было сделано для того, чтобы корабли были чрезвычайно быстрыми и мореходными, с океанским районом плавания. Никаких лишних украшений, ни каких высоких надстроек. Это должны быть быстроходные парусники, с развитым парусным вооружением, оба трёхмачтовые. Длина корпуса к ширине — пять с половиной к одному, острые обводы носовой и кормовой оконечностей корпуса, с характерной формой наклонённого вперёд форштевня, плавно соединённого с бушпритом и утлегарем. Самое главное — скорость! Средиземное море уже стало тесным для меня, и посоветовавшись с Гришей, мы решили завязать с каперством, и заняться торговлей. Кровавая жатва всегда была рискованной, мы теряли людей чуть ли ни в каждом походе, и сами ни однократно были на волоске от смерти. Хватит испытывать судьбу, пора превращается в коммерсантов на мирном поприще. Наши корабли, на которых предстояло стать капитанами братьям Жоховым, как раз и нужны были для осуществления этого плана. Будем торговать, но и каперский патент не сдадим, для чего на клиперах предусматривалось соответствующее вооружение. Чем чёрт не шутит, а вдруг придётся тряхнуть стариной. И чем быстрее торговец, тем он быстрее окупается, получает больше прибыли и тем безопаснее на нём перевозить груз, ведь догнать его практически невозможно (если клипер не попадёт в штиль). Благородным рыцарям настала пора уходить на покой, пока этих самых рыцарей на покой не отправил кто-то ещё.

Флотилия проходила плановый ремонт. Средиземное море требовало особого отношения к корпусам судов. Обрастания серьёзно замедляла ход, и древесные паразиты с завидной быстротой портили обшивку. Я такие вопросы никогда не упускал из виду, ведь корабли эта наша жизнь, и как член семьи он требует заботы. В тот день только «Шторм», как самый маленький и лёгкий, а потому с которым работы закончили раньше всех, был готов к походу.

Торговец нашёл нас с Гришей в кабаке, где мы обычно обедали и принимали посетителей. Этаким офис, куда мог зайти любой посторонний и поговорить с каперами. На нашу базу,

виллу которую я в итоге всё же выкупил, никому кроме офицеров нашей команды хода не было. Я знал этого купца, он был частым гостем на Мальте. Синьор Гомес, занимался всем, что приносило прибыль и уже неоднократно был нашим клиентом, нанимая нас сопровождать его суда, поэтому, когда он озвучил своё предложение, подозрений у меня не возникло.

— Господин Виктор, мне нужно срочно! Именно поэтому я обратился к вам. Плачу полторы цены, но выходить надо уже завтра! — купец слёзно умолял нас с Гришей, чуть ли не стоя на коленях.

— Гомес, один день погоды не сделает. Мы выходим послезавтра и твоё корыто пойдёт аж под прикрытием всего моего флота и за обычную цену — я пил вино и был в расслабленном состоянии, а на эти два дня у меня были другие планы. Я всё же молодой мужик и организм требует своего, а тут как раз я познакомился с молоденькой вдовой, которая тоже не прочь была хорошо провести время.

— Господин Виктор, хватит и одного «Шторма»! Все знают, что ваши корабли по одному не ходят, завидев «Шторм» берберы попросту не будут даже рисковать! Вы успели заработать себе имя, и ваш флаг уже гарантия безопасности. К тому же я пойду на «Матильде», а она почти такая же быстрая, как и ваш шлюп. Да и идти нам не далеко. У меня срочные дела, которые не терпят отлагательств. Плачу двойную цену! Только выходить надо завтра! — купец чуть ли не плакал.

Жадность фраера сгубила, и я этот фраер и есть. Я согласился, две цены за проводку единственного и довольно быстрого корабля, показались мне очень заманчивым предложением. Да и работы считай почти никакой. Идём в Неаполь, вдоль Европейского берега, там пираты редко появляются, разве что очередной набег на береговые деревеньки устроить соберутся. Да и отбили мы у них желание гадить в тех краях. В общем я согласился. Оставив Гришу старшим и взяв с собой только Вана и Сидора с его головорезами, следующим утром я вышел на «Шторме» в море, сопровождая Гомеса и его «Матильду».

Ждали именно нас, и привёл нас в западню гадский Гомес. Покинув Средиземное море и обогнув Сицилию, мы спокойно шли к намеченной цели. Шли да не дошли! На рейде возле одного из необитаемых островов Тирренского моря нас и поджидала представительная делегация из двух галер, четырёх тартан и одного галеаса. Уважают твари!

«Матильда», шла позади нас. Корабль купца представлял из себя почти такой же шлюп, как и у меня, только обводами он был потолще, да парусов поменьше. На подходе к островку с купца раздался одиночный, холостой выстрел бортового орудия. Я и не понял сначала, чего они попусту порох жгут, а это был сигнал! Пираты успели подготовиться к встрече, до того, как мой марсовый смог увидеть первые паруса вражеского корабля, выходящего из-за острова.

— К бою! Право руля, передать сигнал на «Матильду», что бы уходила за остров! — всего два предложения я успел сказать, раздавая команды, когда от «Матильды» нам и прилетело в первый раз.

Бортовой залп, успевшего поставить все паруса купеческого корабля, пронёсся по палубе «Шторма», снося книппелями наш рангоут. «Матильда» пронеслась мимо, бесстрашно устремившись прямо к пиратам.

— Да что за херня! — выбравшись из-под обрывков паруса, и ругаясь как сапожник, я оглядел свой корабль. Грёбанный Гомес поработал на славу. Бизань и грот-мачта сбиты! Не мудрено, этот мудила стрелял практически в упор. Сейчас «Матильда» беспрепятственно уходит, и за ней даже никто из пиратов не пытается гнаться! Пиратам она не нужна, они пришли за мной! Купец нас продал!

— Нам не уйти господин Виктор! — рядом нарисовался Ван и сообщил мне очевидную вещь. Вот не везёт голландцу. Как какой-то замес, где шансов на выживание мало, так он тут как тут. Надо было Алана с собой брать. Ван хорош при работе с парусами, но сейчас мне бы пригодился другой помощник...

— А то я сам не понял! Спасибо за своевременную информацию Ван! — ехидно ответил я, лихорадочно ища выход из сложившейся ситуации. Против нас семь противников, а если считать предателя купца, то и все восемь. И сейчас мы полностью в их власти — Сидора ко мне!

Казацкий сотник, в богато разукрашенной одежде и весь увешанный оружием был на шканцах уже через несколько секунд. С дурацкой лихой улыбкой и серьезными глазами обреченного, он был уже готов к бою.

— Ну что боярин, повеселились, пора и честь знать! Похоже нам сегодня не выбраться! — нервно хохотнул Сидор, наблюдая как вся команда «Шторма» спешно готовилась к последнему бою.

— Похоже так дружище — согласился я — но сдаваться мы не будем! Да и не отпустят нас живыми. Слушая меня сотник. «Шторм» не должен им достаться! Брать на абордаж нас будут галеры. Тартаны будут скорее всего на подхвате, а галеас страховать. Сейчас они все пройдутся вдоль наших бортов и будут стрелять. Всем укрыться и не отвечать, до того момента, как они не пойдут на абордаж. Скорее всего, они с обоих бортов зайдут. Как только прицепятся. Переходим всем экипажем на галеру, которая сцепится с нами первая. Твоя задача — гребцы! Прорываешься с казаками на гребную палубу и освобождаешь всех, кого сможешь. «Шторм» бросаем и поджигаем! Дальше как пойдёт, но пока вторая галера будет обходить горящий «Шторм», чтобы пришвартоваться к своему поделнику, мы должны разобраться с экипажем! Дальше переходим на следующий корабль и поджигаем уже захваченный. Там действуем так же! Понял меня!

— Жалко «Шторм»... — вздохнул Сидор.

— Жалко у пчёлки в попке! Потом жалеть будем, если останется кому. Зарядить все орудия ядрами. Стреляем только по корпусу! Выбиваем тартаны, на них у нас зарядов должно хватить. За работу Сидор, если что, не поминай лихом! — я быстро вооружался, засовывая пистолеты за пояс — если я погибну, а ты жив будешь, найди Гомеса, и выверни ему потроха

наружу!

— Эть точно русские вы с Гришкой! Почти два года вас знаю, а всё сомневался — рассмеялся казак — и ты меня лихом не поминай боярин, и прости меня, и я тебя прощаю!

— Прибить флаг к корме! — только сейчас я заметил, что флаг тоже был сбит и валяется на палубе — что бы не одна сволочь его сорвать не могла! Принести мне семь запасных!

— Зачем столько! — удивился рулевой, который стоял со мной на полуяте.

— А ты что, не видишь сколько перед нами будущих трофеев? — рассмеялся я, играя на публику. Сейчас весь экипаж смотрит на своего капитана. Бойцы они проверенные, неоднократно ходили на абордаж, но сейчас им предстоял безнадёжный бой, из которого живыми нам наверняка не выйти. Они все это понимали, и как бы у меня на душе не скребли кошки, мне надо не подавать вида, что мне чертовски страшно, что бы подбодрить экипаж.

— Ха! Точно! Простите господин капитан! — расхохотался рулевой — но противников восемь, и значить флагов тоже надо восемь!

— «Матильда» уйдёт на дно со всем экипажем. Я не буду марать свой флаг об эту падаль. Семь я сказал! — блин, а ведь он прав, но теперь надо выкручиваться из ситуации...

— Ура капитану! — над обречённым «Штормом» раздался дружный крик моряков. Они славили меня, того самого уroda, который польстившись на деньги, привёл их в ловушку. Но сегодня я буду рядом с ними, на шканцах мне не отсидеться, и мы с ними в одинаковых условиях.

Как я и предвидел, так всё и произошло. Все семь берберийских кораблей прошлись картечью и книппелями, прежде чем пойти на абордаж, на обездвиженный «Шторм», который принёс им столько неприятностей в прошлом. В ответ мои канониры стреляли только по тартанам, сосредоточив огонь по корпусам. Половина орудий смогла только отстреляться, остальные были повреждены или опрокинуты, но и этого хватило, что бы противников у нас осталось пять. Схватив бортовой залп «Шторма», двум небольшим судёнышкам стало не до нас. Наверное, пираты сейчас недоумевали, почему мы напрочь игнорировали галеры и галеас, стреляя только по небольшим и не особо опасным для нас тартанам...

Весь экипаж «Шторма» укрылся в надстройках и под палубой и почти не пострадал во время обстрела. Как только первая галера стала к шлюпу бортом, все как один члены команды бросились на палубу. Залп из мушкетов, и за борт полетели штурмовые трапы, опережая абордажников мавров. Команда «Шторма» не собиралась обороняться, мы шли вперёд, а за спиной занимался огнём разбитый и политый маслом рангоут и такелаж. «Шторм» не достанется врагу, мы отрезали себе путь к отступлению.

— Полундра! — раскатистый боевой клич корсаров Жохова разнёсся над палубой вражеской галеры, заставляя врагов вздрогнуть. Многие из них уже слышали его прежде, перед тем, как

их корабль пал, и они попадали в плен. Теперь их обменяли, и берберы пришли мстить, но вместо мести многие из них найдут сегодня свою смерть.

— Ну поехали Витя! — я поправил пистолеты и оглядел погибающий «Шторм». Прощай кораблик, ты верой и правдой служил мне несколько лет. Ты спас мне жизнь и спасёшь опять сегодня. Я обещаю, «Шторм» возродится как всегда! Погибну я, это сделает Гриша! Пока жив хоть кто-то из нас, и «Шторм» будет жить. Я встал на штурмовой трап и последним покинул корабль, как и положено капитану.

Глава 8

Больно и хочется пить. Монах доминиканец поит нас водой только по вечерам, еды нам не положено, мы назидание для всех врагов алжирского дея. И воду-то нам дают, только для того, чтобы мы промучились подольше. Рук я уже почти не чувствую, конечности, растянутые в стороны, адски болят, боль пропадает только в краткие моменты, когда я впадаю в беспамятство, но это бывает редко. Мой тренированный организм сопротивляется, не желая принимать неизбежное. Я схожу с ума, кажется ещё немного и всё — обратного пути уже не будет. Днём солнце нещадно жарит голую кожу, порывая тела волдырями, а ночью наступает царство mosquitos, от которых нет спасения. Повязка на голове ссохлась от запёкшейся крови, сдавливая череп и вырывая волосы, раны воспалились. Да ещё этот монах, который беспрерывно бубнит молитвы, стоя на коленях возле наших крестов...

Крестов всего двенадцать, и на двух из них уже гниющие трупы. Я завидую Сидору, который редко бывает в сознании. Его крест рядом. Большой, деревянный крест, установленный на крепостной стене (что бы всем было хорошо видно), к которому привязан израненный казацкий сотник. Мы повторяем судьбу Андрея, который и дал название этому орудию пыток.

Наш последний бой дорого дался пиратам. Зажать нас смогли только на галеасе. Первая галера была очищена от мавров в рекордные сроки. Никто из моего экипажа не праздновал труса, все бились, понимая, что живым не уйдёт никто. Оттого и была наша внезапная атака такой жестокой. Моряки падали один за другим, забирая с собой на тот свет всех, до кого смогут дотянуться. Мы переступали через их тела и шли дальше. Не ожидавшие такого сопротивления, берберийские пираты растерялись на какое-то мгновение, и этого нам хватило, чтобы завладеть инициативой. Но бой только начинался. На вторую галеру мы ворвались уже беспорядочной толпой из команды «Шторма» и освобождённых рабов. За нашей спиной огонь начинал пожирать захваченную галеру, становясь погребальным костром для наших павших товарищей. В этот раз нам было куда как сложнее. К борту второй вражеской галеры успели пристать уцелевшие тартаны, и враги были готовы к нашему натеску.

Мавров было больше, один к трём расклад получался, не меньше. Видя, что случилось с первой галерой, мавры предприняли превентивные меры. Все гребцы были безжалостно убиты ещё до того, как мы смогли ворваться на гребную палубу. На скамьях лежали только истекающие кровью трупы. Пополнить наши ряды было некому, нас становилось всё меньше. И всё же мы справились! Тяжёлый бой, который на вскидку длился больше часа,

закончился тем, что в живых на сцепке из трёх кораблей осталось только пятнадцать человек. Самые сильные и удачливые пережили эту бойню. Двенадцать абордажников во главе с Сидором, я и два моряка из моей команды. Бывшие невольники легли все как один. Мы все были ранены и едва стояли на ногах, а к борту подходил последний пиратский корабль...

— Где Ван? — обратился я к Сидору, облокотившись на мачту. Ноги меня почти не держали, из многочисленных порезов текла кровь. Сегодня мною бы гордился Филипп, я сделал всё, что было в моих силах и даже больше. То, что я до сих пор почти цел, было чудо. Кафтан прострелян в нескольких местах, пульей же с меня сбило и треуголку, оставив кровавую борозду на голове. В меня сегодня стреляли раз пять, не меньше, но бог меня миловал. Орудуя саблей и пистолетом, я сражался почти в первых рядах, и до сих пор жив!

— Вана сбросили за борт — поведал мне тяжело дышавший сотник — багром столкнули, в самом начале боя. Утонул, наверное.

— Жаль... — искренне огорчился я. Сегодня погибли многие из тех, кого я знал, и кто был мне близок, но Вана было особенно жалко — есть порох? Мою сумку срезало, хрен теперь найдёшь.

— Этого добра хватает — усмехнулся Сидор, глядя как галеас без единого выстрела приближается к сцепке из кораблей — поджигаем?

— Да — кивнул я — нет смысла ждать. Пока ещё разгорится... Приготовьте факелы, последнюю сволочь надо будет поджечь сразу. Не думаю, что нам там дадут много времени на раскачку. Максимум пару минут и нас уже не будет.

— Согласен — кивнул Сидор — с галеасом нам не справиться.

Когда галеас подошёл к борту галеры, мы не стали ждать, и собрав последние силы сразу же бросились на его палубу и неожиданно не встретили сопротивления.

Я растеряно остановился, не понимая, что тут происходит, и тут в нас полетели стрелы. Именно стрелы, с тупыми наконечниками. Каким-то чудом я и два моряка остались на ногах после первого залпа, и я не стал терять времени.

— Факелы бросай! — заорал я, и швырнул свой в косой парус.

Град ударов обрушился на меня, как минимум одна стрела угодила в голову и сознание покинуло меня.

Когда я пришёл в себя, то мы были уже связаны по рукам и ногам, а в живых нас оставалось всего двенадцать. Мавры шустро тушили очаги пожара и отходили на безопасное расстояние от огромного костра, в который превратились пять сцепившихся кораблей. «Шторм» дорого продал свою жизнь, забрав с собой почти всех своих обидчиков. Разложив нас на палубе, несколько мавров, очевидно когда-то бывших у меня в плену, быстро опознали меня и

Сидора. Я не понимал о чём они говорят, но общую суть уловил. Кто-то предлагал покончить с нами прямо на месте, а другие настаивали на том, что такую ценную добычу надо презентовать дею. Конец спору положил пиратский капитан, который пристально посмотрев мне в глаза, уверенно отдал несколько распоряжений.

Нас бережно подняли, и как величайшую ценность перенесли в кормовую надстройку, где даже перевязали и обработали раны. Так я и попал в плен.

Я и Сидор остались на корме, а остальных матросов увели куда-то в другое место. За нами ухаживали и хорошо кормили. Ежедневно судовой доктор осматривал наши раны и делал перевязки. Мы так и оставались в кормовой надстройке, хотя обычно всех пленников мавры бросали в тесную клетку в подводной части галеаса. Здесь содержали людей и скот, захваченный на европейском побережье, там же пришлось томиться и моим выжившим матросам. Алжирский галеас на всех парусах возвращался домой, неся дею долгожданную весть, что Виктор Жохов, один из двух братьев корсаров, которые доставили ему столько неприятностей, наконец-то пленён.

Больше десяти дней мы провели в тесной коморке, практически неподвижные. Только два раза в день, утром и вечером, нам развязывали ноги, и выводили на галерную палубу, оправиться. Остальное время мы были заперты в тесном и душном кубрике. Пиратский галеас уходил от места боя каким-то сложным курсом, очевидно (и не без оснований) опасаясь встрече с мальтийскими кораблями.

— Как думаешь, чего с нами будет? — Сидор был ранен сильнее чем я и редко подавал голос, однако несколько дней покоя и хорошей еды привели его в чувство.

— Да хрен его знает — честно ответил я — хотели бы убить, давно бы уже убили. Выкуп, наверное, попросят. Гришка нас будет искать, это без сомнений, только вот это дело не быстрое. Придётся помаяться в тюрьге до очередного обмена. Ты же видишь, нас с тобой опознали, мы мать его знаменитости в Алжире! Дорого, наверное, попросят, падлы...

— Ага, а могут и на кол посадить — буркнул Сидор — это как дею шлея под хвост попадёт! Видел я уже такое, когда в Марокко на галерах маялся. Эх, опять не сложилось в бою сгинуть! Откуда только эти лучники взялись... А так-то умирать не страшно, только бы быстро и без мучений. Как вспомню, сколько мы алжирских мавров на тот свет спровадили, так сразу легче на душе становится.

— На кол это хреново! — меня аж передёрнуло — на кол я не хочу!

— Никто не хочет... — вздохнул Сидор — это уже не от нас зависит.

Однажды утром нас разбудили и вывели на палубу. Я зажмурился от яркого света. Сквозь утренний туман белели разбросанные по каменным уступам дома и форты большого восточного города. Хорошо укреплённая крепость. Несколько мавров собирали у гребцов вёсла, прежде чем сойти на берег. Очевидно были уже случаи, когда гребцы, воспользовавшись тем, что большинство команды уходило в порт, угоняли корабли. Вообще

в гавани было множество кораблей, и узнать среди них европейских купцов было не так уж и трудно. Алжир торговал с теми европейцами, которые платили за свою безопасность, но все корабли купцов, на время стоянки снимали руль и паруса, и получали их обратно только перед отходом и после тщательного обыска. Мавры не хотели побегов ценных рабов. Гнездо пиратов, про которое я много раз слышал, но ни разу не видел. Алжир, где европейских вероотступников, едва ли не больше чем арабов и турецких войск. По приблизительным подсчётам, рабы составляли до половины населения всего этого города.

Нас вывели на берег, и под горестные завывания толпы повели по улицам города. Алжир узнал, какой дорогой ценой дались эти двенадцать пленников. Многие дома сегодня погрузятся в траур. Нас никто не трогал, никто не пытался бросить в нас камень или гнилой овощ, на нас просто смотрели, как на диких зверей, злыми и не обещающими ничего хорошего глазами. Шесть кораблей не вернулось из похода после встречи с единственным кораблём Жохова.

Внезапно среди множества лиц я увидел Гомеса. Купец стоял среди толпы обнажив голову, и смотрел на нас полными слез глазами. Когда процессия поравнялась с ним, он внезапно заговорил.

— Вы должны знать, господин Жохов, меня заставили обстоятельства! Оба моих сына попали в плен, и за них назначили неподъёмный выкуп! Заплатив его, я бы разорился! У меня не было выбора! Простите меня если сможете!

— Бог простит! — зло рыкнул я, с трудом подавив в себе желание броситься на предателя. Ничем хорошим это не закончится и я вряд ли смогу причинить ему вред, а вот себе наврежу изрядно. Ничего, быть бы живу, а там сочтёмся...

— Иуда! — прошипел Сидор, который шёл рядом и сплюнул под ноги купцу, который так и остался стоять с потерянным видом. Ну вот, теперь всё ясно, купца заставили предать нас шантажом. Но это ничего не значит и не меняет, спасая двоих, он обрёл на смерть несколько сотен человек. Я уже не говорю про себя и Сидора.

— Я сегодня же отправлю сообщение вашему брату, что вы живы и где находитесь! Вас выкупят! Умоляю, не трогайте мою семью! — уже нам в след прокричал купец — я один во всём виноват!

Эль-Джезайр — крепкая цитадель в центре города и резиденция турецкого наместника и дея Алжира. Именно туда и отвели нас всех, загнав в баню, тюрьму для европейских пленников. Сюда помещают только самых ценных невольников, требующих особого надзора и охраны, и которых дей выкупал у пиратов. Тут же на нас одели и тяжёлые кандалы.

Вообще удивительное дело, но ворота тюрьмы почти всегда были открыты. Часть пленных днём уходило в город или христианскую таверну, что стояла неподалёку, чтобы вернуться ночью. Непроходимая пустыня, которая окружала город, охраняла невольников от побегов лучше, чем самая строгая и бдительная стража. Без подготовки и снаряжения, а также без опытных проводников караванщиков, пройти её практически невозможно. Совсем не далеко

от Алжира была испанская крепость Оран, только вот добраться туда было так же сложно, как до луны.

Заслужить такие увольнительные можно было только хорошим и примерным поведением, это разрешалось только старым и проверенным рабам, такой же привилегии удостаивались и рабы, по которым уже прошли переговоры по выкупу и ждавшие освобождения. Всех помещённых сюда невольников ждало несколько этапов становления на пути либо на волю, либо на тяжёлые работы. Вновь прибывших заковывали в тяжёлые цепи по рукам и ногам, затем оковы меняли на более лёгкие, и если от пленника не было проблем, вообще снимали железо. Ну а потом, если о выкупе договаривались, то пленник возвращался домой, а если нет, то раба переводили на галеры или полевые работы, откуда уже почти никто не возвращался. Весь этот город процветал только благодаря рабскому труду.

В тюрьму имели свободный доступ монахи, которые были посредниками при сборе выкупов и обменах, сюда же мог прийти и вообще любой желающий, для того, что бы снабдить раба деньгами или провизией. Но нам тут было отведено особое место. Больше не разделяя, всех нас закрыли в тесной камере с крепкими дверями и без окон, и приковали к стенам. Нам предстояла встреча с деем.

В настоящее время деем Алжира был Баба Хасан. Эта должность была выборная. Деем страны мог стать любой офицер янычарского корпуса, турецкого султана. Янычары его избирали, они же его могли легко и сместить, и даже казнить. Многие из деев добивались власти путем убийств своих предшественников. Вступив в должность, дей назначал пять министров. Официально дей должен был жить на янычарское жалованье, но в действительности этого конечно не происходило, имея такую власть, дей легко мог сколотить состояние, имея массу побочных доходов. После смерти дея все его имущество отходило в государственную казну. Ну и самое главное, дей был зависим как от янычар, так и от пиратов, которых в городе было как бы не больше чем турецких солдат. Периодически и корсары, скидывали дея с престола, если им не нравилось его правление. Дей делал всё возможное, чтобы пиратская вольница была довольна. А вольница эта, сейчас жаждала крови. Крови своего врага — Виктора Жохова.

Во дворец к дею нас привели на следующий день. Баба Хасан восседал на низком троне, в богатых шелковых одеждах и с тюрбаном на голове. Когда-то это был сильный и мощный мужчина, но за год своего правления дей успел заплыть жиром. Перед тронем стоял низкий столик, весь заставленный восточными сладостями и кувшинами с напитками. Вокруг трона стояла многочисленная свита и личные рабы правителя, которое без устали махали большими опахалами, создавая движение воздуха и прохладу.

— Ты Жохов! — вопрос последовал на турецком языке, но нам его тут же перевели толмачи.

— Он самый! — буркнул я — чего хотел-то, жирный?

— Ты Жохов, доставил мне много хлопот, прежде чем тебя как жабу из пруда выловили мои люди — довольно усмехнулся дей, услышав явно неполный ответ от переводчика — много хлопот и много убытков!

— Я старался — скромно ответил я на такое признание своих заслуг от правителя пиратов.

— Мои люди просят твоей крови. Они даже не хотят получать за тебя выкуп. Если тебя выкупят, ты будишь мстить, и стараться покрыть свои затраты. Это не выгодно и даже вредно для Алжира. Что мне с тобой делать, раб! — дей упивался своей властью.

— Отпусти меня, и я дам вам месяц, чтобы вы успели сбежать! — усмехнулся я — вы поймали меня, но мой брат свободен, как и вся флотилия. Если не отпустишь, он больше не тронет других берберов, а будет заниматься только тобой. А он у меня тот ещё затейник! Мой самый маленький шлюп, с половиной обычной команды, пустил на дно шесть твоих кораблей, прежде чем вы смогли победить, ты представляешь что сделает целый флот? Поймать в ловушку флотилию больше не получится, а значить вы все взвоете, и уже очень скоро!

— Ты дерзок и смел, раз так говоришь со мной — задумался дей, сверля меня тяжёлым взглядом — а я ведь сейчас могу сотворить с тобой что угодно! Даже самые сильные и смелые плакали и просили пощады, когда кол входил в их зад! Но я дам тебе шанс. Предлагаю тебе свободу, в обмен на то, что ты перейдёшь в нашу веру и сменишь свой косой флаг, на зелёное знамя пророка! Мне пригодится такой воин в борьбе с неверными.

— Как думаешь Сидор, если его нахер послать, он найдёт дорогу? — задумчиво обратился я к сотнику на русском языке.

— А не найдёт, так я покажу боярин! Благо под рукой есть наглядное пособие! — рассмеялся Сидор и почесал свои шары — ишь чего удумал, морда басурманская!

— Твой ответ! — дей повысил голос. Ему явно не понравились наши переговоры.

— Косой крест, ещё будет стоять над твоей крепостью дей! Уж поверь мне, я приложу к этому все усилия! И запомни, я не продаюсь, свинота ты в тубетейке! Думай, пока у тебя ещё есть немного времени! Григорий Жохов долго ждать не будет, ты пожалеешь о каждом своём слове и поступке! — отверг я предложение дея.

— Как хочешь! Пусть будет так! На косой крест их всех, и поднять их на крепостную стену! — заорал дей, брызгая слюной, и с издёвкой добавил — ты мой дорогой гость, а желание гостя для меня закон!

Так мы и оказались на крестах, и висим тут уже двое суток! Все монахи в городе, и даже простые невольники приходят под стену помолится, как будто мы святые великомученики. Мучений нам и правда хватает, а вот святыми нас не назвать. В очередной раз убеждаюсь — бойся своих желаний — они могут исполниться!

Глава 9

Толпа народа под стеной всё растёт. Все невольники, которые имеют право свободно передвигаться по городу, собираются возле стены, на которой установлены кресты, сюда же

приходят и моряки с европейских кораблей, что стоят в порту. В их руках распятия, они приносят к стенам кувшины с водой и еду, приносят даже стариков и калек. Периодически янычары разгоняют толпу, но она собирается снова, уже через час. Монахи проводят молебны, люди стоят на коленях молясь на нас, как на святыню. Постоянные крики выводят меня из себя, я держусь из последних сил, да ещё эта вода, которая стоит под стеной в разных сосудах, она рядом, но так далеко... Предложи мне кто-нибудь сейчас выбор, я скорее всего не устою перед соблазном прервать эти муки. Я представляю себе, как это всё выглядит там, снизу. Двенадцать обнажённых мужчин, измученные и с обгоревшей, облезавшей кожей, с потрескавшимися от жажды губами висят на крестах в лучах яркого солнца. Страшное зрелище.

— Что ты чувствуешь, что видишь! — монах доминиканец стоит передо мной на коленях и безумными глазами смотрит на меня. Солнце слепит меня, и мне кажется, что передо мной не монах, а просто призрак. Мне мешает этот свет, он жжёт меня не хуже огня на костре!

— Свет! — прохрипел я — я не вижу тебя, я вижу только свет!

Монах тут же снова припал головой к основанию креста, как из пулемёта извергая из своего рта одну молитву за другой. Я не могу сказать ему, что бы он остановился или уходил. Именно он поит меня водой! Если я его прогоню, он может не вернуться. Латынь звучит в моей голове как жужжание насекомого, раздражающе и выводя из себя.

— Раб! Хозяин требует, чтобы ты сказал убираться этим неверным! Сегодня пятница и они мешают дею совершать намаз! Янычары тоже на молитве и их нельзя постоянно отвлекать, чтобы разгонять эти отбросы! Все рабы должны вернуться в свои рабские загоны! В пятницу неверным не место возле дворца и мечетей! — прошло ещё немного времени и внезапно рядом со мной появился офицер янычар. Его лицо перекошено злобой — мы дадим вам воды сколько влезет, только что бы под стеной никого не было!

— Сейчас... — прохрипел я.

— Я не понимаю, что ты там лепечешь! Говори громче! — разозлился янычар.

— Сейчас воды — собравшись с силами произнёс я пересохшим ртом — я не могу говорить...

— Дайте им воды! — приказал янычар, стоящим рядом с крестами монахам — пей и прикажи всем расходиться по своим хозяевам!

Монах шустро поднёс к моим губам жестяной стакан и живительная влага полилась в пересохшее горло. Я пил и не мог напиться. Ничего вкуснее и слаще, чем эта тёплая вода я не пробовал в своей жизни! Другие монахи так же поили моих собратьев, по несчастью.

— Хватит с них! Остальное получите, когда рабы разойдутся! — приказал янычар, и стакан с водой убрали от моего лица. Я готов был выть от досады! Я не напился!

— Убейте нас! — прошептал я янычару, со слезами на глазах. Терпеть муки уже не было сил. Этот стакан воды только продлит мучения — пожалуйста!

— Я передам твою просьбу дею, раб! — усмехнулся янычар — а теперь говори, и что бы тебя все слышали! И тогда ты получишь ещё воды!

— Слушайте все! — заорал я что было мочи, собрав все свои силы — я призываю вас встать и идти домой! Хватит с вас! Берите свои вещи, поднимите тех, кто не может и идите! Сегодня день, кода на улицах Алжира не должно остаться ни одного раба!

Обессилен я повернулся к янычару, который с интересом стоял на краю стены и наблюдал за реакцией толпы. Ну где вода! Ты же обещал сучара!

Толпа замерла под стеной. На несколько секунд повисла мертвая тишина. Все невольники и монахи смотрели на меня запрокинув голову. Вдруг, один из монахов, который почти два дня провёл в молитвах под крестами встал, и повернулся к толпе.

— Блаженный мученик Виктор говорит, что настал час освободиться от рабства! Это знак божий, слова его, преданные через святого! В муках он узрел Свет и ему было ведение! Он не отрёкся от бога перед лицом мучительной смерти и тот к нему снизошёл! Виктор благословляет нас! Косой крест дарует нам свободу! Берите оружие и убивайте своих хозяев! Мы больше не рабы!

Слова монаха потонули в громком рёве тысячи глоток. Толпа под стеной прыснула во все стороны, у многих в руках были ножи и камни. Разъярённые рабы бросились в город.

— Что ты наделал! — янычар повернулся ко мне, в его руках уже блестела сабля, а лицо было перекошено от бешенства и ярости — ты сдохнешь собака!

Ну наконец-то! Конец моих мучений, давай скотина, делай это быстрее! Что бы подстегнуть янычара к действиям, я рассмеялся ему в лицо.

— Нет! Это твой дей скоро умрёт! А когда он умрёт, я заверну его тело в свиную шкуру, залью в глотку вино и сброшу в выгребную яму!

Янычар бешено заорал и бросился на меня. Я зажмурился в ожидании последней боли, которая должна принести избавление. Прошла секунда, но ничего со мной не происходило, а совсем рядом слышалась какая-то возня. Открыв глаза, я не мог поверить тому, что вижу. Мирные монахи, которые смиренно принимали все обиды от мавров и янычар, и если надо шли на смерть и становились рабами, повисли на турецком офицере и двух стражниках, которые были на стене. Сабля янычара валялась под его ногами, а он пытался скинуть с себя облепивших его служителей церкви. Недолгая борьба, и один из доминиканцев обхватив потерявшего равновесие янычара за пояс шагнул со стены, за ними полетели и два караульных, которые так и не справились со своими обязанностями. Нападения от монахов они явно не ожидали. Четыре человека скрылись за стеной. Глухой удар, и снова стало тихо. В городе нарастал шум, вспыхивали первые пожары, а на стене никого не осталось, кроме

распятых пленников и монахов.

— Снимите нас — приказал я монахам, которые стояли и смотрели на меня — всех снимите!

Меня срезали с креста, на плечи упала монашеская ряса, а в горло полилась вода. Я не чувствовал рук и ног и не мог напиться. Я всё пил и пил, пока мой живот не стал приобретать форму шара. С сожалением я отказался от второго кувшина воды, больше в меня просто не лезло.

— Как остальные? — я посмотрел на доминиканца, который поил меня водой.

— Остальные в беспомощности, но живы. Все кроме тех несчастных, что умерли ещё вчера. Только вам бог дал сил вытерпеть эти муки не теряя сознания. Мои братья отнесут их куда вы прикажете — ответил монах.

— Сюда в любой момент могут подняться воины деа. Нам всем надо уходить! — жажда жизни постепенно возвращалась ко мне — что творится в городе?

— Стражники без сомнений явятся, и со стены нам мимо них не уйти, а вот янычарам будет не до нас. Рабы восстали! — согласился монах — на всё воля божья, мы сделали всё что смогли, а дальше всё в руках создателя.

— Помоги мне подняться! — попросил я монаха. Два дня на кресте провисел, хорошо хоть просто привязанный, а не прибитый! Но я чувствую в себе силы встать, не зря я полтора года измывался над этим организмом!

Когда меня подняли и поставили на ноги я чуть не взвыл от боли. Ноги затекли страшно. Красная и воспалённая от солнечных ожогов и укусов москитов кожа горела огнём. Целых десять минут мне потребовалось, чтобы хоть как-то стоять на ногах, не опираясь на плечи монахов.

Мои матросы и Сидор лежали возле своих крестов в беспомощности. Трое оставшихся монахов по очереди обходили каждого и вливали им в рот воду. Парни судорожно глотали живительную влагу. Три монаха, и я на ногах. А парней девять человек, нам всех не унести...

— Нам нужны ещё люди — повернулся я к монаху — ты сможешь сходить за помощью?

— Я пойду туда, куда вы прикажете — поклонился монах — только что бы пройти по стене и выйти хотя бы во двор, нужно будет спуститься через башню, а там стража. Может быть они пропустят меня, но это вряд ли.

— Сколько там стражников? — я обдумывал что же мне делать.

— Сегодня пятница и все на молитве. В этот день там должно быть всего три человека — ответил монах.

— Три... — протянул я. Много! Будь я в форме, я может быть и справился бы, если среди них не найдётся кого-то на подобии Филиппа или Алана. Но сейчас... Мне никто не поможет, рассчитывать нужно только на себя!

Я перевёл взгляд на саблю янычара и на свою рясу, в которую меня закутали монахи. Стражники на стене не ожидали нападения от монахов...

— Дай мне саблю, и иди за мной! Молчи, что бы не случилось! Как только проход будет свободен, ты должен привести на стену людей и вынести всех! Отнесёшь их в порт и найдёшь купца по имени Гомес, его корабль называется «Матильда»! Он поможет — отдал я распоряжение и тихо, про себя добавил — должен помочь, он мне должен жизнь! А не поможет, я вырежу всю его семейку до седьмого колена!

— А что делать остальным? — спросил монах, поднимая с камней оружие.

— Кому остальным? — не понял я вопрос. Я, стиснув зубы пытался размять руки. Было чертовски больно, застоявшаяся кровь с трудом разбегалась по жилам. Потом себя будешь жалеть Витя, сейчас надо действовать, пока есть шанс!

— Восставшим рабам! — в голосе доминиканца проскользнули фанатичные нотки.

— Сейчас управлять процессом восстания не получится... — начал было я, но запнулся, встретившись взглядом с монахом — Пусть все захватывают оружие и прорываются в порт! Там есть арсенал и склад с вёслами, парусами и рулями. Нам нужно захватить так много кораблей, как только сможем! Если есть возможность, нужно скинуть береговые батареи в воду или заклепать пушки. Захватим корабли — сможем уйти!

— А дворец дея и тюрьма! — не успокаивается доминиканец.

— Ну ясное дело всех освободить из тюрьмы, а город придать огню вместе с дворцом дея! — психанул я, время шло, и его у нас становилось всё меньше, а этот монах строит нереальные планы. Я что мать его, предводитель восстания! Тоже мне, нашёл Спартака! — это же мать его и так понятно! Самого дея подвесить за яйца у ворот, а всё золото на мой корабль, вместо балласта! Хочу себе золотой унитаз, пиджак с отливом и в Ялту!

— Мы передадим! — поклонился монах.

— Всё, пошли, некогда! — я взял у монаха саблю и чуть не выронил её. Пальцы кололо, они были как будто чужие. Собравшись с силами, я сжал рукоять и крутанул саблю в руке. На долго меня не хватит...

К сторожевой башне подходили два монаха доминиканца. Один был крепок и селён, а второй явно стар и немощен. Молодой монах поддерживал за плечи своего старого коллегу по ремеслу, помогая старику преодолевать ступени. Старик явно мёрз даже на жарком солнце, так как был закутан в свою рясу с головы до ног, и на его голову был накинут капюшон.

Стражник обеспокоенно оглядел стену, но монахов внутрь башни всё же пустил. Эти черные собаки были полезны и не опасны, они носили передачи пленным, и часть их всегда оседала у стражников. Чёрные вели переговоры о выкупах и помогали держать рабов в узде. Ведь их вера призывала страдать и терпеть, подчиняться и не роптать. Монахи могли успокоить самых буйных невольников. Все они были рабами своего неправильного бога, а рабы, они и есть рабы! Они учили невольников послушанию, а если не справлялись, сами безропотно надевали на себя цепи.

— Что там в городе творится кафир! — пропуская черных мимо себя спросил стражник. Происходило что-то непонятное, в городе не слышались больше призывы муэдзинов к молитве, а вот непонятный шум только нарастает.

— Ничего страшного господин! Просто рабы восстали — буркнул старик и распахнув свою рясу воткнул саблю в горло стражника — а вы всё просрали!

Сидящие за столом два оставшихся караульных удивленно вскрикнули, но я был уже возле них. Два удара, и беспечные воины дея забрызгали своей кровью потолок и стены укрепления.

— Иди монах. Вынеси моих друзей в порт, и я не забуду тебя. Виктор Жохов всегда платит долги! — сказал я, вытирая саблю янычара о полотенце, которое лежало на столе.

— Благословите! — монах рухнул на колени и схватив мою руку принялся целовать.

— Да что за херня творится! — выругался я на русском отдёргивая руку — я тебе что, Папа Римский! Идиоты и дебилы вокруг! А, хрен с тобой! Благословляю!

Монах быстро ушёл. А я сплюнул, вытер облизываемую руку о рясу и оглядел башню. Эта стена часть береговых укреплений! Кресты стояли на стене, обращённой к городу, а эта стена смотрит прямо на порт! Что бы оглядеться как следует, и придумать план как мне действовать дальше, я поднялся на верхний этаж башни. Твою же мать! Я стоял и задумчиво смотрел на огромную пушку, которая была установлена на плоской крыше башни, направив своё дуло в море. Передо мной как на ладони был порт Алжира.

Не меньше сотни кораблей! Чего тут только нет, от огромных испанских галеонов, до маленьких рыбацких баркасов. На пристани непонятное движение, то ли бой идёт, то ли купцы готовятся к бегству. Суета и неразбериха. Я перевёл взгляд вдоль стены. Ещё две башни, и на обоих такие же огромные монстры установлены, позади виднеется дворец дея. Влепить по нему что ли из орудия! А как потом уходить? Пока тут тихо, но если я хоть раз выстрелю, от стражи и янычар тут будет не протолкнуться...

Через несколько минут я был уже возле крестов, где до сих пор лежали мои товарищи и суетились два монаха.

— Перетаскиваем их в башню! — приказал я — как только закончим, один из вас пойдёт со мной.

— А где отец Доминик? — спросил меня один из монахов.

— Он отправился за помощью, но у нас есть неотложное дело! За работу!

Оба монаха по одному перенесли моих друзей в захваченную башню, я же охранял лестницу и ел. Раньше голод заглушала жажда, а вот теперь у меня проснулся зверский аппетит. Я мучительно думал, и робкие наброски плана уже начинали складываться в моей голове.

Во второй башне всё прошло так же легко, как и в первой. И тут было три стражника и все трое упокоились без лишнего сопротивления и хлопот. В этот раз у меня с собой было и два пистолета, которые я прихватил у убитых, но они не понадобились. Монахов никто не опасался. Почти час мы втроем возились с орудиями, разворачивая неподъёмные станки и заряжая монстрообразные пушки. С третьей сторожевой башней я предпочел не рисковать. Орудие среднего форта было развернуто как раз в сторону своего не захваченного собрата, а первая пушка смотрела на дворец дея. С укреплениями и откатом я не заморачивался. После выстрела орудия сорвёт со стены и они, под действием силы тяжести и отката, окажутся на земле, сея дополнительные разрушения. Весь запас пороха будет взорван, приводя укрепления в негодность. Мне нужен только один залп, а потом нужно будет срочно уходить. Доминика до сих пор не было...

Город пылал. Вооруженные группы рабов прорывались к порту и дворцу. Только на стене было тихо. Я нервничал. Парней я не брошу, а монаха и обещанной помощи нет! Когда я уже отчаялся, внизу послышался шум.

Группа монахов и европейцев поднялась в башню. Монахи молча и быстро укутывали моих товарищей в бесформенные балахоны и так же без слов стали выносить со стены.

— Меня зовут капитан Рамирас! — ко мне подошёл один из европейцев в потрёпанной одежде — а это остатки моего экипажа. Нас захватили в плен полгода назад, и мы военные моряки! Отец Доминик сказал нам идти к вам. Приказывайте господин Жохов, что нам нужно делать!

— Отлично Рамирас! — я перевёл дух, всё не одному придётся крутиться — эта и вторая башня по стене захвачены. Стражников я убил. Мы навели пушки, которые стоят на верхних площадках на свои цели. Одна направлена на последнюю башню, вторая на дворец дея. Башни готовы к взрыву. Когда монахи уйдут, нужно подпалить фитили и уходить. Прорываемся в порт! Наша цель шлюп «Меркурий». Если его не будет в порту, любой другой быстроходный корабль.

— Будет сделано господин Виктор! Для меня честь биться под вашей командой! — Ромирес кивнул и тут же разразился приказами на испанском языке. Десять человек кинулись в башни — мы пойдём в Оран? Нужно предупредить гарнизон о восстании, возможно испанцы смогут выделить солдат, и мы захватим Алжир!

— Мы выйдем в море, а потом решим Ромирес! Оран подойдёт, можно и туда, лишь бы подальше от этого не гостеприимного места — буркнул я. Мне бы убраться, а испанцы пусть

берут всё чего им надо сами! — что происходит в городе?

— Рабы восстали. Такого массового восстания никогда не было. Монахи ведут восставших под вашими флагами на штурм дворца, порта и казарм янычар. Говорят, что вы в муках умерли на кресте и воскресли, чтобы освободить христиан! Бог послал мессию, в освобождение! Несколько отрядов янычар застали за молитвой в мечетях, заперли двери и сожгли. Рабы убивают всех, кто не носит креста. В городе резня, не щадят никого! Дей заперся во дворце с остатками своих людей и ждёт подкрепления! — глаза Ромиреса горели, он упал на колени как недавно Доминик и потянулся к моей руке — Благословите!

Я стоял, опустил руки и круглыми глазами смотрел на испанца. Религиозная истерия! И у него, и у всех, кто пришёл с ним! И предмет их поклонения я! Из меня сделали символ, придумав красивую историю и с моим именем на устах сейчас режут всех подряд, и мужчин, и женщин и детей! Витя Жохов хренов зомби, который сдох и ожил, чтобы выпить мозги всем маврам на земле! Спасение от монстра есть, нужно нацепить на шею крест, а его нечисть боится, как огня и не тронет! Зомбоапокалипсис наступил и первая его жертва я!

Глава 11

Постепенно флот захваченных кораблей рассыпался по Средиземному морю. Бывшие невольники по ходу плавания меняли свои планы, и то один, а то и целая группа кораблей меняли курс, уходя каким-то своим, неведомым мне маршрутом. Часть наверняка ушла в Оран, кто-то повернул к Италии и Испании. Как только берега Африки скрылись за горизонтом, и опасность нападения успевших спастись пиратов становилась минимальной, бывшие рабы теряли бдительность и осторожность и видимо считали, что и сами теперь смогут дойти до родного побережья. В итоге этого отсева сформировался основной костяк из тридцати кораблей, которые упорно не хотели покидать трофейную флотилию, возглавляемую мной. Погода стояла шикарная, легкий попутный ветер и зыбь, а на небе ни одного облачка. Так мы и шли, не торопясь к берегам Мальты, подстраиваясь под самые тихоходные корабли эскадры. Казалась никто не осмелится встать на пути у такой большой группы бывших пиратских кораблей, но видимо я ошибался.

— Господин Жохов! Марсовый докладывает, что видит паруса! — Гомес влетел в кают-компанию «Матильды» с перепуганным видом — много парусов!

— Спокойно Гомес! — я даже не подумал бежать на шканцы с подзорной трубой. Этот трусоватый купец поднимал панику каждый раз, как только нам встречались попутные корабли, и в итоге это всё время оказывались корабли невольников, которые по каким-то причинам успевали нас обогнать. Я уже почти не реагировал на такие сообщения — ты опять на ровном месте проблему нашёл? Да у тебя в этом настоящий талант Гомес!

— Это не попутные корабли и это не невольники! — Гомес немного успокоился и сейчас решил доложить более подробно — они идут нам на встречу и их много, не меньше десяти!

— Так... — я задумался — мы не далеко от Мальты, пираты скорее всего не осмелились бы перехватывать нас рядом с логовом рыцарей, своих кровных врагов. Так и на неприятности

нарваться можно, причём фатально. Хотя... Поймали же они меня возле Сицилии. Всем приготовится к бою! Передать сигнал на корабли невольников, что бы не вздумали разбежаться. Выловят по одному как нефиг делать! Пойду ка я гляну, кто это. Хотя мысли есть. Но десять? Не знаю...

— Думаешь Гришка сподобился? — Сидор был ещё слаб, но уже мог самостоятельно передвигаться. Кряхтя поднявшись из кресла, он засунул за кушак пистолет и направился вслед за мной — этот может, шептунной у тебя братец боярин. Я с тобой пойду, тоже гляну.

— Это вполне может быть Гриша, только вот откуда у него десять кораблей? Если ты помнишь Сидор, без «Шторма» их у нас всего три оставалось, а ещё два на стапелях стоят — возразил я — хрен пойми кто это, но они идут от берегов Европы, а значить скорее всего это или мальтийцы, или испанцы, больше тут вроде бы взяться некому.

Кораблей было не десять, как говорил мне Гомес, а двадцать пять и были это явно военные корабли. Фрегаты, несколько огромных линейных, корветы и пять галиотов. Завидев мою флотилию, незнакомая эскадра поспешно выстраивалась в линию, готовясь к бою. Линейные корабли и фрегаты перестраивались, а галиоты уходили под прикрытие своих «больших братьев», более мелкие корветы занимали место позади колонны. Один из корветов поставив все паруса и ловко маневрируя быстро пошёл на сближение с нами. Разведчик, как пить дать!

— Это не Гриша... — я кусал губу. Нас больше, но мы просто стадо, по сравнению с явно хорошо тренированным военным флотом, в котором даже есть линкоры! Рассчитывать я могу от силы на пять кораблей, которые находились непосредственно под моей командой, а вот как поведут себя бывшие невольники, большой вопрос! Да и мои корабли вряд ли что-то сумеют сделать в бою. Люди набраны только несколько дней назад, я их не знаю, ф бою с ними не был! Будь это мои проверенные корсара, я бы мог рассчитывать хотя бы на то, чтобы не проиграть в сухую, но с бывшими рабами...

— Это французы! — радостный крик марсового раздался вовремя. Я уже собирался было отдать приказ кораблям невольников: «Спасайся кто может!».

— Вовремя мы «Шторм» сожгли, как говорится, всё что не делается, всё к лучшему... — буркнул я про себя. Французы — это ничего, с Францией Мальта и я не воюем. Я на французском корабле удирал от голландцев, и с офицерами мы помнится не плохо ладили. Вполне адекватные были люди, пока до боя не дошло... Только вот я присвоил себе французский шлюп в своё время, а многие мои корсары французские же дезертиры.

Французский корвет вскоре достиг флотилии. Похоже на нём смогли разглядеть флаги, что несли мои корабли. Флаг явно христианский, мусульмане с крестами не ходят, только вот страна происхождения им наверняка неизвестна. Хотя флаг с косым синим крестом и стал знаменит на средиземноморье, скорее всего до Франции слухи ещё не дошли и французике моряки его ещё не знали. Команда корвета отлично видела, что мы не собираемся вступать в бой, но при этом ни парусов, ни флагов мой флот не спускал. Немного поколебавшись, корвет пошёл на сближение, и я приказал замедлить ход. Проигнорировав «Матильду»,

корвет держал свой путь к самому крупному из моих кораблей — сорокаметровому галеону, когда-то испанскому, потом пиратскому, а теперь моему. Кораблём сейчас командовал Идум, и команда на нём была смешанная, собранная из греков и освобожденных русских. Очевидно француз принял его за флагман.

— Гомес! Ну ка правь к корвету! — распорядился я. Бывший греческий пират может быть и отличный моряк, и боец нормальный, но переговорщик из него хреновый. Вот с католическими монахами он не смог договорится к примеру, с печальными для них последствиями...

Мы не успели. Корвет какое-то время шёл параллельным курсом с галеоном, а потом резко отвалил в сторону и на полной скорости понёсся к своему флоту. Я в очередной раз пожалел, что в этом времени ещё не придумали ракеты.

— Что они хотели Идум? — «Матильда» так же ловко, как и французский корвет вскоре сблизилась с галеоном, и я взял в руки рупор.

— Они потребовали, что бы мы спустили флаги и салютовали их флагману, господин Виктор! — прокричал грек. Судя по тому, что флаг галеона был на месте, я уже примерно знал, что ответил ему грек. По моей спине побежал ручеек холодного пота.

— А ты чего? — спросил я.

— А я ответил, что корабли Жохова не сдаются и флаг не спускают! — гордый и довольный собой Идум выпятил вперёд грудь — и потребовал от них спустить флаг первыми!

— Идиот! Не ты тут решения принимаешь! Надо было направить его ко мне! — я медленно опустил рупор, переводя взгляд на несущийся с вестями к французскому адмиралу корвет. Его уже не догнать!

— Прошу прощения господин Виктор! — грек явно расстроился и низко поклонился. Он явно не понимал, чего я на него ору как бешенный — а я что-то неправильно сказал?

— Эть нравятся мне эти греки! Православные, чего тут говорить! — рядом вытер слезу умиления Сидор и прокричал в ответ Идуму — Сказал правильно, собака ты греческая! Но это должен был сказать сам боярин Жохов! Поперёк батьки прёшь Идумка! С огнём играешь пёс!

— Сука! Вначале делают, а потом думают! — сквозь зубы выдохнул я и повернулся к Сидору — и чего нам теперь делать? С французским флотом биться!

— Из-за чего? — удивился Сидор.

— Да из-за флага! Нахрена он потребовал у французов флаг спустить! Это же оскорбление! Да просто надо было отказать вежливо и разойтись краями! Сделать вид, что друг друга не увидели! Вряд ли бы они сами в драку полезли, а теперь точно полезут! Наберут по объявлениям, а потом мучайся с вами, кретинами! — психанул я. Сейчас и из-за меньшего

войны начинаются!

— Кто это и куда они идут-то хоть! Хватило ума спросить! — снова крикнул я поникшему Идуму.

— Это эскадра лейтенант-генерала Дюкена и они идут в Алжир! Принуждать дея к миру и для освобождения французских рабов! — хохотнул Идум — я им сказал, что Алжир вы уже захватили и христианских невольников в нём больше нет, мы везём их домой! Но мне кажется, он мне не очень-то поверил!

— Дюкен! — выдохнул я. Как и любой моряк я знал этого французского адмирала! Дюкен не проиграл ни одной битвы на море, и однажды бился с превосходящим флотом англичан как раз из-за флага! Отказавшись его спускать, когда от него потребовали, и они не смогли его заставить это сделать силой! И этому человеку Идум снова предлагает сделать тоже самое, но в этот раз у него куда как больше сил, чем у его врагов! Он такое спускать не будет. Да это мать его как так-то вообще получилось!

— Знаешь его боярин? — на меня пристально смотрел Сидор.

— Слышал про него — эмоции переполняли меня. На ровном месте встрял, когда почти уже дошёл до Мальты! Да пошло оно всё к чёрту! Достали! Прав Идум, свой флаг нужно уважать, а репутацию поддерживать, иначе всё зря! В конце концов это единственный флаг, который реял над завоёванным Алжиром, больше никому это пока не удавалось! И Дюкену бы не удалось, я-то знаю историю. С этим флагом Варяг и Меркурий бились, пусть это и будет в будущем, но для меня это уже было! — всем готовится к бою! Корабли в линию! У нас преимущество в ветре, нужно проскочить мимо французозов как можно быстрее. Скорее всего получим бортовой залп, но гнаться они за нами не будут и до abordажa уж точно дойти не должно. Укрыть всех женщин и не участвующих в управлении кораблём и бое людей, в трюмах! Сейчас Сидор тут такой прикол у всех, силой заставляя салютовать своему флагу! И похер им, что перед ними союзники или нейтралы! Хрен с ним, сделанного не вернёшь, и теперь договариваться поздно! Стрелять только в ответ, флаги не спускать! Любой корабль, который спустит мой флаг, расстреливать на месте! Выполнять! «Матильда» пойдёт в авангарде!

Мои разношёрстные корабли вставали в линию у французозов на глазах, показывая им, что мы не собираемся сдаваться или принимать их требования. Французозов нам не миновать, придётся пройти мимо. Галеры, тартаны, галеон, шлюпы, галиоты, галеасы разных размеров и форм выстраивались, вставая друг за другом. Первый удар на себя примет «Матильда» и самые крепкие корабли. Мелочёвка должна успеть проскочить невредимой. Я не буду сближаться с французозами, мы и так едва держим строй, моими кораблями управляют бывшие рыбаки, торговцы и совсем немного военных, хотят биться, пусть сами поворачивают на нас! Действовать будем от обороны, это известная тактика англичан, они хоть и сволочи, но люди умные. Они не нападают первыми, держа строй, они всегда ждут атаки вражеского флота и почти всегда выигрывают. Никогда идеально ровные линии кораблей не сражаются друг с другом. На самом деле проблемы начинаются уже при сближении. Чтобы сохранить строй, головной корабль должен был первым повернуть на

врага. Рулевой второго корабля должен был дожидаться, пока первый корабль не ляжет на боевой курс, рулевому третьего корабля приходилось ждать ещё дольше, и так далее. В результате вместо боя на параллельных курсах, флоты противников образовывали нечто вроде латинской буквы «V», с углом в голове колонны. Когда корабль идёт под углом к противнику — он ограниченно боеспособен, и на время сближения просто отдаёт противнику инициативу. Если нам повезёт, мы сможем нанести приближающемуся головному линейному кораблю серьёзные повреждения. Если же французы строй сломают, то в собачей свалке шансы у нас сравняются, мои корабли набиты людьми, которые только недавно познали вкус победы и свободы. Абардажников у меня явно больше.

Но ни только поэтому я выстраивал корабли в линию. Нас тридцать, а у французов хоть и больше пушек, но в линии всего двадцать кораблей. Пять пузатых галиотов старательно держались в стороне, и в строй так и не встали. Рассредоточить огонь противника, и не дать нанести критические повреждения, вот моя главная цель! Да и тот факт, что каждый француз будет одновременно под огнём сразу с нескольких кораблей, тоже добавит нам шансов на спасение. До сближения линий остаются считанные минуты...

Орудийные порты открыты. К «Матильде» приближается трёхдечный монстр! Как я и предполагал, французы сами пошли в атаку. Купеческий шлюп кажется скорлупкой, по сравнению с линейным кораблём! Мы сблизилась уже на дистанцию уверенного открытия огня, однако пока ни одного выстрела не прозвучало. Молчат французы, молчу и я. Да и что «Матильда» сможет сделать с этим чудовищем? Разве что зубочисток адмиралу немного наковырять. Однако несмотря на кажущееся неоспоримые преимущества линкора в бою против шлюпа, размеры линейного корабля играют нам на руку. При близкой дистанции боя, в наш низкий борт смогут стрелять пушки только с нижних деков, тем самым на треть сократив количество орудий, задействованных врагом в бою. Хотя нам это вряд ли поможет...

Решающий момент. Мы уже борт к борту! Я уже вижу командира линейного корабля. Он смотрит на меня с высоты своего гигантского судна, не прячась от пуль и ядер. Я тоже стою на шканцах в полный рост. Если сейчас ударят картечью, то скорее всего мне крышка. У моих канониров приказ стрелять только в ответ, Франция нам не враг и первым бой я не начну! Но скорее всего после залпа французов, канониров и пушек, способных ответить на залп у меня попросту не будет.

Мы стоим и смотрим друг на друга. Молодой парень в простом кафтане и камзоле, в теле которого боевой советский адмирал, прошедший множество боёв и седой французский адмирал, в пышных одеждах и парике. На обоих кораблях развиваются флаги, никто не хочет идти на уступки. Мы готовы пролить кровь, только для того, чтобы защитить честь своих знамён. И всё же линкор не стреляет...

Игра в гляделки продолжалась быть может несколько секунд, а потом произошло то, чего я никак не ожидал. Французский адмирал приподнял свою шляпу и вежливо поклонился мне как равный равному. Я не остался в долгу, и отвесил ответный поклон. Линкор прошёл мимо, а за ним в строй встал следующий корабль, и всё повторилось вновь! Две линии шли друг против друга, с открытыми орудийными портами и в абсолютной тишине. Официально

мы вступили в бой, но при этом никто никого принудить спустить флаг не смог!

Практически парадным строем мы прошли рядом друг с другом. Капитаны кораблей все как один приветствовали меня в частном порядке. Всё время, что линии шли друг-против друга, я стоял почти по стойке смирно, гордо вскинув голову, и не смея шевельнуться. Но вот последние корабли разминулись, и тут же один за другим на французских кораблях прозвучали одиночные выстрелы из орудий! Я вздрогнул. Это чего они! Вроде же мирно разошлись!

— Прикажете салютовать в ответ? — рядом нарисовался Гомес, заискивающе заглядывая мне в глаза, до этого, во время так и не состоявшегося боя, на шканцах я его что-то не видел.

— А? Да! Ответный салют! — пришёл я в себя от растерянности, мой камзол был мокрым от пота.

Мои корабли с запозданием ответили, отдавая знак уважения французам. Знакомый французский корвет заложил крутой поворот и снова направился к моей эскадре, но в этот раз напрямую к «Матильде», а французская эскадра таки и уходила в даль, не делая попыток вернуться.

— Позвольте представится! Лейтенант Гивьен де Супрен! — капитан корвета был возле нас через час, и так же ловко, как и в прошлый раз, почти в плотную подвёл свой корвет к моему шлюпу, мастерски сравнив скорость — лейтенант-генерал Авраам Дюкен выражает вам своё восхищение месье Жохов! Мы перехватили по пути несколько кораблей, которые донесли до нас весть о вашей победе! Один из них был пиратский, и несколько часов назад было два корабля бывших невольников! Признается, поверить в это было трудно, по силам ли одному человеку совершить такое! Генерал просит не держать на него зла за эту демонстрацию силы, вы сами должны понимать, что честь флага требовала того! Всего вам хорошего месье Жохов, знайте, что Авраам Дюкен не считает вас своим врагом, и с радостью готов стать вашим другом!

— Передайте месье Дюкену, что врагом я его и не считал! — прокричал я в ответ — Виктор Жохов почтёт за честь и с радостью принимает его дружбу!

Корвет ушёл догонять свою эскадру, которая спешила к незащищенному Алжиру. Возможно в этой истории Алжир станет французским на несколько десятков лет раньше, чем это было в моей. Только вот боюсь, что это не понравится Испании. Как бы испанский и французский флот не встретились возле покинутого мной города. Ведь испанцы в курсе, что Алжир пал, и их эскадра должна быть уже в пути. Оран рядом, и восстание спонсировалось и готовилось именно испанцами. Если они встретятся, то разборки им не избежать! Как бы не грянула новая война в Европе, и причиной её вполне вероятно могут быть мои действия. И если с испанцами у меня как-то не сложилось, то французы уже второй раз вполне благосклонно и даже уважительно ко мне отнеслись. Даже знаменитый Дюкен не стал затевать со мной бой и набивается в друзья!

— Уф! — рядом нарисовался Сидор — а с тобой не соскучишься боярин! Я уж думал снова

биться придётся! Удачливый ты! Сам чёрт тебе не брат!

— Конечно не брат, я же мать его святой, а то ты не слыхал, чего про меня монахи говорили! — нервное напряжение отпускало меня — Я такую удачу в гробу видал Сидор! По всем приметам и признакам, мы уже с тобой раз десять должны были погибнуть, и если считать, что мы каждый раз выживаем, то это может быть и удача, но вот только какого хрена мы всё время в разные истории влипаем!

— Судьба такая, не мы её выбираем — хмыкнул Сидор — зато не скучно!

— Не скучно ему... — я вздохнул и посмотрел на казака — Мне бы скучно хоть месяц прожить!

Глава 10

Алжир пылал. Я стоял на полуострове «Матильды» и смотрел на разрушенный город. Из порта выходили десятки судов всех размеров и форм и пристраивались за моим шлюпом как за флагманом, они были все разные, но их объединяло одно — все они несли на своей корме Андреевский флаг. Разного размера, сшитые и нарисованные, кое-как сделанные и тщательно изготовленные, флаги развивались на ветру, но самый большой реял над развалинами дворца турецкого дея. Я обещал, я сделал! Через час мина сработает и этот флаг сгорит, он не достанется врагу, но ещё час город мой! Больше трёх суток бывшие невольники удерживали город, но всё же настало время уходить. К городу приближалась большая армия из янычар, успевших сбежать корсаров и ополчения выживших жителей. Город нам не удержать, мы сами уничтожили укрепления и артиллерию Алжира. Да и бывшие невольники, это не регулярная армия. Против готовых к бою, и тренированных с самого детства янычар у них нет шансов. Бывшие рабы хотят домой, к семьям, и биться за развалины Алжира у них нет никакого желания. Несколько гонцов, отправленных монахами на быстроходных лодках в испанский Оран так и не вернулись, подкрепление не пришло. Испанцы упустили свой шанс завладеть Алжиром.

В тот день когда меня сняли с креста и началось восстание рабов, случилось много чего интересного. Монахи доминиканцы, действуя как связующее звено между разрозненными группами восставших были просто незаменимы. Если приказание передавал монах, оно исполнялось беспрекословно. Как-то само сложилось, что у каждого отряда появился самоназначенный лидер и комиссар, роль которого исполнял один из братьев. Этаким замполит,двигающий генеральную линию партии и имеющий власть едва ли не большую, чем у этих самых лидеров. Погромы, начавшиеся спонтанно, плавно перетекали в планомерный захват улиц, со строительством баррикад, блокировкой казарм, небольших групп стражников и охранников частных лиц. Загнав обороняющихся в какое-либо здание, восставшие готовились к отражению контратаки, а потом поджигали импровизированное укрепление. Выдавленные огнём алжирские бойцы вынуждены были покинуть защищённое место. Короткий, но жестокий бой, и невольники шли дальше, оставляя за собой трупы своих погибших товарищей и их противников. Среди невольников оказалось много бывших солдат, матросов и офицеров, которые умели обращаться с оружием.

Основные сражения развернулись возле дворца дея и в порту. И хотя дея охраняли янычары, самая кровавая бойня случилась именно на берегу моря. Корсары Алжира, основные поставщики рабов и предмет особой ненависти бывших невольников, все как один потянулись к своим кораблям, в надежде покинуть город, и в порту сопротивление оказывали в основном они. Корабельные пушки били по берегу, в ответ, из захваченных укреплений по кораблям велся огонь из береговых орудий. Абордажные группы корсаров сходились в рукопашных схватках со своими бывшими гребцами и рабами. Никто не брал пленных и не проявлял благородства, в ход шло всё — от мушкетов, до зубов и ногтей.

После взрыва башен и обстрела дворца дея, я и испанцы во главе с Ромиресом, двигались к порту, вслед за небольшим караваном повозок, запряженных мулами, и в которых лежали мои матросы. Цель у меня была только одна — воспользоваться шумихой и сдрыснуть как можно дальше из этого сумасшедшего дома! Но мне не дали. Монахи, как самонаводящиеся торпеды безошибочно находили меня в любом глухом закоулке и требовали приказов. И в итоге я сдался, в порт было пока не пробиться, уйти без друзей я не мог, а без помощи монахов их было не спасти. Ну а монахи хотели от меня только одного — приказов и справедливости.

Брать города мне не впервой. Но первый раз мне пришлось руководить боем, когда я не знал не то что численность войск противника и их вооружение, но даже своих. Не было разведанных, не было подкреплений и резервов, даже схемы города не было! У меня не было ничего! Заняв припортовую таверну в качестве командного пункта и штаба, я засучил рукава и приступил к работе. Монахи получили приказы найти мне хотя бы приблизительную схему города и установить связь со всеми группами восставших. Я должен был знать имя лидера, сколько человек в его группе, каким оружием он располагает, где находится, есть ли рядом с ним противник, какова его численность и ещё миллион разных деталей. Всё это, по мере поступления данных я быстро записывал сначала куском угля прямо на стену таверны, а когда мне принесли схему города, то на карту. Через час я примерно знал, что делать. Связные сбились с ног, но в итоге я всё же сумел перехватить все нити управления боем.

Без надёжного штаба было сложно. Я держал в голове массу информации, и она всё продолжала поступать. Обстановка беспрерывно менялась.

— Отряд Идума теснят! Они нарвались на янычар! — запыхавшийся монах врывается в таверну и с ходу выдает мне информацию. Сколько янычар, куда теснят, потери, сколько смогут продержаться, этого он не додумался выяснить. Тяжело работать с неподготовленными людьми. Идума грек, бывший пират, и все бойцы в его отряде тоже поголовно греки. Их там от ста до трёхсот человек, более точной информации нет. Бывшие каменщики, которые строили укрепления Алжира. Вооружены в основном шанцевым инструментом. Мотыги, молотки, кирки и лопаты, часть имеет трофейное оружие. Они не далеко от городского базара и выдвинулись далеко вперёд, опережая другие отряды.

Ситуация обычная, ничего нового. Каждые пол часа то одна, то другая группа повстанцев нарывается на вражеские отряды, которые прорываются кто куда. Пираты к порту, янычары к дворцу или к укреплениям, или же частные отряды богатых жителей за пределы города.

Иногда они справляются сами, иногда не справляются и их вырезают бойцы дея, но в основном я успеваю вмешаться и выкрутить ситуацию в нашу пользу. Ничего страшного, сейчас решим. Даже если отряд Идума вырежут, далеко янычары не продвинутся. Я поворачиваюсь к готовым бежать связным.

— Кинесу и Дюку! — тут же в голове всплывают имена лидеров отрядов, которые находятся ближе всего к попавшим в беду грекам — оставить заслон на баррикадах и идти на помощь Идуму! Пусть оставят по десять бойцов с мушкетами и всем составом выдвигаются! Идти параллельными улицами, зайти во фланг янычар и атаковать. Идуму держаться, сколько сможет! Направить Идуму на помощь пятьдесят гребцов из резерва! С галеры «Салтанат»! Еще пятьдесят гребцов пусть занимают оборону по той же улице где сейчас Идум, в квартале от места боя. Строить баррикады и готовится к отражению атаки! Пошли!

Связные скрылись за дверью, а я наношу на карту новую информацию, всего в голове не удержишь. Дверь не успевает закрыться, как новые связные появляются в таверне, кому-то ещё нужна помощь...

С деем я больше не увиделся. Баба Хасан пал от удара столового ножа, да не одного, а как минимум десяти. Погиб он в своём гареме и убили его одалиски и наложницы.

Если у мужчин и был хоть какой-то шанс вернуться домой из рабства или бежать. То судьба пленниц на Магрибе была незавидной. Цена выкупа для женщин всегда была выше, чем у невольников мужчин, и монахи часто пренебрегали дочерьми Евы, если стоял выбор кого освободить — мужчину или женину. Они уже считались не чистыми, так как сожительствовали с хозяевами и зачастую имели от них детей. Никто обычно не заморачивался их освобождением, разве что выкупались особо знатные дамы, сразу заявившие похитителям, что они много стоят. Таких пираты обычно не трогали, но суммы за них заряжали нереально большие. Остальные оставались невольницами навсегда.

Эти пленницы делились на три категории. Красивая и невинная девушка почти со стопроцентной гарантией попадала в гарем в качестве наложницы, молодые и сильные становились домашними служанками и одалисками в гареме, ну а возрастные дамы занимались ремёслами.

Как уж так вышло никто не знает, но дей Алжира в самый разгар восстания решил посетить свой цветник, наверное, чтобы снять напряжение и развеется. Ну а в дворцовом гареме к тому времени власть незаметно для всех захватили одалиски и европейские наложницы, убив евнухов и заперев жён дея в их комнатах. Ушёл дей и не вернулся. Янычары ничего не могли сделать, чтобы вытащить своего господина из этой закрытой части дворца. Вход посторонним туда был закрыт под страхом смерти. Лишённые руководства янычары в итоге предприняли попытку прорыва из окруженного дворца и им это удалось. Ударный кулак из подготовленных бойцов, как раскаленный нож сквозь масло прошёл через заслоны невольников, и янычары вырвались из города. Отсутствие централизованной власти сыграла с ними плохую шутку. Прорвись они в порт на соединение с корсарами, и неизвестно чем бы всё закончилось, однако они предпочли бежать, и тем самым подарили повстанцам шанс на победу.

Порт доставил нам неприятностей. Привычные к боям корсары были серьёзными противниками. Большинству удалось попасть на свои корабли, да вот только выйти в море удалось ни многим.

Галеасы и галеры без гребцов, не могли маневрировать в бухте, забитой кораблями. Только редкие счастливы, уже готовые к походу и у которых гребцы были на своих местах или обладатели небольших парусных кораблей, смогли вырваться из порта. Некоторые команды пиратов, объединившись вместе, сами садились на вёсла и уходили из охваченного волнениями Алжира, но всё же основная масса уйти не смогла. Я позаботился о блокировке порта в первую очередь.

Отряд Рамиреса и многочисленные французские, испанские и португальские моряки ушли на штурм береговых батарей незамедлительно, как только я взял управление боем в свои руки. Атака со стороны города удалась. На руку сыграло то, что к отражению нападения с тыла укрепления не были готовы, а также то, что в пятницу гарнизоны фортов и башен были далеко не полными.

Найти канониров среди бывших рабов не составило труда, и вскоре форты ожили, расстреливая корабли, оказывающие сопротивление, и пытающиеся покинуть бухту. К вечеру святой для мусульман пятницы город пал.

— Нужно сотворить всеобщий молебен! Люди ждут! — отец Доминик, моя незаменимая тень и помощник во время плена и боя нудит уже час. Сейчас мы в покоях дея, я привел сюда монаха специально, что бы поговорить — ведь это чудо, и все мы его свидетели! В городе не осталась рабов, как вы и предсказали! Благословите людей!

— Доминик, хорош валять дурака! — я повернулся к монаху — Ты меня идиотом считаешь!

— Я не понимаю вас Виктор! — Доминик сделал тупое лицо и смотрит на меня невинными глазами.

— Всё ты понимаешь монах! Не зли меня! — я подошёл вплотную к святому отцу — у вас всё было готово к восстанию и вам нужен был только повод и лидер! Сами вы очевидно светится не хотели на случай неудачи. Давай рассмотрим факты. Все монахи знали, что им делать, по сути именно они и организовали отряды восставших. Как так получилось, что во главе отрядов вдруг оказались в основном вольноотпущенники, живущие в Алжире ни один год! Спонтанное восстание не начинается так удачно, как это! Вы выбрали пятницу, когда гарнизон практически беспомощен и не смог быстро отреагировать на бунт. Ваши монахи знали где и сколько находится стражников, знали где арсенал и в какой мечети проводят молитвы те или иные отряды янычар. Вы мать вашу знали, всё! Зачем ты делаешь из меня святого великомученика? Ты был рядом всё время, что я висел на кресте и знаешь, что я не умирал, не воскрешал и видений у меня не было! Вы специально нагнали толпу под стену и нагнетали обстановку! Крикни я с креста хоть воззвание к сатане, вы бы и то его трактовали и разъяснили невольникам как вам надо! Так вот, ответь мне Доминик, ты считаешь меня идиотом!

— Нет — Доминик больше не походил на религиозного фанатика, передо мною стоял уверенный в себе мужик, и спокойно смотрел на меня — не считаю. Вы умный человек, и талантливый полководец. Вы грамотно руководили восстанием и нам почти не пришлось вмешиваться. Мы сделали правильный выбор.

— Объяснись! — я отступил от монаха и взял в руки кубок с вином. Дей не отказывал себе в удовольствии травиться перебродившим виноградным соком. Богатая коллекция вин нашлась в его личных покоях.

— Восстание планировалось давно. И такой случай грех было упускать. На роль его лидера было несколько кандидатов, но все они по каким-либо причинам не подходили. Вам же терять было нечего, ещё немного, и вы бы погибли там, на стене. Вы Виктор довольно популярная личность среди невольников и личный враг дея. Поняв, что происходит, я принял решения выбрать вас — монах тоже взял кубок и выпил вина, внимательно смотря на мою реакцию.

— Ну и кто ты? Кардинал, епископ, или вообще не монах? — я уселся на трон дея, разговор предстоял долгий, а я чертовски устал.

— Отец Доминик, обычный монах, тут я не врал — усмехнулся монах — в миру капитан испанских кирасиров. А сейчас личное доверенное лицо Папы.

— О как! — усмехнулся я — испанская инквизиция я полагаю?

— Действующий член испанской Супремы — не стал отнекивается монах.

— Ну звиздец! — выругался я — и как скоро испанские корабли войдут в Алжир?

— Гонец в Орат уже отправлен, полагаю от трёх до семи дней — вздохнул инквизитор — до этого времени город надо удержать!

— А потом что? Ты знаешь Доминик, что тут в Алжире сейчас каждой твари по паре? Католики, протестанты, православные и копты, тут еретик на еретике сидит, и схизматиком погоняет! Как только испанцы войдут в город, запылают костры! — я зло смотрел на монаха — и первый на костёр взойду я! Вы же твари сами меня в ереси обвините, и ты будешь главным свидетелем на процессе, так как прекрасно знаешь, что я нихрена не мессия!

— Такое может случится — не стал врать Доминик — но я постараюсь этого не допустить, это может спровоцировать бунт среди освобожденных.

— Да нахера мне твоё «может быть» и «постараюсь не допустить»! Ты монах похоже не понимаешь, что сейчас, когда вы меня возвели в праведные мученики и поставили во главе всех этих людей, я спокойно могу всех вас уничтожить? Я не буду ждать испанские войска, а сдам город обратно маврам, под гарантии того, что они отпустят всех бывших рабов! И они пойдут на это! В отличии от вас живодёров, они вполне вмняемые люди. Ты заметил, что на территории Алжира стоят церкви и синагоги! А ты видел хоть одну мечеть в Испании! Вы

сами слуги дьявола, которые пытаются и жгут безвинных людей, и я совершу благое дело, если избавлю мир от вас! Дей распял меня на кресте, но он использовал его не как символ, а как орудие пытки, только и всего, на мою веру он по сути не покушался, у меня был выбор. Он сделал глупость, и дал вам повод, а вот я вам повода не дам!

— Мы заплатим тебе золотом корсар! Во дворце дея его много, налоги собраны, но в Стамбул ещё не отправлены! — моя речь вывела монаха из себя — я сам выпишу тебе индульгенцию, и ты сможешь спокойно вернуться на Мальту!

— Да иди ты! — издевательски рассмеялся я — так это же меняет дело! Ты предлагаешь расплатиться со мной моим же золотом? Я и так выгребу из Алжира всё, что можно и вернусь на Мальту! Твоей индульгенцией можно разве что задницу подтереть!

— Ты не выйдешь отсюда колдун! — монах достал из-под рясы пистолет — перед покоями стоят мои люди, а Рамирес работает на меня!

Я выстрелил первым. Пистолет давно лежал под подушкой трона. Доминик обмяк, и в дверь заглянул Идум. Отряд греков я вызвал во дворец сразу же, как только понял с кем имею дело. И с Идумом я успел поговорить.

— Мы взяли их всех господин Виктор! Что нам теперь делать? — грек не отрывал взгляда от трупа Доминика.

— Отряд янычар скрывался в покоях дея, они напали, и славные монахи погибли все как один, спасая мою жизнь. Ведь так же было Идум? — я уставился на грека.

— Истинно так господин Виктор! — усмехнулся бывший греческий пират — славная смерть, во славу католической веры!

— Ну вот и отлично. Собери народ, я сам выступлю перед невольниками. Пора прояснить кое-что... — я кряхтя поднялся на ноги — а то слухи разные ходят, а оно нам надо?

Три дня я грузил корабли трофеями. Со мной на Мальту уходят мои люди, которые уже пошли на поправку, греки, прощённый мною Гомес и несколько нашедшихся среди невольников русских. Четыре самых лучших корабля, которые я выбирал сам, теперь принадлежат мне, больше просто не взять, и на эти то экипаж еле набрался. Команды набраны из добровольцев, и по сути это весь мой флот, который я увожу из Алжира. Но остальные невольники не особо впечатлялись моей речью, где я популярно объяснил, что я никакой не мессия, и слухи об этом, были просто хитрым планом, чтобы поднять восстание. Невольники поднимают на кораблях Андреевские флаги и идут за мной. Это проблема, что с ними делать я понятие не имею, но о ней я подумаю во время плавания. Пора возвращаться домой, пока Гриша не натворил дел.

Глава 12

Флот, собранный Гришей, для того, чтобы отбить меня любимого у алжирцев, только

собирался выходить из порта, когда на удивление всей Мальты, в него вошли мои корабли. Гриша бухнул все деньги, которые мы копили последнее время и занял ещё столько же, для того, чтобы снарядить карательную экспедицию. На эти деньги он нанял корабли и корсаров, призвал добровольцев и снаряжал аж пятнадцать судов, готовых отправиться к берегам Алжира! Всё это он успел проделать всего за три дня! Сейчас корабли спешно грузились припасами. Посланные Гомесом гонцы только недавно донесли до Мальты весть, что я попал в плен, и все три дня, с момента получения этого известия, Гриша не спал. Мой боевой товарищ и друг, когда мы с ним увиделись, был похож на зомби годичной давности. Синие круги, под красными, воспалёнными глазами, весь бледный и нервный.

— Звиздюк ты Витя! Я тут жилы рву, а он стоит и улыбается! — приветствовал меня дружище, когда я поднялся на борт Гришкиного фрегата — больше без меня никуда не пойдёшь! Мне тут говорят, что он в плену, к кресту прибитый на стене висит! Я как проклятый собираюсь его выручать, а он с довольной рожей появляется как ни в чём не бывало! Да ты знаешь, что мы с тобой теперь нищие! Мы должны всем и каждому на этом грёбанном острове! Я флот собрал, и чего теперь с ним делать!

— Не бзди Гриша — хохотнул я, обнимая друга. Настроение у меня было просто отличное — долги раздадим, я не пустой пришёл! Вот так зарабатываешь не покладая ножа и кистеня, а ты за три дня всё умудрился профукать, что нажито непосильным грабежом! Конечно теперь везде вместе будем ходить, тебя же нельзя одного оставлять, так и без штанов остаться можно! А флот... Да придумаем что ни будь! Отработают наёмники всё до копейки!

— Куда «Шторм» дел зараза! — Гриша хоть ворчал, но сразу видно, мой друг впервые за последние дни вздохнул свободно.

— Махнул, не глядя! — рассмеялся я и указал рукой на приведённую мною флотилию — смотри чего у нас теперь есть!

— Солидно конечно, только всё это не то, куда нам галеры? Там у тебя чего только нет, а нормальных кораблей не вижу! Сколько наших то выжило? — задал главный вопрос Григорий.

— Мало Гриша, всего десять человек, если меня и Сидора считать. Ван пропал... — погрустнел я — ты знаешь, мы бились возле острова и возможно кто-то смог спастись, доплыв до него. Нужно туда наведаться. Может и повезло кому-то. Да и глубину проверить на месте боя будет не лишним, если не очень глубоко, пушки бы нам хотя бы поднять. Всё же там шесть кораблей на дно ушло.

— Да уж. Повоевали... — Гриша снял с головы шляпу, отдавая дань уважения погибшим бойцам — Вана жалко. Как так получилось то?

— Всех жалко... — согласился я — ждали нас там, именно нас ждали.

Я не став говорить другу про предательство Гомеса. Я купца простил, он в Алжире мне сильно помог, и только благодаря его усилиям все мои матросы, снятые с крестов, выжили.

Да и «Матильду» он мне подарил взамен погибшего «Шторма», но вот Гриша совсем не такой добрый как я. Скажи я ему сейчас, что там было на самом деле, и за жизнь Гомеса я не дам и ломанного гроша. Я расскажу ему всё конечно, но позже, когда он немного отойдёт и успокоится. К тому же Гомес нужный человек, он теперь мне по гроб жизни обязан, и у меня на него были далеко идущие планы. Пора создавать свою собственную разведку, так как мы работаем, это жалкие потуги любителей, пора переходить в разряд профессионалов!

— Так что командир, я отбой даю? Может удастся часть денег вернуть — отвлѣк меня от мыслей Гришка.

— Погоди пока. Командуй перенос отплытия на неделю. Раз уж бабки уплачены, подумаем, как использовать наёмников — остановил я друга — надо всё хорошо обдумать. Торопитесь нам уже некуда. Сейчас есть дела и поважнее. Нужно что-то делать с кораблями, трофеями и самое главное с несколькими тысячами бывших рабов. Часть из них хотят присоединится к нам и это конкретный геморрой! Пока там Сидор заправляет, но ты его знаешь, нужно срочно подключать Дайона и самим впрягаться.

Суэта и хлопоты захватили нас с головой, не оставляя времени даже порадоваться и отпраздновать нашу победу и возвращение. Дел и вправду предстояло много.

Тридцать бывших пиратских кораблей, под Андреевскими флагами и груженные трофейным добром и невольниками, на кого угодно могли произвести впечатление, и рыцари Мальтийского ордена не были исключением. Бывшие невольники заполнили портовый городок, где базировалась моя эскадра, и вскоре вся Мальта уже была в курсе истории восстания рабов и падения Алжира. К моей вилле потянулись толпы народа, пытаюсь хотя бы просто посмотреть на меня. Один за другим знакомые рыцари ордена, отложив свои дела стали навещать в гости, пытаюсь выудить из меня подробности. Этот ажиотаж очень мешал работе. Я постоянно вынужден был отвлекаться и принимать местное дворянство, повторяя всем и каждому слегка приглаженную историю своих приключений. Этих людей нахер так просто не пошлѣшь, приходилось быть вежливым, хотя уже после второго визита, я с трудом сдерживался, чтобы не нагрубить очередным незванным гостям. А через пять дней меня пригласил в свою резиденцию Магистр.

Грегорио Карафа, великий магистр ордена госпитальеров и племянник Папы Римского, вступил в должность всего пару месяцев назад, хотя правил орденом фактически уже два года, после смерти предыдущего магистра. Карафа был уже в преклонном возрасте. По нынешним временам можно сказать даже старик. Магистру было шестьдесят семь лет, и до своего избрания на пост, рыцарь успел хорошо так повоевать. Итальянец по происхождению, он состоял в ордене всю свою жизнь, так как был зачислен в него, когда ему было всего три месяца. Карьера этого человека складывалась просто блестяще. В двадцать лет он уже был Рыцарем Большого Креста Ордена и генералом Рочеллы, входя в Высший совет ордена. Начиная свою службу в кавалерии, вскоре он уже был командиром всего орденского флота. В битве при Дарданеллах, Карафа командовал эскадрой из семи орденских галер и объединенный венециано-мальтийский флот одержал победу над османами. В качестве награды Мальта получила тогда одиннадцать захваченных османских кораблей. После победоносной битвы он был встречен на Мальте как герой.

Сейчас Магистр заседал в оберж-де-Италии в Валлетте. Глава языка Италии традиционно в Ордене занимал должность адмирала. Вообще территориальное и административное деление Ордена было сложным. Рыцари говорили на множестве языков и были выходцами из самых разных стран. По этому признаку они и делились на так называемые языки. Сейчас языков в Ордене было семь, и Карафа, помимо должности Магистра, был ещё и пилером языка Италии.

— Синьор Жохов! — Карафа сам встретил меня ровно на середине своего кабинета. Одет магистр был во всё черное, только на груди кафтана старика был вышит белый, восьмиконечный крест ордена.

— Господин Магистр! — я поклонился самому главному человеку на острове, оценив его жест. У порога встречают вышестоящего по положению и званию, младшего не встречают вообще, а вот равного приветствуют стоя и как раз посередине зала. Я уже успел выучить такие подробности здешнего этикета.

— Проходите Виктор! Рад познакомится с вами лично, хотя о ваших с братом славных делах наслышан. Вина? — Карафа светился радушием.

— Пожалуй не откажусь — согласился я. Если тебе предлагает выпить такой человек, отказываться нельзя.

— Сейчас нам принесут. Отличное молодое мальтийское вино! Оно не такое крепкое как старые вина, и хорошо утоляет жажду. Рекомендую! — начал расхваливать местное производство руководитель ордена, и указал мне на стул возле огромного стола — Прошу садиться Виктор, разговор нам предстоит долгий.

— Я внимательно слушаю — вежливо ответил я, присаживаясь. К магистру просто так простых членов ордена не дёргают, и я даже кажется знаю, о чём пойдёт разговор.

— Вы совершили богоугодное дело синьор Жохов — начал Карафа, как только чернокожий слуга сервировал стол и вышел из кабинета — великое дело! Тысячи освобожденных христиан, разрушен оплот пиратов, захвачены десятки кораблей! По всему Средиземному морю, теперь купцы поднимают ваш флаг, если хотят показать пиратам, что собираются биться до конца, и знаете? Это работает! Буквально вчера вернулись неаполитанские купцы, которые отпугнули марокканский галеас вашим стягом! Стоило им его поднять, и пираты ушли! Вы стали грозой мавров! Но есть в этой всей истории несколько непонятных пятен, которые требуют прояснения. Как вы знаете, каждый пилер ещё является и судебным приставом. Советом ордена по вашему делу назначены разбирательства, и так как вы являетесь корсаром ордена, на рассмотрение дело передано в оберж-де-Италии, главой которого я и являюсь. По сути именно я должен разобраться и принять решение, перед докладом на совете.

— Понятно... — протянул я. Это хреново! Хотя я и уничтожил католических монахов, которые были организаторами бунта, и выступил перед освобожденными невольниками, но среди них хватало тех, кто не поверил мне, продолжая считать меня святым мучеником.

— Сейчас у нас только беседа — едва заметно усмехнулся Карафа — эмиссары ордена собирают свидетельские показания у освобожденных рабов. Основное слушание будет назначено через месяц. Однако уже сейчас понятно, что большинство освобожденных стойко убеждены в том, что вы были замучены на кресте, воскресли, и божией волей подняли рабов на восстание. Находятся даже те, которые утверждают, что лично были свидетелями этого чуда. О том же всем говорили и погибшие монахи доминиканцы, которые помогали вам. Кстати, как они погибли?

— Случайно, нарвались на отряд недобитых янычар во дворце дея — автоматически выдал я заранее отрететированную версию. Я мучительно соображал, что же мне делать. Этот разговор затеян явно не проста!

— Ну да, ну да. Такое бывает, когда восстают рабы — хмыкнул Карафа — впрочем умерли и умерли, все там будем. Это сейчас не важно. А важно то, что освобожденные невольники уже разбежались по всей Европе, неся слухи о вас, как о новом мессии! Что вы на это скажите?

— Скажу, что это бред! Я действительно висел на кресте, и с него же призвал рабов к восстанию — отрицать очевидное было глупо — но ко мне не являлись ангелы, я не воскресал. Какому-то юродивому, что-то показалась, и он крикнул об этом в толпе, так слух и пошёл в народ. Вы же знаете, как это бывает. Я сам выступал с обращением к рабам на главной площади Алжира, где прямо сказал, что распространяемые слухи не имеют под собой основания!

— Я вам верю Виктор! Не стоит горячиться, сейчас мы разговариваем как друзья. Поверьте мне, я на вашей стороне! — скривился магистр — И я рад, что вы сами понимаете, в какую опасную авантюру, втравил вас этот самый «крикун». Как я вижу, вы самым решительным образом отрицаете эту ересь, и это отлично! Но это я. Сейчас во многих странах соберут церковные суды, ведь эта ересь распространилась как чума! При этом орден, имея вас под рукой, имеет приоритет в расследовании. Решения нашего суда будет поддержано Папой, я в этом даже не сомневаюсь! Вам нужно будет только подтвердить всё, что вы сказали во время дознания!

— Дознание будет вести Орден, я так понимаю? И как же меня будут допрашивать? — подобрался я — пытаться будите?

— Но вы же сами прекрасно понимаете, что иначе никак! — вздохнул магистр — дело слишком серьёзное, чтобы ограничиться простым вопросом. Как видите, я с вами совершенно откровенен. Могу обещать только, что калечить вас не будут.

— То есть, совершив благое дело, освободив тысячи рабов, и уничтожив Алжир, я попаду на дыбу за всё это! Вы издеваетесь! — кровь прилила к моему лицу — неужели недостаточно того, что я и так всё отрицаю! Ну а если невольники правы, и я действительно посланник божий? Не боитесь прослыть вторым царём Иродом!

— Но вы же не мессия! — удивлённо уставился на меня Карафа, в его глазах я заметил

издёвку. Похоже он просто забавляется, наблюдая за моей реакцией.

— Чего вы хотите! — прямо спросил я, пристально смотря в лицо магистру — давайте говорить прямо.

— Я не хочу проблем Виктор — вздохнул Магистр — А вы и есть проблема! Вы схизматик, от вас не известно, чего ждать. Всё может случиться так, что под пытками вы будете стойко держаться и утверждать, что вы посланы богом. Схизматик не может быть посланцем всевышнего! Только католик. Мы много лет боролись с протестантами, и теперь православие! Многие невольники, узнав какой вы веры, отрекаются от Рима и Папы!

— Я вас услышал. Что требуется от меня? — я пропустил мимо ушей это предисловие, магистр по сути ещё ничего не сказал.

— Вы становитесь католиком, и тогда, я сделаю вас Рыцарем Большого Креста Ордена. Кроме того, я открою новый оберж, главой которого станете вы! Пора уже обратить внимание на Русское царство, и отвести ему подобающее место в ордене — дождь из пряников посыпался на меня как из рога изобилия — после крещения суд всё же будет, но пройдёт быстро, и в любом случае, без последствий для вас!

— Другие варианты имеются? — это не всё, есть у них что-то на случай моего отказа...

— Да собственно их масса. В случае вашего отказа, до суда вас в любом случае не будет на Мальте! Выбирайте — несчастный случай, пьяная драка, сердечный удар? — теперь Карафа больше не походил на доброго дядюшку.

— Как-то выбор у вас совсем не богатый... — сглотнул я. Да собственно и первое предложение ничем от других не отличается. Разделяются со мной! Сейчас меня не трогают только из-за боязни возникновения волнений тысяч бывших невольников, которые заполонили Мальту и которые уже один раз добились своего силой. А как всё уляжется, от меня избавятся, нет человека — нет проблемы!

— Это политика Виктор, ничего личного — магистр усмехнулся — впрочем я готов выслушать и ваши предложения.

— С одной стороны, суд — это даже хорошо. Он решит это дело раз и навсегда, не оставив кривотолков — задумался я — только вот может ли он пройти без главного свидетеля? А если я оставлю письменные показания и не явлюсь?

— Продолжайте — Карафа слушал меня внимательно.

— У меня готова эскадра, в любой момент я могу выйти в море. Скажем, для демонстрации своего флага Тунису или Марокко, или даже для оказания помощи Франции, в завоевании Алжира — на ходу лихорадочно выдавал я своё предложение.

— Только не Алжир! Туда вам теперь путь заказан Виктор — прервал меня магистр — впрочем продолжайте, мне ход ваших мыслей нравится.

— Ну да, в Алжире я уже был, чего мне там делать? — поправился я — я уйду с Мальты. Даже не так! Я по вашему прямому приказу отправлюсь выполнять задание Ордена. Приду к примеру, к порту Рабад или Сале, и выдвину требования освобождения рабов, а потом стану там и буду блокировать порт, ну допустим пару месяцев, как раз до сентября!

— Хорошо, это вполне нормальный вариант, однако мы отложим решение проблемы на пару месяцев, но ведь её не решим! Когда начнётся сезон штормов, вам придётся вернуться — вздохнул магистр — это всё полумеры Виктор!

— На сколько мне надо исчезнуть? — задал я прямой вопрос.

— Вам надо не просто исчезнуть, но и подружиться с Римом — вздохнул магистр — ход ваших мыслей натолкнул меня на идею. Вы хороший человек, и не хотелось бы вас убивать. Всё-таки вы Виктор сделали для Ордена больше, чем подавляющая часть рыцарей. Папа шлёт призыв о помощи всем христианским государствам. Грядёт война Австрии и Османов. Даже больше того, она почти началась. Османов останавливает только то, что уже середина лета и начинать компанию уже поздно. К Ордену тоже поступила просьба присоединиться к Лиге. Мы несомненно поможем нашим союзникам. С султаном Орден и так в состоянии войны, ежегодно мы строим всё новые и новые укрепления, боясь осады и десанта. Я думаю, а не блокировать ли вам Дарданеллы? Со своими кораблями и преданными вам людьми, в том числе заблуждающимися фанатиками и добровольцами? Это избавит вас и от суда, и подружит с Папой и Римом. Вы отвлечёте силы турок, и тем самым поможете в предстоящей войне христианам. А если захватите и удержите хотя бы год Тенедос, цены вам не будет!

— Вы предлагаете мне взять Тенедос! — я был в шоке. Можно просто меня убить, зачем так извращаться? Остров был расположен всего в пяти километрах от материка, который контролировали турки, и находился практически на входе в пролив — а может ещё и Константинополь захватить?

— Ну не надо так драматизировать. Константинополь взять вы не сможете, а вот прорваться в Мраморное и Черное море, вполне по силам, хотя я от вас этого и не требую — рассмеялся магистр — пройти форты и береговые крепости, и даже их уничтожить не трудно, трудно их удержать! Мы с точностью до орудия знаем состав береговых батарей, их состояние и недостатки! Купцы ежегодно ходят торговать с османами, несмотря на нашу войну и запрет. В обмен на то, что мы скажем так, иногда вовремя закрываем глаза, они щедро делятся информацией. Но я повторяю, я не требую от вас невозможного. Пошумите там, повоюйте, а вскоре туркам станет не до вас. Так что вы мне ответите Виктор?

— А у меня есть выбор! — я сидел мрачнее тучи, и по взгляду магистра понимал — выбора у меня нет!

Глава 13

— Нужно валит с Мальты! И как можно скорее! Пора смазывать лыжи Витя! — мы сидим в гостиной моей вилы всем офицерским составом ближнего круга и обсуждаем свалившиеся

на мою голову проблемы. Гриша нервно ходит вокруг стола -а напоследок хорошо бы из всех стволов засадить по резиденции этого гондураса магистра! В край охамели сволочи!

— Тут я согласен с вашим братом, господин Виктор — Дайон тоже нервничает. У него за эти несколько дней случился когнитивный диссонанс. Из богатой и успешной корсарской команды, мы мгновенно превратились в задолжавших всем бедняков и потеряли корабль с командой, а потом буквально в один день снова стали богаты, и пополнились кораблями и людьми чуть ли не в десять раз. И всё это свалилось на его голову. Как и любого завхоза, такие перепады активов его выводили из себя и заставляли мучаться кошмарами по ночам — поставленная магистром задача не выполнима. Снабжать такую большую флотилию мы долго не сможем. Предлагаю продать лишние корабли и идти в Англию или Голландию, там всегда пригодятся такие решительные люди как вы господин Жохов. Во Франции многим из нас хода нет, вы же помните, как мы познакомились?

— А командиру нет хода в Голландию. Нашим ирландцам и шотландцам в Англии будут не рады. Тут думать надо — буркнул Гриша.

— А я бы турку пощипал! — Сидор уже полностью оправился от ран и горел жаждой мести — Если прорваться в Чёрное море, можно на Дунай или в Днепр уйти. Там казаки боярин! С такой ватагой как у нас, любой атаман тебя с радостью в войско примет. Хош к Запорожцам иди, а хош к нам, на Дон! Лучше к нам конечно! На Дону лепота!

— И чего мы там делать будем? На Доне твоём! — уставился на него Гриша — мы зарабатываем морем, морда твоя казацкая! А Черное море сейчас полностью турецкое. Ну пройдем мы туда, ну пограбим и пожжем крепости, татарам в Крыму наваляем, а потом? Назад нас точно уже не выпустят, что нашим кораблям в Днепре делать? Сжечь их и к тебе на Дон перебираться? Коровам хвосты крутить и за сиськи их дёргать? Мы все моряки, на коне и сабелькой по степям скакать, это не наш метод!

— Надо идти в Новый свет господи! Португальский генерал-губернатор примет нас с радостью. В Новом свете терпимо относятся к вопросам религии. Инквизиция там слаба. А если мы поможем расширить колонию, то португальский король не обойдёт нас милостью! Через пару лет всё уляжется, и можно будет вернуться в Европу, богатыми и солидными людьми! — на удивление всегда флегматичный Ален активно включился в обсуждение.

— Если мне позволено будет сказать — подключился к разговору Идум — то я бы посоветовал вам господин всё же принять предложение магистра. Богоугодное ведь дело! С вашей удачей и божией милостью, мы справимся!

— Тенедос мы возможно и сможем захватить, если использовать фактор внезапности. Только вот турки не дураки Идум, они выбьют нас оттуда быстро! Даже мальтийцы и венецианцы, объединив свои силы, не смогли там долго протянуть, и не смогли помешать османам захватить Крит. Там не стабильные ветра, часто штиль, а у турок множество галер. Как только случится безветренная погода, они нас в тонкий блин раскатают — выслушав всех, я начал говорить сам — я тебя понимаю Идум, это греческий остров и грекам воевать за него не впервой. Только вот скажи мне, долго ли мы сможем продержаться? В эту

экспедицию придётся вложить всё, до последнего гроша! Людей надо кормить, корабли оснащать и ремонтировать, нужен порох, нужно оружие, и самое главное, нам негде будет взять резервы! Год мы не продержимся, а если и продержимся, то от нашей компании останется только жалкая тень. В Чёрном море нам пока делать нечего, вот если бы русские войска начали свою компанию по захвату Азова, тогда можно было бы и попытаться. Прорыв через проливы возможен, только вот при прорыве нам напротив каждой крепости придётся оставлять заслон из одного корабля! Мальтийцы посчитали, что чтобы дойти до моря, потребуется флот не менее чем в сорок вымпелов, и выйдут в море далеко не все. По их подсчётам не меньше десяти кораблей линии, которые пойдут передовыми, погибнут, а остальные получать различные повреждения. А теперь подумай, стоит ли оно того!

— Сколько у нас есть времени Витя! — подошёл ко мне Гришка.

— Я выторговал у магистра всего месяц на подготовку. В августе нас уже не должно быть на Мальте — вздохнул я. Разговор с Карафой вышел тяжёлым, мы торговались за каждый день. Магистр был не поклонен. Месяц и не больше!

— Клипера не успеют доделать... — подал голос Дайон — разве что только корпуса, ведь они уже почти готовы. На рангоут и такелаж ещё месяц потребуется, и это если работать день и ночь.

— Да, клипера — это проблема — согласился я — но с другой стороны, к Григорию и вам у магистра нет вопросов, по сути только мне и Сидору надо уходить. Надо обдумать, может кому-то придётся остаться и дожидаться окончания работ.

— Уйдём вместе! — сказал, как отрезал Гришка — хрен с ними с клиперами! Продадим нахер, я даже знаю кому их пихнуть! Нельзя нам разделяться! Да и наделали мы там глупостей в проекте, сам же знаешь. Заложим новые, в другом месте, уже умнее будем!

— Это не дело Гриша. Корабли я не оставлю. Значить так, я пока думаю, чего будем делать, но вы все готовьтесь к выходу. В любом случае, что так, что иначе, через месяц мы покидаем Мальту! Дайон, найми ещё плотников, делай что хочешь, но к выходу на клиперах должно стоять хотя бы по одной мачте, способной нести паруса! Сидор, твоя задача собрать всех русских на острове и сагитировать их идти с нами. Деватся им тут некуда, а мы готовы их взять всех. Теперь у нас будет отряд греков, русских и европейцев. На подобии ордена, я ввожу обержи! Ты Сидор возглавишь русских, Идум греков, а Алан будет старшим над всеми остальными. Дайон остаётся моим заместителем по хозяйственным вопросам, Гриша ясное дело будет моим первым заместителем. Провести инвентаризацию кораблей и имущества. Лишние корабли, которые нам не подходят и не выдержат дальний переход — продать! Ну или поменять. Хорошо бы выкупить те фрегаты, что нанял Гришка, они все в отличном состоянии. На оставшиеся корабли представить мне кандидатов в капитаны и офицеры. Сидор, отдельно займись формированием абордажных отрядов, что бы на каждом корабле был полноценный и готовый к бою отряд! Ты знаешь, что делать, мы это уже проходили. Пока разделимся на три эскадры по десять кораблей, больше нам пока не надо. Десять греческих, десять русских и десять европейских. Учтите, это просто название, для удобства управления, я его выбрал по принадлежности командиров! Формирование команд, должно

быть по профессиональным признакам, а не по национальности и вероисповеданию! Тех же греков и русских у нас не так много. Снарядите «Матильду», пусть смотается к месту нашего боя и обследует остров, там должны быть выжившие, мы своих не бросаем, так что их надо вернуть! За работу! Гришка, останься, поговорить надо наедине.

Офицеры разошлись, и мы остались с Гришкой вдвоём. Несмотря на то, что тот же Дайон был уже со мной два года, доверять полностью я мог только своему другу. Бывший мелкий уголовник, боцман моего первого китобойца и мой боевой товарищ, который за годы войны дослужился до командира крейсера, понимал меня всегда с полуслова. Друг за друга мы были готовы идти в огонь и воду.

— В Россию пойдём? — Гришка налил себе вина и уселся рядом — к родным берегам, в Архангельск?

— Тоже об этом думал — признался я другу — только вот Пётр ещё не полноправный царь. Минимум лет пять-семь нам там делать нечего. Корабли просто сгниют в Архангельском порту, сейчас Россия на море ни с кем не воюет. Чего мы там делать будем? Рыбу ловить, бить моржей или торговлей заниматься?

— Тогда что? Ты Витя хвостом не крути, я тебе не портовая прощмандовка! Говори, чего задумал. Ты же знаешь командир, я всегда за тобой пойду! Мне на Мальте тоже не нравится. Тепло конечно тут, море спокойное и бабы жаркие, но не то это! Я по снегу скучаю, по бане! Да ещё и эти церковники! От них одни проблемы! Я атеист, ты знаешь, а тут стою каждое воскресенье в соборе на молебне, как сектант какой-то! Задрало всё! Может во Владик двинем?

— Так нету Владивостока ещё. Практически не освоенные территории — вздохнул я — надо отсидеться Гриша. И потому предлагаю идти в Америку. Сейчас Аляска свободна. Она ничья. Нам нужна река Юкон и Клондайк. В притоках этих рек полно золота. Там есть пушнина, в море есть киты, заложим городок и тихо и мирно будем мыть золото и готовится. Тот район мы с тобой хорошо знаем, дело привычное и без добычи мы не останемся. Если всё выйдет нормально с клиперами, то связь с материковой Европой и Азией у нас будет хорошая и относительно быстрая. Юкон в Берингово море впадает, хотя сейчас оно называется вроде или Камчатским, или Бобровым. Будет морем Жохова теперь. Бухт там много, и они вполне способны принимать корабли с большой осадкой. Леса там хоть завались! Поживём спокойно, мускулы наростим. Лет через десять посмотрим. Может быть отправимся к Петру, и предложим присоединить Аляску к России. Я уверен, он с радостью согласится. Ему нужно золото так же, как и всем. От Аляски до Камчатки и Сахалина рукой подать. Нам вся эта возня в Европе не нужна. Эти религиозные войны будут тут идти непрерывно почти пару столетий и, если мы продолжим в том же духе, что и сейчас, сложим голову как нефиг делать. Уже по краю ходим! Меня в покое не оставят, сам знаешь. Вчера в порт пришёл корабль из Неаполя, с паломниками! Они приплыли получить моё благословение! Ты представляешь себе! Церковники долго ждать не будут, как бы скоро мне на костре не оказаться! Но этим можно и воспользоваться! Нет худа без добра! Эти фанатики пойдут за мной куда угодно, с поселенцами у нас не будет проблем!

— Нам не только бойцы понадобятся — задумался Гриша — нужны кузнецы, плотники, крестьяне, геодезисты нужны, рудокопы. Бабы нужны в конце концов! Такая толпа мужиков!

— С этих проблем не будет. Возьмём с собой бывших полонянок. Они никому не нужны, Дайон уже волком воет, из-за того, что я приказал их разместить и кормить. Да и не пустые там земли, там есть индейские племена. Пушнину и золото можно на первых порах выменивать у индейцев. Я много думал, и другого выхода не вижу. Идти к примеру, в Калифорнию не вариант. Слишком далеко от России, слишком на неё много желающих. Нас оттуда выбьют! А вот Аляска и так была русской, только когда её продавали, не знали, что там есть хоть что-то кроме леса и зверей. А мы с тобой точно знаем, что там есть золото! Знание сила Гриша, а мы с тобой тупые недоумки, которые в школе нихера не учили! Сколько голову себе ни ломал, не смог вспомнить другие места, где можно золото-бриллианты нарыть! Помню, что их много в Южной Африке, так и она сама большая! Где искать? А там уже осели голландцы, хер подвинешь! Если бы не Джек Лондон, я бы и про Клондайк не знал! Хорошо книжки в детстве мне бабушка читала.

— Это ты Витя тупой, а я кое-что помню — усмехнулся Гриша — знаю к примеру, где уголь есть рядом с Владивостоком, знаю где вольфрамовые шахты были! Я там батрачил, когда срок мотал!

— Уголь — это хорошо — одобрительно покачал я головой — а вольфрам сейчас без надобности. Но на карту нанесём. Я тоже помню, где на Камчатке серу добывали, рудовозы нас иногда попутно углём снабжали, когда я на Алеуте работал. Можно будет пороховой заводик заложить!

— Да дохрена нам будет надо! Всего и много! — заржал Гриша, настроение его стремительно ползло вверх — только если мы золото покажем, нас и оттуда выбьют!

— Торговать пока будем мехами и китовым жиром. Ты прав, золото сразу светить нельзя. На крайний случай рядом есть Китай, и купить там тоже много чего можно. Для начала золото можно и там сбывать. Да и не выбьет нас оттуда никто! Мы с тобой военные моряки, или погулять вышли! Ну снарядят англичане к примеру, туда пять-десять кораблей, мы что, с ними справится не сможем? У нас уже тридцать парусников и каждый вооружён! Поставим форты, установим в них пушки, мы успеем обустроится и закрепится, до того, как нас за жабры возьмут!

— Всё ты хорошо придумал Витя, одного только не учёл. Мы выйдем в августе, и пилить нам до Аляски несколько месяцев. Сам знаешь, чего зимой в наших краях творится. В тех краях летом-то не жаркое, а зимой минус тридцать средняя температура. Дойти то может быть мы и дойдём, а как зиму зимовать? — задумался Гриша — нам бы в марте или апреле выйти.

— Выхода у нас нет дружище, разве что ты готов смотреть, как меня любимого будут на дыбу вздёргивать всякие нехорошие дяди в чёрном. Я знаешь ли и так гибкий и мне такие гимнастические упражнения в хер не упёрлись! Хотя ты то конечно зрителем будешь, тебе то что мудаку! Выходить надо именно через месяц, зиму нам тут не протянуть. Я тоже об этом думал. Пойдём через мыс Горн, там же, в Южной Америке, можно будет и

перезимовать. По пути нужно будет раздобыть собак, нужно будет запастись тёплой одеждой и обувью, скот купить, да много чего! По-хорошему бы снарядить корабль в Архангельск или на Балтику, и всем этим у наших или карелов закупится. Можно будет заглянуть в английские колонии и выкупить семьи наших ирландцев, если там остался ещё хоть кто-то в живых... Это тоже надо обдумать. Пока другого выхода я не вижу.

— Да понимаю я всё Витя! — усмехнулся мой друг — план хорош. А чего наши морячки? Не взбунтуются? Всё же в жопу мира всех потащим?

— За хорошие деньги все согласятся. А деньги у нас пока есть. А там обживутся, семьями обростут, нормально всё будет. Тут главное командиров замотивировать. Золото любят все! — я был уверен в Алане на сто процентов, он сам хочет в колонию в Новый свет, правда туда где куда как теплее. Сидору деваться некуда, а у греков родины сейчас нет, если только они не хотят жить под османами. Учитывая, что они были в моей команде, а сами бывшие рабы, которые подняли восстание, жизни для них там точно не будет.

— Было бы только это золото там... — протянул Гриша — мы ведь знаем только примерно, где оно есть.

— Будет золото! В самой реке Юконе его точно нет, и это даже хорошо, а вот в притоках... Из Юкона мы пройдем на Клондайк, и там его сейчас валом! Снарядим несколько групп, и найдём! Я уверен. Если с индейцами воевать не будем, они нам помогут. В нашей истории индейцы Аляски как то же жили по соседству с английскими и французскими колонистами, пока их в резервации не загнали. Чем мы хуже американцев? Начинай тихонько искать среди паломников и бывших рабов нужных нам людей Гриша, но пока ничего никому не говорим. Уже в море всех в курс поставим. Сейчас все должны думать, что я принял предложение магистра. Мы никому не можем доверять, иначе нам просто не дадут уйти без боя и потерь. Всё что мы успели заработать на Мальте, я не хочу оставлять. И я даже старых портянок им не оставлю! Не за то мы жизнью рисковали, что бы какие-то мудилы в рясах у нас всё это отобрали!

Подготовка к походу началась с новой силой. Теперь уже я точно знал, чего нам надо. Мы уходили с солнечных берегов Мальты на холодный Север. Привычные для меня и Гриши места, точно не понравятся теплолюбивым жителям средиземноморья. Для большинства членов команды моих кораблей сюрприз будет неприятным. Но все они авантюристы до мозга костей, иначе не подались бы в корсары. Рисковать жизнью — это их работа, у большинства нет семей. Жажда приключений и наживы, должны пересилить страх и неудобства жизни на севере.

Глава 14

Месяц пролетел как один день, я даже не заметил его. Времени ни на что не хватало, мы всем офицерским составом крутились как белка в колесе. То одни, то другие проблемы сыпались на мою голову как из рога изобилия. Единственной хорошей новостью в эти дни было только возвращение «Матильды», которая привезла на Мальту троих моих моряков, каким-то чудом сумевших уцелеть во время боя и спастись на пустынном островке возле

берегов Сицилии. Все они во время битвы оказались в воде и вплавь добрались до спасительной суши. Первоначально на острове их было больше, около десяти человек, только вот остров стал спасением не только для моряков «Шторма», но и для мавров, с разбитых и сгоревших кораблей. Бой продолжился на острове. Вооруженные только ножами и камнями, спасённые сцепились в дикой, первобытной схватке, стараясь доделать то, что не удалось во время абордажей. Семеро моряков «Шторма» на вечно остались среди скал этого безымянного островка. Но самым главным чудом для меня было то, что среди этих троих выживших счастливец оказался и Ван.

Изрядно похудевший и осунувшийся, покрытый рубцами от недавно полученных ран, голландец тем не менее был относительно в хорошем состоянии.

— Хватит с меня господин Виктор, я хочу жить мирно — произошедшее сильно отразилось на Ване, он больше не желал зарабатывать войной — денег благодаря вам я скопил прилично, так что вернусь в Голландию.

— Ну хорошо Ван, силой удерживать я тебя не буду, хотя не скрою, твой уход лично меня сильно расстроил — я говорил совершенно искренне, к голландцу я привязался, он был отличным моряком, и я многому у него научился в управлении парусными судами — но ты же не будешь сидеть на берегу и нянчить внуков? Чем ты планируешь заниматься?

— Займусь торговлей, мне хватит денег, что бы купить небольшую шхуну — поделился планами Ван — буду возить пеньку из России, или может быть вложусь в ферму брата, он давно хотел построить мельницу.

— Мельницу говоришь... — я задумался. Терять такого сотрудника не хотелось — а если я предложу тебе возможность поработать на меня, но как мирному купцу? Честно скажу, мне бы твоя помощь не помешала. Ты сможешь заработать приличные деньги, и при этом от тебя не потребуется больше воевать.

— Что вы предлагаете? — Ван заинтересованно посмотрел на меня.

— У меня есть две проблемы, которые нужно решить. Одна срочная, а другая может и подождать, но тоже требует решения. В начале августа мы уходим с Мальты. На верфях сейчас доделывают корпуса и экстренно ставят мачты на клиперах. Выйти в море они смогут, но вот до готовности им будет ещё далеко. Мне нужно, что бы ты перегнал их во Францию и достроил по проекту. Это первое. Вторая задача посложнее, но и прибыльнее. Я собираюсь основать свою колонию в Новом Свете. Для переселенцев понадобятся множество вещей, которых на Мальте и в прибрежных странах попросту не найти. Ты говорил про Архангельск? Это хорошо! То что мне надо, хотя и не всё, в России точно есть, часть надо будет докупить и в Голландии! За время достройки клиперов ты сходишь туда и закупишь для меня всё, что мне нужно, а потом загрузив свои корабли и клипера моими товарами, перегонишь их мне. Но это задача разовая, сотрудничество же у нас может быть долгим. Колонию потребуется ежегодное снабжение, а также люди. Ты будешь моим представителем, торговым партнёром. Колония займётся добычей кости, жира и уса китов, пушнины, возможно и ряд других товаров будет поставлять, это всё ты будешь продавать от

моего имени. Работать будем как полноценные партнёры, по распределению прибыли договоримся. Я вложусь в дело по полной. Дам тебе корабли и первоначальный капитал, ты же будешь управлять всем этим, ибо мне некогда. Что скажешь Ван?

— Скажу, что вы меня сильно заинтересовали господин Виктор! — впервые с возвращения голландец улыбнулся — давайте обсудим детали!

С Ваном мы договорились, как в прочем и с Гомесом. Я посчитал нецелесообразным складывать все яйца в одну корзину. Две торговых компании, которые будут работать на меня, это даже мало, но со временем я надеялся на расширение бизнеса. Нам бы только закрепится, успеть обосноваться и хоть немного покоя. После почти месяца раздумий и совещаний, мы решили дождаться возвращения наших торговцев на Карибах, после чего продолжить свой путь. В Южном полушарии лето как раз выпадает на декабрь-февраль, так что задержки быть не должно, до северного лета нам предстояло дойти до Северной Америки.

Всё было готово к выходу. Корабли забиты припасами под завязку. Мои награбленные в Алжире богатства стремительно таяли. Ранее запланированные траты и расходы оказались выше ожидаемых. Гомес и Ван уже ушли из порта, увозя из Мальты недостроенные клипера, и увозя с собой значительную часть моих денег и огромный список товаров, которые им предстояло для меня закупить. Для Вана пришлось купить два галеона и передать ему трофейный, Гомес будет работать на своих кораблях. Команды набраны, я продал свою виллу, и даже смог поднять часть пушек, с место последнего боя «Шторма». А тем временем на Мальте творилось что-то невероятное, я бы даже сказал — безумное.

Корабли паломников приходили в гавань едва ли не каждый день. Отличить их было легко, каждый из них нёс на своей корме мой флаг. Город заполнился религиозными фанатиками. Где бы я не появлялся, меня встречали толпы людей. Последние недели я передвигался по городу только в случае крайней необходимости и под охраной абордажной команды одного из кораблей. С каждым днём обстановка накалялась всё сильнее.

— Плохие новости господин Виктор — в один из дней меня посетил знакомый корсар. Звали капитана Фильером и он, как и я, был на острове «приблудным». Фильер был португальским рыбаком и когда-то ему не посчастливилось попасть на пиратскую галеру, но в его случае это несчастье помогло простому рыбаку подняться довольно высоко. После очередного неудачного боя с мальтийцами, галера пиратов лишилась больше половины своей команды, и гребцам удалось её захватить. Так португалец и стал капитаном. Нас познакомил Алан, который быстро сошёлся с земляком. Фильер неоднократно участвовал совместно со мной в походах и относился ко мне как к другу. Именно ему я продал свою виллу, с условием, что буду проживать в ней, до самого отхода.

— Чего там опять дружище? Ещё одна лоханка с паломниками потонула, не доходя до берега? Или ещё хуже? Дошла? — измотанный после тяжёлого дня я сидел на веранде виллы и пил вино, пытаюсь хоть немного расслабиться.

— Ха! Не всё так плохо дружище, хотя, как посмотреть. В порт сегодня, буквально недавно

пришёл только один корабль, и на нём не было паломников. Зато было полно священников. Ходят слухи, что прибыла специальная комиссия из Рима, во главе с каким-то епископом! С ними пришёл и довольно большой отряд кирасир. Не задерживаясь и минуты в порту, они направились напрямик в резиденцию магистра. На всех углах говорят, что суд по твоему делу теперь будут вести они — поделился Фильер — я к чему тебе это говорю. Ночевал бы ты сегодня на кораблях Виктор. Как любит говорить твой брат: «береженного, бог бережёт!».

— А не бережённого конвой стережёт... — закончил я поговорку, от былой расслабленности не осталось и следа. Я быстро поднялся, до прояснения обстановки действительно лучше переночевать на корабле — точно, чего это я! У меня же как раз на Гришкином фрегате кошка не кормлена! Ты это, топай домой Фильер, завтра можешь начинать переезжать, я освобождаю квартиру.

Корсар ушёл, а я, поднял по тревоге своих телохранителей, которые состояли попеременно из казаков и греков. Похоже Магистр переоценил свои силы. Если в дело вмешался Рим, все наши договорённости могут пойти тому самому коту под хвост. Пока мужики снаряжались, в порт умчались мои слуги, они должны были предупредить Гришу о том, что возможно нам придётся поспешно уходить уже ночью.

Пол часа от силы нам потребовалось на сборы, но мы не успели. Множество людей с факелами появилось на прилегающей к вилле улице. Мой дом окружали вооруженные бойцы.

— Кого там черти принесли? Ночь на дворе! — на настойчивый стук в запертую дверь я ответил только через пару минут. Весь отряд абордажников, состоящий сплошь из православных, собрался в гостиной за моей спиной. Нас всего двадцать человек, но мы вооружены до зубов — приличные люди в такое время дома спят, возле тёплой сиськи жены! Пошли вон!

— Откройте! Именем святой католической церкви, еретик Виктор Жохов арестован и предстанет перед священным трибуналом! — за дверью послышался торжественный голос какого-то старикашки. Явно монах или священник!

— Иди ты! — деланно удивился я. Мне нужно было потянуть время, мужики за моей спиной спешно заряжали мушкеты и пистолеты — прям еретик, и прям арестован? Ты ничего не напутал поп? Я вообще-то не католик, пошли вы нахер со своим священным трибуналом!

— Открывай или мы выломаем дверь! У нас есть приказ, подписанный Папой! — а это уже точно вояка. Густым басом прокричал, перебивая визг старика. Голос привык отдавать приказы и явно принадлежит мужчине в самом расцвете сил.

— Папка вернулся! Где ты всё это время шлялся! Мама тебя как за хлебом отправила двадцать лет назад, так тебя и след простыл! Нету у меня больше отца, я безотцовщина! И на долю в квартире с алиментами даже не рассчитывай! — проорал я, и повернувшись к своим морякам спросил тихим шёпотом — Готовы?

— Готовы! — отряд возглавлял казак Антон Подкова, один из тех, что бились когда-то с Гришей и Сидором на гребной палубе галеаса Али — командуй боярин!

— Начали! — я не слушал больше чего мне кричали из-за двери, а рывком распахнул её, и резко подался в сторону.

Грянул залп, гостиную заволокло дымом, а я уже с саблей в руках и пистолетом выскочил наружу. Пары секунд мне хватило, чтобы оценить обстановку. Эти люди не из ордена. Бойцов около тридцати и пятеро святош. На вояках полосатые красно-сине-жёлтые камзолы и подхваченные под коленями брюки-плюдэрхозен, на головах морионы, на груди у каждого кираса с наплечниками, у каждого алебарда и шпага. Это швейцарская гвардия Папы! Серьёзные бойцы. Возле двери лежало четверо человек, которые схлопотали полновесный залп от моих бойцов, трое гвардейцев и человек в чёрном одеянии монаха.

— Вперёд! — казаки и греки вывалились на простор улицы, а я по очереди, каждым из своих пистолетов, выстрелил в ближайших алебардистов, стоящих у меня на пути. Гвардейцы явно не ожидали такого подвоха, да и их командир судя по всему пал в самом начале боя.

На ночной улице закипела жаркая схватка. Гвардейцы были защищены лучше и их было больше, но на стороне моих бойцов был опыт многочисленных абордажных схваток. Через десять минут всё было кончено, двенадцать оставшихся на ногах абордажного, по давней привычке дорезали раненых и обирали трупы.

— Всех наших раненых и убитых на руки! — прервал я мародёрство — бегом мужики, нужно прорываться на корабли!

Как только начался бой, надо отдать должное гвардейцам, никто из них не побежал, а вот монахи успели смазать пятки. Скоро в городе поднимется кипеж, и потому мой отряд несся по улицам Мальтийского городка как угорелый. До порта мы проскочили без проблем, а вот в порту, застали нездоровое движение. Около сотни мальтийских солдат спешно грузились в лодки, которые стояли возле причала. Не разбирая где и чья, в ход у них шло всё, от рыбацких баркасов, до шлюпок с корсарских кораблей. Часть солдат уже успела загрузиться и выгребала по направлению к цели — к моим кораблям!

— Огонь! — я даже не думал. Если гонцы успели, Гриша сейчас готовится к бою, а если их успели перехватить, то наших нужно предупредить об опасности. Но в любом случае, боя не избежать, и отсиживаться на берегу под каким ни будь забором, когда мои друзья воюют по сути из-за меня, я не стану — Палундра!

Залп из тринадцати мушкетов опрокинул крайнюю группу солдат в воду, прямо в шлюпку, на которую они собирались грузиться.

— Прорываемся к лодке! — я бросился вперёд, даже не оборачиваясь. Короткое столкновение, и все мои телохранители прямо с ходу прыгают в лодку выбрасывая из ней трупы неудачников, а в это время по причалу, в нашу сторону уже несутся опомнившиеся бойцы ордена — быстрее!

Мы отчалили в последний момент, ещё бы немного и нам не уйти. Однако радовались мы рано. На корме причала, по команде какого-то офицера быстро выстраивалась короткая шеренга, вскидывая к плечам мушкеты. Этот залп будет почти в упор!

— Ложись! — кричу я, и падаю на дно шлюпки. Сейчас будет больно!

Тишину бухты разорвали выстрелы орудий. По нашей лодке застучали картечины, кто-то вскрикнул, с моей головы снесло треуголку. Приподняв голову над бортом, я с удивлением увидел, что вместо стройной шеренги мальтийских солдат, на пирсе валяется окровавленная гора трупов. Стреляли со стороны моря, и стрелял один из моих кораблей! Шлюпки и баркасы с группами захвата спешно поворачивали к берегу. Это кто там такой снайпер! Чуть нас не завалили! Но рефлексировать было некогда, я схватился за ближайшее весло.

— Навались мужики! Ходу! — но никого уже подгонять было не нужно. Все способные управляться с веслами телохранители и так уже гребли изо всех сил.

Лодка понеслась по ночной гавани к фрегату Гришки, именно он открыл огонь, спасая нас от неминуемой смерти.

— Чего бляха муха опять происходит! Ты даже к шлюхам без приключений не можешь сходить! Витя, твою мать, да когда же это уже закончится! — Гриша как всегда доброжелательно приветствовал меня на борту своего фрегата.

— Бабы попались некрасивые братан! Хотели моего невинного тела, аж деньги брать не хотели. Ели отбились как видишь! — отдышался я от быстрого бега и гребли — Все наши на борту?

— Кроме тебя все были вроде. Мы же продали казармы к чертям собачим. Так чего случилось то? — Гришка не отрываясь смотрел, как из захваченной нами шлюпки на борт поднимают убитых и раненых.

— Потом! Выходим в море, все! Немедленно! Сейчас нас тут убивать будут! — выдал я распоряжение — Бегом мать вашу!

— Твою дивизию! — выдохнул Гриша — ну чего встали! Сказано было бегом!

Береговые батареи фортов Мальтийской столицы открыли огонь с запозданием. Мы уже успели сняться с якорей. Такая масса кораблей, готовых к походу, на внутреннем рейде порта не помещалась, все они стояли на внешнем рейде, в порту был только флагманский фрегат, и потому мы легко отделались. Всего несколько ядер, без особого вреда для нас, попали в корму спешно удирающего корабля под Андреевским флагом. Мальта, почти два года бывшая нашим домом, провожала нас грандиозным салютом. Не удалось нам уйти потихому. Зато и обманывать теперь никого не надо, к Дарданеллам мы точно не пойдём. Теплое и такое опасное Средиземное море мы покидаем навсегда.

— А знаешь, что Гриша? — я стоял на полуюте фрегата и зло смотрел на плюющийся

ядрами и огнём берег.

— Чего? — Гриша был не многословен.

— Надо бы попрощаться! Мы же не англичане какие! Пусть запомнят Витю Жохова! На долгую память так сказать подарочек выдать надо! — повернулся я к другу.

— А и правда, не по-русски как-то выходит — рассмеялся мой друг — орудия правого борта, заряжай! Предать семафором на корабли флотилии: «Всем перестраиваться в линию, залп правым бортом по крепости, после флагмана!».

Тридцать кораблей русского флота, развернув знамёна, выстроились в линию. Залп корабельных орудий скрыл их от посторонних глаз, а когда дым рассеялся, флотилия растаяла в ночи, как будто её и не было. Только пожары и разрушения на берегу, оставил после себя преданные рыцарями корсары. Надеюсь для них это будет хорошим уроком!

Глава 15

Переход прошёл без особых происшествий. Никто не гнался за нами, чтобы покарать еретика Жохова, никто не встал на пути огромной флотилии кораблей, с целью ограбить или захватить рабов. Спокойное и размеренное плавание, тренировка перед длинным переходом. Я сбился с ног, гоня посыльные корабли, чтобы идти единой группой, подгоняя отстающих и притормаживая ушедших вперёд. Мы учились перестраиваться, учились общаться семафором и флагами, в общем с пользой проводили время. Во время нашего перехода, я уверен в этом почти на сто процентов, все пиратские флотилии ушли в свои порты, а Марокко и Тунис готовились к осаде и молились, что бы Жохов прошёл мимо них. Море было пустынно, редкие корабли, завидев огромный флот под Андреевским флагом спешили уйти с нашего пути на всех своих парусах и вёслах. Это уже инстинкт, вбитый в моряков Средиземного моря годами. Пусть даже флот и дружеский, но иногда тут прилетает от друзей больше, чем от врагов. Пройдя Гибралтарский пролив, я повернул флотилию к берегам Африки, у нас оставалось ещё одно незаконченное дело.

Наш форт в Гвинейском заливе процветал. Когда-то оставленные там на время раненные и покалеченные моряки обжились и вполне комфортно себя чувствовали на африканском побережье. Вся моя эскадра сейчас стояла в огромной лагуне. Мы сделали приличный крюк, перед походом на Карибы, чтобы забрать моих людей, имущество форта и собранные ими за время нашего отсутствия товары. В Африку теперь мы попадём не скоро, а бросать форт на произвол судьбы мне не хотелось, я чувствовал ответственность за своих людей.

За два года работы, африканское поселение принесло мне значительный доход, а обстановка в этом месте разительно поменялась. Племена работорговцев отступили от побережья в глубь материка, так как с моей поддержкой, их бывшая добыча быстро превратилась в хорошо вооруженные и организованные отряды непримиримых бойцов со своими угнетателями. И центром сопротивления стал форт. Десять отпущенных мною чернокожих рабов, успевших научиться обращению с огнестрельным оружием и пользующиеся помощью белых переселенцев, довольно скоро сами обучили своих соплеменников этому не хитрому

делу. Мне оставалась только снабжать их мушкетами и порохом, в обмен на всю ту же слоновую кость, которую теперь местным стало добывать куда как легче. Всё же охотится на слонов проще с мощным ружьём, чем с копьями и отравленными стрелами. С лишним огнестрелом у меня проблем не было никогда, весь захваченный у пиратов неликвид шёл как раз на побережье Гвинейского залива, насыщая регион смертоносным товаром и превращая его в самое опасное и милитаризованное место после марокканского побережья.

Сейчас форт разросся в посёлок, земляные укрепления были усилены, появились новые огневые точки и рвы. Постепенно форт превращался в настоящую крепость. Торговая точка, где можно было безопасно обменять у белых людей нужные товары на слоновую кость и меха, и где стопроцентно гарантировалась защита всем чернокожим от захвата в рабство, становилась оживлённым местом. Слухи быстро расползлись в окрестностях и теперь тут функционирует импровизированный рынок, вокруг которого стремительно разрастался посёлок.

За время существования форта, от болезней и ран скончалось трое его первых обитателей, что подстегнуло оставшихся искать замену выбывшим бойцам. Бывшие рабы помогли и с этим. Подростки из местных племён, чьи родители или погибли, или были угнаны в рабство, были отданы старейшинами на обучение и службу бледнолицым. Очень скоро смышлёные парни выучили и язык белых людей, и все тонкости гарнизонной службы. В итоге теперь бывшие моряки осуществляли только административные и командные функции, а население посёлка насчитывало более двухсот человек. Теперь даже канониры в форте у меня были черными, не говоря уже об отрядах самообороны. Увиденное поразило моих европейцев до глубины души, и Алан и тот же Дайон, никак не могли поверить в то, что чернокожие мальчишки за два года сумели освоить солдатскую службу не хуже белых людей. Впрочем, для меня и Гришки ничего удивительного не было в данной ситуации. Каждый кто служил в армии знает, что за два года службы, даже из обезьяны и студента с высшим образованием, можно сделать нормального человека, и научить красиво красить траву в зелёный цвет, застилать кровать без единой складочки и ровными квадратами складывать сугробы вокруг плаца, даже если снега и нет вовсе. Армия — это школа, где нет отстающих. Тут ты или научишься всему, что хотят от тебя отцы-командиры, или тебя заставят научиться, третьего не дано.

— Если вы не против, то мы останемся в форте господин Виктор — сейчас я беседовал с одноногим канониром, который был бессменным комендантом небольшой крепости — столько трудились, чтобы это всё создать, а теперь просто бросить? Две осады племён манде мы выдержали, отогнали разбойников и только жить начали. Сейчас тут спокойно. У меня почти рота мушкетёров из негров создана. Сантьяго наш, бывший капрал французской армии, он из них, сами видели, сделал почти настоящих солдат! Одень их в форму, и отличить будет сложно! Если вы сами уходите на долго, то может кто-то из ваших людей сможет к нам заходить за товаром? В крайнем случае мы построим баркас и сами будем возить кость на материк. Оставьте нам запасной такелаж и паруса, а кораблик мы справим! Нас только четверо осталось, и честно сказать уже у каждого по паре ребятишек народилось. Понятно, что с собой их нам не забрать. Не все так же как вы к черным и метисам относитесь. Чего их ждёт в колониях? На плантации тростник рубить? Жалко, всё же родная кровь.

Покрестить бы их только надо... А мы тут ваши интересы блюсти будем! Деньги все честь по чести вам переправим, как оказия будет! Богом клянусь!

— Дела... — протянул я. Мы закладывали крюк только из-за этих четверых парней! Ну не только из-за них конечно, в форте накопилось изрядно кости, которую тоже я был не готов просто так бросить.

Честно говоря, заманчивое предложение. Мне бросать форт тоже было жалко. Одноногий канонир оказался незаурядным организатором и дипломатом. Я сейчас с удивлением замечал, как уважительно к нему относятся аборигены, каждое его слово они ловили просто на лету. Непререкаемый авторитет у мужика тут, он чертовски крепкий управленец. Нашёл своё призвание человек. И сила тут по местным реалиям сложилась большая. Некоторые европейские колонии, всего по паре десятков человек имели и то, гордо именовали свои деревни городами. Здесь же несколько сотен лояльных дикарей, за защиту и стабильную жизнь готовые тяжело трудятся.

— Вы не подумайте плохого, если прикажете, то мы конечно пойдём с вами. Только вот чего с фортом делать? Детишки опять же... — давит на жалось комендант.

— Оставайтесь! — принял я решение — в следующем году к вам зайдёт мой человек, Гомес его зовут. Передадите ему кость и примите товары для нужд форта и обмена. Думается мне, что и людишек я вам смогу подкинуть. На кораблях полно переселенцев, я уверен, что кто-то захочет осесть и тут. Наверняка даже многие, скоро я расскажу им, куда мы путь держим, так что желающие точно найдутся. Найду я вам и монаха, у меня их там целая прорва. Правда они православные, из греков, но вам и такой сгодится. А нет! Есть ещё черные копты! Из Эфиопии! Эти, пожалуй, даже лучше будут, всё же чёрные. Этих всех отдам, и грека тоже! Корабль стройте, я распоряджусь выдать один комплект такелажа и парусины. Всю следующую выручку от продажи кости разрешаю потратить на обустройства форта, и купите ещё один корабль. Парочки будет достаточно пока. Сообщение со мной тоже будет через Гомес, или других купцов, с моими письмами к тебе. Вооружайся! Хорошо вооружайся и готовь бойцов. У меня тут некоторые разногласия с мальтийцами вышли, да и с Италией и Испанией тоже, Голландия ещё... Короче могут наведаться, гости незваные. Берегите себя. Ты помнишь, чему мы вас с Роджером учили? Вот! Тут главное соблюдать гигиену! За два года у вас трое померло, а через ещё два, ты один останешься, и тогда всё псу под хвост?

— Так это, понял я всё! Ромом руки протираем и брюхо изнутри! Воду кипятим, как вы и велели. Всё нормально будет господин Виктор! — обрадовался комендант — а людей подкинете, так совсем хорошо! Я обещаю, мы вас не подведём!

— Куда вы денетесь! — ромом они брюхо протирают... — организуй охотников, людям нужно свежее мясо. Много мяса! Задерживаться мы тут долго не будем, но припасы пополнить надо, поэтому у тебя много работы. Занимайтесь!

Решением оставить форт действовать, далось мне не легко. Всё же отправляем в автономное плавание, наш первый проект по зарабатыванию денег. Бизнес хороший, и слонов в Африке пока дохрена, жалко будет, если все наши начинания кто-то заберёт себе на халяву.

— Чемодан без ручки, по-другому не назовёшь — только Гришка, единственный из всех офицеров, мое решение оставить форт действовать не одобрил — их же разнесут к чертям собачим! Стоит нам уйти, нарисуются любители до чужого добра. Мы от сюда два года кости таскали, все знают, что это наша поляна. Нас боялись, а потому не рыпались. А благодаря тебе командир, «друзей» у нас, дофига и больше. Просто мужиков жалко.

— Так и скажи, что пушки не хочешь оставлять — хмыкнул я — а мужиков от сюда выковырять будет совсем не просто Гриша. Форт вход в лагуну, а значит и всю реку контролирует.

— А чего его там брать, форт этот? А то мы с тобой и покрепче орешки не раскалывали? Хочешь я тебе прямо сейчас на пальцах объясню, как запросто и без особых усилий этот прыщ скovyрнуть? И да, пушек тут дохрена остаётся, они бы намгодились, а так считай оставляем на чужого дядю!

— С суши десантом что ли? — рассмеялся я — так до форта ещё дойти надо. Местные аборигены стрелять не хуже абордажников Сидора уже умеют, и их просто дохрена. А ещё зверьё разное, и всё сплошь кусает, и жалит. Всё нормально будет, не бзди. Проценто пятьдесят даю, что форт ещё минимум года три протянет. Если за это время мы от сюда успеем снять такой же урожай, как и раньше, то считай уже отбили вложения десятикратно. Комендант наш дядька основательный, будут у него свои корабли, и глядишь скоро тут уже город встанет, причем с православным населением. А просрут всё, так сами виноваты!

— Придет флот на подобии нашего, и хоть раком упирайся, а сделать ничего у коменданта твоего не получится. Негры эти, ему не помогут, разбегутся по своим баобабам. Это наши могут рогом уберётся и стоять, аборигены же тут, потому что кормят вкусно. Тут уже никто виноват не будет, кроме тебя упырь! — упёрся Гриша.

— Запомни братан, в армии и на флоте командир виноватым быть не может по определению! Командир безгрешен, как агнец божий! А я ещё и святой! В армии виноват тот, кого командир назначит, пусть он и не виноват! Силком их что ли тащить на корабли? Проведём социальный эксперимент, может и выгребут — разозлился я — тебе что, делать нечего! Иди вон, Сидору мозг посношай, а то скоро тут будет полно черных не только по цвету кожи, но и по фамилии! Всех аборигенок уже облапал, Казанова хренов!

Почти две тысячи человек на кораблях. Огромная масса людей и все абсолютно разные, настоящий интернационал. Мы готовились месяц, но для такой экспедиции срок чертовски маленький, переход в Гвинейский залив выявил массу недочётов, а сейчас у нас последний шанс устранить повреждения кораблей и исправить ошибки, скоро выход в океан и длинный переход в Новый свет. Почти две недели кипела работа, берег лагуны возле форта сейчас напоминал растревоженный улей. Три корабля требовали ремонта корпуса и их вытащили на песок, несколько кораблей ремонтировали такелаж и рангоут, и все без исключения делали профилактику.

Моё решение основать колонию в Новом свете почти ни у кого возражений не вызвало. Люди шли за мной в надежде на новую, хорошую жизнь. Никто не знал, что их ждёт в

Америке, про Новый свет в Европе ходили самые разные слухи, однако большинство из них можно было отнести в разряд сказок. Новый свет представлялся людям как мифический Эльдорадо, свободные земли, где можно было быстро разбогатеть. Многомесячный морской переход, который переживут не все люди (да и корабли, чего уж душой кривить), воспринимался как неизбежное зло. На всё воля всевышнего! Кому суждено, тот и дома в положенное время ласты склеит! Корсары-авантюристы и потерявшие всё бывшие рабы с паломниками, составляющие абсолютное большинство будущих колонистов, верили в то, что их командир и вожак знает, что делает, а начальству оно всегда виднее, как и где лучше! Мой авторитет пока был непререкаем.

Около сорока человек всё же предпочли остаться в форте. Это были те несчастные, которым даже переход вдоль берегов Африки дался особенно тяжело. Есть люди, которым не суждено бороздить моря. Вестибулярный аппарат человека штука сложная, у некоторых он настроен один раз и на всю жизнь, и перестраиваться категорически не желает, качка для таких людей хуже пытки. Претерпев, по их мнению, жуткие мучения, теперь их разве что силой можно было загнать в раскачиваемые на морских волнах деревянные корабли. Оставляли в форте мы и всех заболевших. Выживут — хорошо, а нет — значить судьба. Оставлять их на кораблях, значило почти стопроцентно их потерять, в форте же шансы на выздоровление куда как больше.

Следующая промежуточная точка нашего назначения — Багамские острова. Сейчас они формально принадлежат Англии, но практически заброшены. Там мы будем ждать Вана и Гомеса. Выбраны Багамы был не случайно. Через Багамский архипелаг проходил морской путь из Европы в Карибское море. Сам архипелаг состоит из более чем шестисот островов, где можно было надёжно укрыться. Ну и главное, в самом Карибском море я ставить временную базу не хотел, сейчас там просто муравейник из флотов различных стран и пиратских эскадр. За время ожидания купцов, планировались только несколько выходов — к Барбадосу, Вирджинии и Ямайке. Учитывая, что все три места были довольно далеко друг от друга, а Багамы располагались как раз по середине, эта база была мне очень удобна. Свои обещания надо выполнять, и я намеривался разыскать и выкупить семьи моих ирландских бойцов, которые почти два года составляли чуть ли не основной костяк абордажных команд корсаров, ходивших под Андреевским флагом. Они жили надеждой и были мне преданы, а значит я должен хотя бы попытаться им помочь. Я даже трагится не буду, каждый из бойцов скопил сумму, которая с лихвой покроит стоимость выкупа, лишь бы были живы их родные...

Флотилия выходила в океан. Нам предстояла долгая и опасная дорога через Атлантику. Уже не однократно я проделывал этот путь, но тогда у меня были стальные, бронированные линкоры и крейсера с авианосцами, были корабли снабжения и танкеры, а сейчас только небольшие по современным меркам деревянные корабли. Атлантический — самый спокойный океан, но и в нём случаются жуткие и разрушительные шторма, против которых бессильны даже огромные пароходы. Не в самое удачное время мы идём к Америке, сейчас сезон штормов и ураганов, однако ждать до конца ноября, мы не можем. Ветер будет попутным и крепким, есть шансы, что мы успеем проскочить быстро и без проблем, но я бы на это не рассчитывал. Нам достанется на орехи, это совершенно точно. До берега доберутся

не все. Если нас раскидает по океану, и кто-то отобьётся от группы, добираться ему придётся самостоятельно, не рассчитывая на помощь товарищей. Мы готовы ко всему, и надеюсь всё же прорвёмся.

Глава 16

В открытом океане опасностей хватает, а в этом времени нет ни спутников, ни радио, тут нет служб спасения и авиации. Никто не придёт к вам на помощь, если случится беда. Рассчитывать можно только на свои силы, случай и помощь товарищей, если такие составляют вам компанию в дальнем приходе.

Для парусного корабля во время шторма опасен не ветер, а волна. Сам по себе шторм любой разумной силы не может причинить корпусу большого корабля никаких повреждений. Если капитан судна не тупой, если вовремя отдаст команду на смену парусов на штормовые и примет все разумные меры предосторожности, то пережить шторм в открытом море можно относительно безопасно. Ветер не дует во время шторма всё время с ураганной силой, страшны только порывы. Перевернуть корабль ветер тоже не может. Но разгоняемая ветром волна способна смыть с палубы все, что плохо закреплено, а также людей. Именно волна, причиняет основные повреждения корпусу и рангоуту во время шторма. Она может перевернуть корабль, из-за неправильного манёвра, потери управления и безграмотных действий команды. Волны до десяти метров в высоту опасны даже для океанских лайнеров двадцать первого века, не то что для деревянных кораблей века семнадцатого.

В действительно плохую погоду желательно конечно переждать непогоду в защищённой бухте, а ещё лучше в портовой таверне, попивая ром и вспоминая морские истории и случаи из жизни, но если вас шторм застал в море, то, чем дальше вы будете от берега, тем лучше для вас. Разбиться о камни куда проще, чем погибнуть на открытой воде. Вода всегда безопаснее, чем берег, и в этом плане открытый океан безопаснее даже чем небольшое море, вблизи обжитых берегов.

Но шторм не главная опасность океана. Океанские переходы — это очень скучно. Начало плавания, когда все на борту адаптируются к постоянной качке, к управлению и вахтам, ещё ничего, а вот когда начинается рутинная... Вот ты поймал пассат и встал на курс, идя с постоянной скоростью и вроде хорошо это, спокойно и стабильно, а на самом деле заняться то больше и нечем. Виды, которые открываются с борта корабля, закаты и рассветы, приедаются уже через пару дней. Я радовался погоде, и она держалась четырнадцать дней, но мне и большинству членов экипажей моих кораблей, и пассажирам на них, делать было действительно нечего, а оттого начались неприятности. Мелкие склоки и раздражение вскоре перерастали во вражду, вражда в драки и дуэли, а вскоре пришлось принимать решительные меры, чтобы сохранить дисциплину. Я не миндальничал и действовал жёстко. Особо отличившиеся нарушители дисциплины украсили собой реи нескольких кораблей. За две недели, было убито в драках и казнено шесть человек. Это привело в чувство остальных, а командиров кораблей заставило стряхнуть с себя оцепенение, и заняться поиском работы для команды.

Ремонт, постоянный и непрерывный, вот чем заняли мы команду. Абордажники не покидали

палубу, постоянно тренируясь, а когда всё же и им выпадала свободная минута, их тоже привлекали к ремонту. Благо (в этом случае да), что на парусном корабле всё время что-то надо ремонтировать. Совершенно ужасающие условия эксплуатации (тряска, соль, нагрузки, ультрафиолет), безумное множество деталей и частей, кривые руки команды — все это причины того, что на деревянном паруснике непрерывно что-то ремонтируют. А множество свободных рук открыли простор для фантазии командиров и офицеров. К тому времени как погода начала портиться, мои парусники были в настолько идеальном состоянии, на сколько это вообще возможно.

Относительно плотной группой мы шли до первого же шторма. Нет, и до этого часть кораблей пропало, растворившись в ночи, однако шли они правильным курсом, и я не беспокоился особо. Место сбора определено, и рассчитывать на то, что весь месяц пути мы проведём в одном строю, не приходилось. За четырнадцать дней таких «пропавших» было относительно немного. Некоторые нас потом догоняли, некоторых догоняли мы, и тем не менее с каждым днём всё больше кораблей уходило в самостоятельное плавание. Припасов и воды у них было достаточно, команды опытные, и ветра хватало, а значить большинство беспрепятственно доберётся до побережья Америки, если не случится ничего не предвиденного. Хорошо, что парусники не зависят от количества топлива на борту, паруса и ветер дают кораблю возможность движения по воде без ограничения по дальности. Чтобы пересечь океан на том же линкоре времен Второй мировой войны, необходимо иметь огромный запас топлива, который надо где-то хранить, а парусник, даже не большой, по факту может передвигаться по морям и океанам годами, лишь бы был здоров экипаж, исправно судно и хватило бы еды и воды. Так что особо я не переживал — до первого шторма...

Четырнадцать обманчиво спокойных дней сменились недельными штормами и плохой погодой как-то внезапно. Сезон перехода и близость зоны конвергенции сыграли с нами свою злую шутку. Две недели скуки, поменялись на две недели борьбы за выживание.

— Да мать вашу! Кто-нибудь поменяет эту грёбанную верёвку! — ору я, перекрикивая вой ветра в такелаже. Я только-что сменил измотанного рулевого, и сам стою на руле, едва удерживаясь на раскачивающейся и мокрой палубе.

— Это стаксель-шкот Витя — хохотнул Гриша, который стоял рядом со мной. Он никогда не унывает, даже несмотря на то, что пару раз мы уже были на краю гибели.

— И чё! Не верёвка что ли! — огрызнулся я. Устал как собака, да и все устали. Уже трое суток нас мотает как цветок в проруби. Сейчас сорвало очередной штормовой парус, и этот грёбанный стаксель-шкот так и норовит запутать остальной такелаж. Вообще не понимаю, чего все так за названия цепляются? Шкот, конец, верёвка, плыть, ходить — херя это всё! Тот же хрен, только в профиль! Причём опытные моряки, старые и матёрые морские волки относятся к этому настолько безразлично, насколько это вообще возможно, а вот те же матросы срочники, которые отслужили свой срок и больше моря никогда не видели, готовы чуть ли не в драку кидаться, доказывая, что правильно, а что нет. Таких примеров я мог привести множество, например, друг моего отца, торпедист-срочник на подводной лодке, которая никогда не покидала порт, считал себя суть ли не сыном Посейдона, который вправе

учить салаг жизни — какая нахер разница то сейчас! Ты чего мне мозг выносишь Гриша? Поменять ВЕРЁВКУ!

— Ну в принципе никакой разницы нет, верёвка так верёвка. Чего орать то сразу... — соглашается мой друг, он всегда инстинктивно чувствует, когда можно дальше шутить и прикалываться, а когда лучше заткнуться и не отвечать — сейчас поменяем!

Матросы лезут на раскачивающуюся мачту, каким-то чудом умудряясь не сорваться вниз. Опасная работа, но сделать её надо. Без штормовых парусов корабль не управляем. Не далеко от нас, борются со стихией ещё три корабля моей группы, остальных не видно уже несколько дней. Из тридцати кораблей, вышедших в плавание от берегов Африки нас, осталась только четверо, остается надежда на то, что остальные справляются не хуже, чем мы, и мы всё-таки встретимся на Карибах.

Потрёпанный фрегат подошёл к берегам Южной Америки на двадцать девятый день плавания, где-то в районе Бразилии. Океанский переход остался позади. Со мной оставалась группа только из двух кораблей, которые невероятной волей случая остались рядом с моим фрегатом на всём пути следования. Теперь нам предстояла задача не менее трудная чем океанский переход — собраться всем вместе.

Когда группа моих кораблей вошла в бухту острова Нью-Провиденс я вздохнул с облегчением. Почти неделю мы бороздили океан вокруг побережья Бразилии, разыскивая выживших. Собрать удалось только семь кораблей и снять с берега экипажи и пассажиров ещё трёх. Из-за повреждений и ошибок в навигации, два шлюпа и один фрегат разбились на прибрежных скалах и рифах. Из тридцати кораблей только судьба трети флотилии была мне теперь известна. Я переживал и клял себя на всевозможный лад. Это именно я выбрал для путешествия маршрут и время, и они оказались неудачными. И вот в бухте этого Багамского острова я сейчас вижу ещё четыре моих корабля! Три шлюпа и бриг, на них передвигались паломники и бывшие рабы. И это только в этой бухте! Есть шанс, что остальные или скоро придут, или выбрали для стоянки другой остров Багам! Половина группы уже в сборе!

— К бою! — неожиданно Гриша, который стоял на баке фрегата отдал приказ встревоженным голосом, хотя, казалось бы, на рейде маленького порта всё было мирно и спокойно. Кроме наших кораблей в бухте стояло ещё шесть небольших судов, два флюйта, три бригантины и барк. Я недоумённо уставился на друга.

— Ты чего Гриша буянишь?

— На них нет наших флагов! — выдал мой друг.

— Чего! — я выхватил у Гриши подозрительную трубу. Точно! Все четыре корабля сильно потрёпаны, видны следы недавнего боя, и самое главное, на корме каждого из них развивается чёрный флаг! Я перевёл взгляд на другие корабли, стоящие в бухте. Тоже самое! — К бою, блокируем порт! Сидора сюда!

— Чего случилось боярин? — заспанный казак появился буквально через минуту.

— Бери три отряда абордажников и на шлюпки! Высаживайтесь на берег и блокируйте порт с суши. Ждите сигнала. Чего дальше делать сообщим семафором! Фальконеты с собой захватите! — отдал я распоряжение. Сидор помчался готовить своих людей, на другие корабли эскадры спешно передавался мой приказ.

Между тем появление моей эскадры не осталось незамеченным. На берегу поднялась нездоровая суета. От берега отчаливали лодки, гребцы изо всех сил налегали на вёсла направляясь к стоящим на якорях кораблям.

— Притормозите их — отдал я приказ канонирам — огонь по лодкам!

Семь моих кораблей открыли ураганный огонь. Султаны от попадания ядер стали вставать среди спешащих к своим кораблям пиратам. То, что это именно пираты, у меня сомнений не было. Не могли мои моряки свой флаг на черный поменять по доброй воле. Именно эти четыре судна, что стоят сейчас под черной тряпкой, использовались как транспортные и пассажирские, перевозя колонистов в Новый свет. Там не было особых ценностей, однако хватало нужных мне припасов и отдавать это всё просто так я не собирался. В Средиземном море никто не смел трогать мои корабли, все знали, что это чревато летальным исходом, но похоже на Карибах придётся снова объяснять всем не понятливым, кто такой Жохов!

Лодки повернули назад, берег затих в ожидании бомбардировки. Потеряв несколько десятков бойцов и шлюпок, пираты затаились. Пиратские суда так и стояли на якорях, не предпринимая попыток поставить паруса, или как-то передвигаться, и по моей команде оставшиеся вельботы загрузившись людьми и под прикрытием пушек отправились на инвентаризацию моего нового и старого имущества.

— Одиночная лодка, идёт к нам! — марсовый как положено не отрывал взгляд от берега и сразу доложил мне о парламентёрах — ялик, там пятеро всего на борту!

— А вот и обиженные нарисовались — хмыкнул Гриша — интересно, чего хотят?

— Что бы клизма была обычная, а не со скипидаром! — буркнул я, меня сильно беспокоила судьба моих людей, пираты не особо церемонились с экипажами и пассажирами захваченных кораблей — сомневаюсь, что договоримся. Современная медицина в особо запущенных случаях предлагает не жалеть пациента. Что же мы, не люди что ли, товарищей пиратов без первой медицинской помощи оставлять? Принять их, разоружить и в кают-компанию!

Парламентёр был только один — перепуганный мужик туберкулёзного вида, худой и бледный, от ветра качает, четверо остальных были простыми матросами, которые доставили переговорщика на мой фрегат. Осмотрев всех доставленных ко мне людей, я велел выгнать матросов на палубу, а переговорщика оставить. Присесть я ему не предложил, и он так и остался стоять посреди кают-компания, нервно теребя свою шляпу в руках.

— Ну, лишенцы, чего мне с вами делать? — прервал я затянувшееся молчание.

— Я не понимаю о чём вы говорите — глаза мужика забегали, но он собрался и быстро заговорил — вы без причины напали на Нью-Провиденс, а это Английская колония! По какому праву! Меня зовут Ричард Чейз и я являюсь главой этого города.

— Опа на... Без причины говоришь? — я встал и вплотную подошёл к мужику — а как ты сука объяснишь, что четыре моих корабля, явно захваченные силой, стоят в бухте под пиратским флагом!

— Это корабли почтенного Дюка Адамса! Он не пират! Он капер его величества и в бухте стоят только его корабли! — взвизгнул Чейз и зажмурился. Он боится меня до чёртиков, но ещё больше боится того, кто его послал.

— А разве Англия воюет с Россией? На этих кораблях был мой флаг, мои люди, и мой груз! — я начал выходить из себя — ты хочешь сказать гадёныш, что это именно я на вас напал! Где этот пи... Дюк! И что с моими людьми и грузом сучий ты потрох!

— Мистер Дюк на берегу, он в таком же недоумении, как и я! Эти корабли он привёл в Нью-Провиденс позавчера, и на них не было никого, кроме членов его команды и десятка ирландских шлюх! — у Чейза уже истерика, он орёт и брызжет слюной. Он явно не в себе.

— Гриша! За борт эту пададь, привести мне этого Дюка сюда живым! Остальных под нож! — лицо моё стремительно наливалось кровью. На этих четырех судах было несколько сотен человек, а привели их в порт без них! Что случилось с командой, которая несомненно дала бой пиратам, я даже думать не хотел. Судьба их незавидна — Стоп! Офицеров этого Дюка тоже сюда! По возможности конечно...

— Есть командир! — когда надо, Гриша лишних вопросов не задаёт, он тоже понял, что только что сказал этот представитель пиратского братства. Если не можешь спасти, если уже поздно, то поквитается с обидчиками надо так, чтобы ни у кого не возникло больше даже мысли повторить что-то подобное.

Гриша ушёл, волоча за собой визжащего мэра. А через пять минут мои канониры возобновили стрельбу, выбрав своей целью небольшой городок, что раскинулся на берегу.

Атакуемые одновременно и с моря, и с суши, пираты продержались не долго. Абордажные партии захватили все корабли стоящие в бухте. Благо на них почти не было людей, а потом два моих фрегата почти час равняли поселение с землёй. Сидор и его головорезы быстро завершили начатое, стремительно атаковав городок с тыла и на вельботах с моря. Не выдержав натиска морской пехоты, пираты бросились в рассыпную, стараясь спасти свои жизни и преследуемые по пятам моими людьми.

Связанного как мумию английского корсара бросили мне под ноги Сидор и Идум через три часа. На удивление, казак и бывший невольник были мрачными и хмурыми, несмотря на блестящую и почти бескровную победу. По Сидору было видно, что он едва сдерживается, чтобы не пустить в ход свою саблю.

— Что там Сидор? — не обращая пока внимания на пирата, я пристально посмотрел на казака.

— Наши там боярин — выдохнул сотник — бойцы мои, что на этих кораблях были. Пораненные все, с дюжину их всего осталось живых! Бойцов живыми медленно жгли! От ног одни головешки, ать живы они до сих пор, тама, на площади! Баб насильничали и тоже в расход! Разреши командир, я с него кожу с живого сдеру! Не откажи!

— Их тут ночью в порту захватили — продолжил Идум, как только казак замолчал — встретили днём, пригласили на берег, а ночью напали. Вахта, что на кораблях была, те долго ещё сопротивлялись, а всех, кто на берег сошёл быстро вырезали, сонными. Трупы в море кинули, а над выжившими поглумились изрядно. Мстили, пираты в бою шестнадцать человек потеряли, в том числе и брата этого Дюка!

Я молча выслушал своих офицеров и перевёл взгляд на английского капера. Всё случилось ещё хуже, чем я себе представлял! Напали на своих гостей, застали врасплох, и всё равно мои бойцы смогли достойно дать отпор, хоть и не смогли отбиться. Никто не сдался и не спустил флаги, за что их и пытали самым изуверским способом.

— Он твой Сидор — наконец выдавил я из себя — бойцам... Бойцам помощи, не дело, что бы парни мучились. Остров зачистить! Всех беглецов поймать и уничтожить! Гриша!

— Я командир! — мой друг безмолвно стоял за моей спиной.

— Организовать оборону порта. Завтра выходим на поиск оставшихся. А потом... Нужно бы почистить Карибы! Нас тут ещё не знают, а должны знать и бояться! Что бы такого не повторилось впредь! Когда мы отсюда уйдём, каждая калоша в этой луже должна бежать только от вида косоного креста, даже если он будет стоять на соломенном плоту! У нас много работы!

Глава 17

Три недели мы обшаривали близлежащие острова и рифы в поисках оставшихся кораблей нашей эскадры. Ну почти три недели, пришлось пережить очередную шторм. Постепенно то один, то другой корабль нам удавалось найти или же они сами приходили в захваченный нами порт. Какие-то суда были способны передвигаться самостоятельно и даже не получили особых повреждений, а для спасения других требовалось провести аварийные и буксировочные работы. К окончанию поисковых работ в бухте Нью-Провиденс стояло уже двадцать три корабля, которые вышли от берегов Африки в трансатлантический переход. Три корабля разбились, судьба ещё четверых так и осталась неизвестной. С учётом захваченных у пиратов кораблей теперь весь мой флот состоял из двадцати девяти единиц и большинство из них требовало срочного ремонта. Сейчас на берегу острова кипела работа, ремонтировались разрушенные бомбардировкой строения захваченного городка, на берег вытаскивались корабли для ремонта и кренгования. Основная масса будущих колонистов перебралась на берег, раскинув в пределах городка палаточный лагерь и была задействована на строительстве укреплений и временных форт. Небольшое кладбище возле Нью-

Провиденса разрослось до невиданных размеров, пополнившись несколькими сотнями новых могил замученных и убитых моряков моего флота. Пиратов мы просто сбросили в море, а вот Дюку не повезло, Сидор оказался чертовски изобретателен и жесток. Корсар покинул остров живым и на собственном плоту, только вместо мачты посередине торчал кол, вечным марсовым на котором и стал жестокий пират причинивший нам столько горя.

Начнём с Ямайки и Барбадоса, они ближе всего — сейчас мы сидели в одном из уцелевших домов на берегу со старшими офицерами и обсуждали дальнейший план действий — Мур совершенно уверен, что семьи ирландцев могут быть именно там. Вирджиния тоже вполне возможный вариант, но основную массу ирландцев везут именно на Ямайку и Барбадос. Гриша, ты и Дайон останетесь тут, на вас ремонт кораблей и оборона порта. Нужно укрепится как следует. Я сильно сомневаюсь, что в ближайшие месяцы кто-то тут появится из бывших хозяев, но подготовится всё равно нужно. На тебе же и окончательная зачистка острова, выползают недобитки постоянно, нужно закончить с этим вопросом раз и навсегда! Мы с Сидором, Аланом и Муром, с пятью фрегатами и одним шлюпом, выдвигаемся к Ямайке, она ближе, если там нужных нам людей не будет, то идём к Барбадосу. От Ямайки я отправлю тебе шлюп с вестями. Если мы или посыльный шлюп не прейдём обратно через три недели, собирайтесь всей кодлой и выдвигайтесь нам на подмогу. Надеюсь конечно, что до этого не дойдёт...

— Дайон справится тут один, я иду с тобой командир — упрямо сжал губы Гриша, пристально смотря на меня.

— А если со мной что-то случится? Если понадобится нас выручать? — вздохнул я — кроме тебя в таком случае лучше никто не справится Гриша. С каждой частью флотилии должен быть хотя бы один из братьев Жоховых! Мне ещё бабушка говорила, что-то про яйца и корзину. Беречь их короче надо братан, как зеницу ока!

— Я пойду с тобой Витя! Оставь тут Алана, он сможет организовать помощь если что случится! — Гриша похоже закусил удила.

— Ладно... — я обреченно махнул рукой. Вступать в препирательства с Гришкой сейчас нет смысла. Кого другого я и слушать бы не стал, но только не Гришку, он единственный человек, который сейчас может спорить со мной по поводу отданного приказа! Совсем распустился бывший боцман! Офицеры воспринимают это нормально, всё же старший брат, который по каким-то непонятным причинам находится в подчинении у младшего. Я ему доверяю как самому себе и был бы спокоен за базу и корабли, если бы он остался тут, но после случая с захватом меня в плен в Алжире, Гришка ходит за мной как тень и даже в плавание выходит на том же корабле, что и я. Казалось бы, после произошедшего психологическая травма должна быть у меня, а не у него, ан нет, мой друг и названный брат боится теперь потерять самого близкого для себя человека в этом мире, до паранойи — остаются Алан и Дайон. Задачи вы слышали, так что повторять не буду.

Остров Ямайка расположен в ста пятидесяти километрах южнее Кубы и является третьим по величине островом Карибского бассейна. Для меня когда-то Ямайка ассоциировалась только с регги, ромом, запрещенной в наших краях растительностью, белоснежными пляжами и

абсолютной свободой. Остров, который двадцать первом веке населенный хоть и бедными, но жизнерадостными людьми, обладающими просто непередаваемым пофигизмом. Большая часть территории острова представляет собой горное плато. С востока его ограничивают горы, почти двухкилометровой высоты, а на западе эти горы больше похожи на островерхие холмы, утопающие в зелени. На острове много рек, берущих начало в горах. Там плодородная почва и мягкий климат. Когда-то остров населяли индейцы-араваки. Местных жителей вскоре ждала участь всех народов, открытых испанцами, — они были полностью истреблены или обращены в рабство и вывезены в Эспаньолу (современное Гаити). Вскоре англичане выбили испанцев с острова, а вместо непокорных аборигенов для работы на плантациях были завезены рабы из Ирландии и Африки. Ямайка сейчас — это место страданий и криминала, прибежище бунтарей грабившие суда в Карибском море, а также основной поставщик сахара сырца в Европу.

О нравах, царивших на острове нам поведал один из паломников, бывший английский моряк, когда-то ходивший к нему с живым грузом. В свое время он был захвачен алжирскими пиратами, провел несколько лет на галерах и присоединился к моей команде после восстания и освобождения. Моряк по имени Том был одним из тех людей, который с фанатизмом верил в моё волшебное воскрешение, считая меня чуть ли не воплощением бога на земле, и готов был выполнить любой мой приказ, даже такой странный — как помощь ирландцам.

По словам английского моряка, они перевозили на Карибы тысячи человек, включая мужчин, женщин, и даже самых маленьких детей. К середине семнадцатого века ирландцы были основной частью рабов, продаваемых на Ямайке и Барбадосе. Семьдесят процентов всего населения этих островов составляли именно ирландские рабы. Ирландия быстро стала самым большим источником человеческого скота для английских купцов. Большинство первых рабов, отправленных в Новый Свет фактически были белыми. Ирландцы были католиками, а англичане протестантами, и обращались с ними гораздо хуже, чем с неграми. Африканские рабы стоили очень дорого, а ирландские рабы почти ничего, и их особо не жалели, большинство погибало уже в первый год пребывания на острове от плохого и скудного питания, адской жары, болезней, непосильной работы и побоев.

По прибытию на острова, каждому ирландцу тут же преподавался жёсткий урок, чтобы жестокостью закрепить их статус рабов, и в качестве предостережения от будущего неповиновения. Всех мужчин поголовно избивали кнутом, после чего следовало клеймение калёным железом с инициалами хозяина. Клеймо женщинам ставили на плече, а мужчинам на ягодице, после чего у человека не оставалось шансов затеряться в толпе белых хозяев. Затем ирландские женщины подвергались унижительному осмотру и распределялись по работам. Небольшая часть женщин использовалась как наложницы и служанки, остальных продавали в бордель или (как и всех мужчин) на плантации. Причем на плантациях в качестве надсмотрщиков в основном используются именно африканцы, самбо и метисы, которые вымещают на белых пленниках всю свою ненависть к белым же хозяевам. Надсмотрщикам разрешалось пользоваться ирландками для своих утех сколько и когда угодно, от чего на Ямайке было полно мулатов, которые так же оставались рабами. Некоторые англичане пошли ещё дальше, покусившись на самое святое, что есть у англичан,

на прибыль больших компаний! Они вздумали разводить рабов самостоятельно, а не покупать их. Специальные фермы были созданы для скрещивания африканцев и ирландок, и они приносили своим хозяевам хороший достаток, вызывая недовольство в метрополии. На базарных площадях и вокруг плантаций сахарного тростника, для предостережения и запугивания пленников почти всегда стояли насаженные на пики головы отказавшихся повиноваться и пытавшихся бежать ирландских невольников.

Моряк честно заявил нам, что так как прошло уже больше трёх лет, с того момента как семьи моих абордажников попали в рабство, надеяться найти их живыми не стоит. Так долго на плантациях могли протянуть только единицы, разве что жён и дочерей моих людей выбрали в качестве подневольных шлюх и они ещё не успели надоест своим хозяевам. Даже мавры и турки относились к рабам куда как гуманней и лучше самой продвинутой, цивилизованной и прогрессивной нации на земле. По крайней мере они не брали в рабство своих единоверцев, и у раба всегда был шанс стать свободным, пусть даже и путём смены вероисповедания. У ирландцев же шансов не было ни каких, их участь — навсегда остаться рабами и умереть в цепях.

Во время этого разговора я сам с трудом сдерживался, чтобы не убить Тома, чего уж говорить про Мура. Англичанин смаковал подробности с каким-то упоением, красочно расписывая все муки и страдания своих бывших врагов. Только недавно он понял, что ирландцы такие же люди, как и все, но приняв факт умом, сердцем он в это верить не хотел. Только то, что его кумир (я, то есть) принял ирландцев как равных, примерило его с необходимостью служить с ними рядом. По мере того, как я узнавал всё новые и новые факты о зверствах рабовладельцев, ненависть к англам в моей душе накапливалась всё больше и больше, а чего уж говорить про Мура и моих ирландских бойцов. В их глазах я видел ярость, которая просто просто зашкаливала.

— Так Мур, на остров вы не пойдёте, останетесь на кораблях — принял я решение сразу после совещания — мне нужны списки людей, которые вам нужны, а искать вашу родню мы будем сами. Ричард, Том и я выступим в качестве покупателей.

— Почему! — Мур не многословен, он бледен и собран как перед боем. К этому моменту они шли много лет и вот теперь цель так близка...

— Потому-что если их выкупать будите именно вы, хозяева заломят цену, увидев ваш интерес! Потому-что увидев своих родных в рабских цепях, со следами побоев или узнав, что они погибли, вы не выдержите и начнётся бойня! Я знаю всех вас очень хорошо, мы неоднократно были с вами в бою, я знаю на что вы способны. А если бойня начнётся, я вас не смогу бросить и в бой вступит вся эскадра, положив начало войне с Англией. На Ямайке несколько тысяч английских солдат и есть военные корабли, там постоянно происходят восстания рабов и войны с маронами, это тебе не пираты, это настоящая армия! За эти три года в живых из вас остались только самые умелые и возможно мы сможем пустить кровь англичанам и отомстить, но потом нас просто задавят числом! Поэтому, на берег вы ступите только в крайнем случае! — я не отвёл взгляд от глаз взбешённого ирландца. Я наделал уже много глупостей в этой новой жизни, из-за меня или моих решений погибло много людей, но в этот раз я постараюсь не допустить потерь среди преданных мне бойцов — Я вам

никогда не врал, и сейчас обещаю, кого можно будет спасти, мы обязательно спасём!

— Мы верим вам господин Виктор, никто для нас не сделал больше чем вы, но если наших близких уже не будет в живых и будет такая возможность, прошу вас дать нам отомстить! — наконец, после долгой паузы выдал Мур — жоховцы всегда платят долги!

— Жоховцы говоришь? Ну что же, были когда-то чапаевцы и буденовцы, и даже махновцы, чем жоховцы хуже? Пусть будет так! Если будет такая возможность, мы отомстим вместе — обреченно кивнул я головой — но, когда и как, я решу сам!

Мур ушёл, а я остался с Гришей как всегда вдвоём после совещания офицеров.

— А чё! Жоховцы звучит! — ржёт Гришка — нам бы ещё форму пошить или какой-то отличительный знак придумать, как у товарища Будённого!

— Иди в баню Гриша. Переживаю я за наших ирландцев, как бы глупостей не натворили. Обещания надо выполнять, но в этом случае я предпочёл бы его вообще не давать! Ты представляешь, что будет, если они рубить англов начнут! На Ямайке! — мне было не до шуток — на нас просто охоту объявят!

— Всё нормально будет Витя, Мур разумный мужик, я думаю он сможет своих головорезов в узде удержать. На всякий случай разбавим их казаками и греками — посерьёзнил Гриша — только я боюсь, что Том прав, нет там уже никого в живых скорее всего. Всё никак не могу привыкнуть, что мы в почти первобытном обществе, где люди товар и с рабами можно делать всё что угодно.

— Да, это верно — согласился я — жуткое время и мы становимся точно такими же, как и местные аборигены. Мне всё проще и проще становится отдавать приказы о казнях и телесных наказаниях братишка. В зверя превращаюсь.

— С волками жить по волчьей выть Витя! — запротестовал Григорий — ты всё правильно делаешь! Если расслабимся, нас сожрут! Уж лучше пусть боятся!

— Может ты и прав... — вздохнул я — но не по себе мне как-то. Ладно! Хорош трендеть! Иди готовься к отплытию!

— Есть! — четко ответил Гриша, а уже возле выхода развернулся и подмигнув мне добавил — а я придумал насчёт знака! Пошьём тельники братишка, форменки, гюйсы и бескозырки с лентами введём! Я сам этим займусь!

Сказать я ничего не успел, дверь за Гришей закрылась. Ну вот нахрена ткань и деньги тратить? А, впрочем, и хрен с ним! Пусть будет! И правда — нас мало, но мы в тельняшках! Единая форма как в армии и военном флоте сблизит людей, покажет в бою кто свой, а кто тут зря воздух портит, да и красиво же черт возьми! Мы серьёзная организация и можем себе позволить обеспечить коллектив спецодеждой! У нас полно женщин, которые сидят без дела, и все они умеют шить (время сейчас такое, без этого ни как). Будет им чем заняться на

берегу и во время морских переходов, вместо того, чтобы устраивать склоки и компостировать мозги своим ухажерам и мужьям.

Для парусного корабля идеальная погода — это в меру сильный и устойчивый ветер. На Карибах как раз такой. Средиземное море, с постоянной сменой погоды, внезапными штилями и порывистым ветром кажется в сравнении с Карибами капризным. Погода тут просто отличная, шикарное голубое море, безоблачное небо — просто рай на земле. Смертоносный рай, полный невидимых опасностей, рифов и любителей чужого добра... Пять самых мощных и современных фрегатов моего флота и легкий одномачтовый посыльный шлюп огибали Кубу направляясь к Ямайке. Мы шли в балласте, весь наш груз составляли только необходимые припасы, мешочки с серебром и золотом, и конечно горы оружия. Усиленная команда абордажников из ирландцев, греков и казаков была размещена на каждом корабле. Встретить сейчас на Карибах пиратский корабль не составляло никаких проблем и нужно было быть готовым к бою. Но не встреча с пиратами меня напрягала, мне нужно было, что бы на Ямайке англичане восприняли меня всерьёз. Один корабль, пусть и солидного размера не гарантирует безопасности и уважения от этих людей, которые привыкли уважать только силу. Я уверен, случись конфликт, губернатор «острова рабов» сто раз подумает, прежде чем лезть в драку с такой не малой эскадрой и предпочтёт решать дело миром. Кроме того, это отличный способ продемонстрировать свой флаг всем обитателям Карибского бассейна, показав всем и каждому, что в самом знаменитом море Нового света появилась новая сила, с которой им теперь придётся считаться.

Глава 18

Город Порт-Ройал, столица Ямайки, был расположен на южном берегу острова, на западном конце длинной и узкой песчаной косы Палисадос, являющейся южной границей гавани Кингстон. Пять каменных фортов со ста сорока пятью пушками охраняли английскую базу от нападения с моря и суши. Но не только это мешало захватчикам, в заливе Порт-Ройал в избытке имелись рифы и песчаные отмели, они затрудняли судоходство по заливу, но помогали обороне острова со стороны моря.

Баркас с лоцманами и портовыми служащими встретил мои корабли на подходе к гавани. Выяснив причину нашего визита и узнав, что мы пришли на Ямайку за рабами и не собираемся нападать, нам без лишних вопросов предоставили лоцмана, который и провёл корабли на внутренний рейд порта.

Порт-Ройал для этих мест был просто огромным, город был одним из крупнейших британских населённых пунктов в Западном полушарии. В столице Ямайки насчитывалось около двух тысяч кирпичных, каменных и деревянных зданий, причем некоторые из них имели по четыре этажа. Поражало так же обилие укреплений и церквей, множество причалов, к некоторым из которых были пришвартованы по истине гигантские для этого времени корабли. Возле одного из них я с удивлением увидел военный трехдечный линейный корабль, который нес на своих бортах до сотни пушек. И он спокойно стоял у городского причала, что говорило о необычайной глубине акватории этого порта! В городе имелось четыре рынка, синагога, католическая часовня, молитвенный дом квакеров, королевские пакгаузы, обширные складские помещения, десятки таверн, зверинец, военные

плацы и мосты. Судя по наличию и обилию различных культовых сооружений, питейных заведений, публичных домов и магазинов по продаже табака и спиртного — с веротерпимостью в городе всё было нормально.

Шесть явно боевых кораблей, зашедшие в переполненную гавань не вызвали никакого ажиотажа у жителей и властей города и меня это особо не удивило. Боевых кораблей всех форм и размеров и самое главное принадлежащих частным лицам в порту хватало и без нас. Пятьдесят четыре судна я насчитал на рейде и у причалов Порт-Ройал. Торговля и поддержка каперства быстро обогатили Порт-Ройал. Его население насчитывало несколько тысяч человек, треть из которых были действующими или бывшими пиратами.

Тут же располагалась и военно-морская английская база, оснащенная по последнему слову техники этого века. Королевские товарные склады — комплекс ангаров «под охраной Короны», бондарные, мастерские, лесопилки и жилые помещения (включая столовую) для экипажей обслуживаемых там судов, верфи и офицерские дома, стояли вперемежку с такими же базами, только принадлежащими английским каперам, купцам и работоторговцам.

По словам Томаса, который неоднократно бывал в этом «пиратском Вавилоне», в первую очередь нам следовало нанять местного поверенного, арендовать причал и склад, для доставки и размещения купленных рабов, а также нанести визит вежливости губернатору этого города. Без решения (пусть и не официального) властей и совета Ямайки, в который входили самые уважаемые плантаторы, торговцы и каперы, на острове нельзя было заниматься серьёзным бизнесом. Остров непрерывно испытывал потребность в рабах, и покупка и вывоз с Ямайки крупной партии рабов мог вызвать недовольство местных плантаторов.

С причалом и складом решилось быстро. Мы арендовали стоянку и ангар у местного торговца Хамфрея Фримена. Его представитель сам приплыл к стоящим на рейде фрегатам на маленькой лодке, на ряду с ещё тремя «менеджерами по продажам», и предложил более выгодные условия чем у своих конкурентов. Немного поторговавшись мы сошлись в цене, и к пристани направился посыльный шлюп. Вставать у причала фрегатам я запретил, в случае ссоры с местными, уйти без помощи буксира от берега быстро не представлялось возможности, а шлюп был оснащён вёслами и худо-бедно мог самостоятельно маневрировать, не полагаясь на ветер.

Оставалось решить вопрос с поверенным, который и должен был нам помочь во всех местных делах. По совету того-же портового деятеля, искать нужное нам лицо следовало в таверне-гостинице Джеймса Литтлетона, расположенной на улице Темзы. Речь шла об адвокате из Лондона Генри Руде, который специализировался на выкупе рабов и каторжан родственниками. Как и все адвокаты и юристы, он выбрал для себя нишу в которой развивался лучше всего и не лез в дела конкурентов, а значить был лучшим в Порт-Ройал.

На встречу мы направились вшестером. Томас, я, Ричард и Сидор с двумя казаками в качестве охраны. На руках у нас был список из более чем трёхсот человек, а также названия кораблей, на которых их отправляли из Ирландии в колонии. Вооружившись по полной программе и оставив инструкции Гришке, что делать в случае если мы не вернёмся в

указанный срок, наша группа выдвинулась в город.

Грязная улица названная в честь английской реки была полна народа. Обилие кабаков, пьяных матросов и вяло зазывающих клиентов портовых девиц лёгкого поведения поражало.

— Вы это, не вздумайте мне тут загулять мужики — я с беспокойством смотрел на Сидора и казаков, которые от вида полуголых девиц пускали слюни так, что у всех троих усы уже были мокрыми — подхватите дурную болезнь как нечего делать! Через них тут по роте солдат уже прошло, если не батальон, так что могу гарантировать как минимум сифилис со стопроцентной гарантией! Это сейчас не лечится, от слова совсем. Выкину за борт всех троих, что бы заразу не разносили!

— Эта ж чего творится то тут такое! — встряхнул головой сотник, с трудом отводя взгляд от очередной жрицы любви — Срамота!

— Во-во. Содом и Гоморра! Тут и похлеще бывает, говорят и обезьян с козами тут во время пьянок пользуют. Город греха! — согласился я — и не забывай, что почти все эти бабы подневольные рабыни. Не дай бог попадётся сестра или жена кого из наших, потом и в команде разборок не избежать. Не дай бог конечно...

— Эта как так! А если действительно три года баба шлюхой была! Тоже заберём! — удивлённо уставился на меня Сидор — это же позор! Как с такой дальше жить!

— А вот это уже не наше дело Сидор! Мур со своими людьми сами разберутся, моё дело им помочь. Я обещал! Они рабыни, выбора им никто не давал. Ты смотри, смотри лучше и запоминай, что бывает, когда баб в рабство угоняют! Ты и сам этим когда-то занимался, так что думай Чёрный! Возмездие за дела наши будет в любом случае, если не на этом свете, то на том уж точно! — подлил я масла в огонь. Всё это отвратительно на столько, что мне хочется просто сейчас дать кому-то в морду! Стоит только прикинуть шкуру ирландцев на себя, и сразу возникает стойкое желание убивать англичан без разбору!

Когда наш путь поравнялся с очередным кабаком, возле которого шумела изрядная толпа пьяных матросов, дорогу нам преградили несколько человек.

— Стоять! Вы кто! — картина бомжеватого вида мужиков с пропитыми физиономиями меня даже умилила. Ну вылитый Владивосток моей бурной юности! Гоп-стоп с подходом! Босоте прежде чем ограбить лоха, надо соблюсти обязательный ритуал, ну, например, спросить: «Чьих будешь?», или «С какого района?», а может и просто попросить закурить.

— Кони в пальто! — как положено по традиции выдал я стандартный ответ — сдрыгнули с дороги, черти!

— Не понял капитан... — один из едва стоящих на ногах «хулиганов» озадачено повернулся к своим товарищам — кони какие-то...

— Никто никуда не пойдёт, пока не выпьет с нами рому! За славного капера, капитана

Уокера Рупера и его команду! За фрегат «Удача»! Кто не выпьет до дна, того мы вздёрнем на вывеске таверны, как вон того мерзавца! — второй «бомж» махнул рукой в сторону кабака, и только сейчас я увидел, как в окне второго этажа накидывают петлю на шею какому-то отчаянно сопротивляющемуся парню, вполне нормально одетому и на пьяницу не похожому — он отказался с нами пить, и потому спляшет для нас сейчас на пеньковом галстуке!

Нам уже протягивали здоровенные оловянные кружки с запахом сивухи, которые тут же наполнили прямо из стоящей посреди улицы деревянной бочки. Ну что же, хотели веселья, будет вам веселье! Я взял грязный кусок олова, наполненный до краёв и повернулся к своим людям, которые уже были готовы к бою.

— Валим всех, только без смертоубийства! — даю я команду Сидору, и с ноги прописываю промеж ног тому самому «капитану Руперу», который только-что требовал от нас добровольно отравится местной бормотухой, тут же впечатываю тяжёлый сосуд в голову другого пирата. Понеслась!

Мы были трезвыми, а противники едва стояли на ногах, да и напали мы неожиданно, к тому же все кроме Томаса были опытными абордажниками, которые не прекращали ежедневных тренировок вот уже несколько лет. Вся группа «заграждения улицы» полегла как озимые за несколько секунд, не сумев оказать нам достойного сопротивления, несмотря на своё численное превосходство. Оставшиеся в кабаке пираты, завидев такой беспредел оставили своего пленника, которого собирались вешать, и бросились на помощь своему капитану и товарищам. Благо вход в кабак был только один, а выбегали они небольшими группками, которые тут же попадали под «молотилку» и присоединялись к своим товарищам так же быстро, как и первые «бомжи». Вскоре поток желающих померится с нами силами иссяк. Мы все были целы и невредимы, за исключением Томаса, которому похоже сломали нос. Даже Роджер, несмотря на свою интеллигентную профессию, показал себя достойным бойцом. Площадка перед товарной была усеяна телами, которые стонали от боли или лежали неподвижно. Бочка рома пополнилась новым содержимым, одного из нападавших Сидор запихнул в неё головой.

— Всё? — немного подождав спросил я, не обращаясь ни к кому конкретно.

— Похоже, что так боярин — усмехнулся Сидор — а ничё так повеселились!

— Вынь лиценца, захлебнётся ещё — побеспокоился я о недоделанном Диогене. Сидор тут же пнул бочку ногой, от чего она опрокинулась на землю, освобождая пленника — ну пошли глянем, может остался кто внутри. Кто не спрятался, я не виноват!

В таверне было полно народу. Народу, самого разного пола, возраста, социального положения и цвета кожи, и всех их объединяло только одно — они были пьяные просто в хлам! Видимо «алкозасада» работала на этой улице довольно продолжительное время, а власти даже пытались пресечь безобразия, так как среди упитых по потери пульса граждан, присутствовал и явно армейский патруль, в составе трёх солдат и капрала. Эпичная картина! Такого я точно не ожидал увидеть!

— Есть кто живой! — крикнул я, разглядывая лежащие вповалку тела.

— Помогите! — с верхнего этажа раздался душераздирающий крик — ради бога, освободите меня!

Казаки, повинувшись моему взгляду бросились на лестницу и вскоре притащили недоповешанного гражданина. Парень был весь избит, одежда на нём была порвана, а на запястьях рук остались следы верёвки которая глубоко врезалась кожу.

— Ты кто такой, бедолага? — задал я вопрос, который ещё недавно задавали мне пьяные пираты.

— Сэмюэль Тритон! Я плантатор, мой отец член совета! Утром у меня пропала жена со слугой и служанкой, и я пошёл их искать, а они тут... — растерянно оглядываясь ответил спасённый.

— Смелый ты парень Сэм! — похвалил я англичанина — один, против стольких каперов! Уважаю!

— Я не один был, вон мои рабы лежат! — выдохнул, переводя дух англичанин, и кивнул на двух здоровенных, но очень пьяных негров, которые мирно и пьяно посапывали возле стены — запорю до смерти мерзавцев!

— Ну не горячись так дружище — остановил я выражение праведного гнева местного рабовладельца — они бы тоже не справились. А кружка рома кого хочешь с ног свалит. Жену то нашёл?

— Мари! — вспомнив о жене парень бросился в гущу тел и вскоре выволок оттуда пьянющую и растрёпанную девчушку, на вид которой было лет шестнадцать, не больше. Ядреный перегар перебивал запах дорогих духов и блевотины, которой была вся уделана жена бедного парня.

— Ну вот и славно! — усмехнулся я, смотря на безуспешные попытки парня привести жену в чувства — с утра ей бульон пусть сделают, а лучше бокал вина! И воды много. С похмельюги оно самое то будет!

— Вы кто! — и снова тот же вопрос! А спасибо сказать? Ну ладно, я не гордый, представляюсь, пожалуй.

— Сэр Виктор Жохов! Рыцарь мальтийского ордена и командир пяти фрегатов и шлюпа, что зашли сегодня в порт. Признаться, я слегка озадачен нравами Порт-Ройал. Нигде такого гостеприимства не встречал! Чего хоть праздновали эти убогие, что случайно споткнулись о меня и моих людей?

— Каперы Уокера Рупера? — переспросил меня англичанин, оставивший бесполезные попытки поставить на ноги супругу — Три дня назад их фрегат вошёл в порт, вот с тех пор и пьянствуют! Они взяли испанский галеон с грузом серебра, и это большая удача! Они даже

корабль так переименовали, прямо на месте! Раньше их фрегат назывался «Похотливая Герда»! Сорят теперь серебром на право и налево! На них уже несколько раз жаловались губернатору, а они подкупают патрули, платят штрафы и гуляют дальше! Я это так не оставлю!

— Ну они хотели вас повесить, так что есть законный повод ответить им тем же. Думаю, что теперь у судей и губернатора не будет аргументов против.

— Так не повесили же! Опять отделаются штрафом! Когда у них уже деньги только кончатся! — погрустнел парень.

— Да, чего-то мы поторопились — согласился я с доводом рабовладельца — надо было подождать, пока вас вздёрнут!

— Боже упаси! — перекрестился парень, зябко поведя плечами — спасибо вам сэр Жохов! Вы спасли мне жизнь! Может быть чем-то я могу вам помочь?

— А вы знаете... Можете! — сын члена совета острова, конечно может помочь! Я хоть и делал хорошее дело бесплатно, из любви к искусству, но грех отказываться от такого предложения!

— Всем чем могу! — опрометчиво выразил готовность платить долги парень.

— Представьте меня губернатору и мне нужно одобрение совета в одном торговом вопросе! Ну и если покажите мне людей, которые могут мне помочь купить ирландских рабов и порекомендуют меня этим людям, то мы с вами будем в расчёте и даже станем друзьями! — не стал я тянуть кота за хвост.

— Это ерунда! — рассмеялся парень — купить рабов? Всего то? Совет не будет против! Если не секрет, сколько вам нужно рабов и почему именно ирландцы? Вы ограничены в финансах?

— Не просто ирландских рабов, а триста человек по моему списку, если они живы конечно. Мне нужны определенные люди, и я готов за них заплатить, в разумных пределах конечно, ну или я куплю негров и поменяю их на ирландцев. — я пристально смотрел на парня, ожидая его реакции.

— Вот даже как... — парень оглянулся по сторонам, как будто проверяя, не подслушивают ли нас — вам нужны семьи ваших людей! С таким вопросом уже обращались к совету несколько поверенных и неизменно получали отказ. Ирландцы мятежники, и метрополия прямо указывает на то, что муж и жена не должны быть вместе даже в колониях. Их даже привозят отдельно и на разные острова! Но я постараюсь решить ваш вопрос! Признаться, мне тоже не по душе, когда белых людей продают как животных или негров! Можете на меня рассчитывать Виктор!

На встречу с поверенным я всё же пошёл и даже как положено нанял его на работу, попросив

начать поиски только через три дня. Именно столько времени на получение одобрения совета попросил Сэм. Сегодняшний день был очень удачным, в моей душе появилась робкая надежда, что в этот раз вопрос получится решить мирно и без кровопролития! Ну а пираты с фрегата «Удача»? Да я им сам пару бочек рома выкачу, только за то, что они вовремя попались у меня на пути! Гостеприимные ребята эти пираты! Хотели же как лучше! Ну а теперь они тоже мне должны! Вместо виселицы отделались только синяками! Действительно — им сопутствует удача!

Глава 19

— Всего тринадцать! — я удивлённо смотрел на Генри, моего поверенного. Только что он выдал мне результат своей работы. Из огромного списка он смог найти всего чуть больше десятка родственников моих ирландцев.

— Есть ещё список умерших, в нём девяносто один человек — покопошившись в кожаной папке, поверенный достал ещё один лист бумаги — корабли «Маргарита» и «Бретань» в порты Ямайки не заходили, про них вообще нет сведений, либо они погибли в пути, либо отправились в другие колонии. Я сделал всё что смог, и поверьте, это было не просто. Переговоры с хозяевами всех тринадцати рабов проведены, они согласны продать вам невольников. Цены несколько завышены, однако ниже стоимости негров. Лучшего предложения ждать не стоит, уже весь Порт-Ройал знает о вашем интересе, так что более выгодных условий не будет.

— Семь женщин, два подростка и четыре взрослых мужика... — я растеряно смотрел список. Три проститутки, четыре служанки, остальным каким-то непостижимым образом удалось выжить на плантациях! Будут проблемы, это как пить дать! За три года из той партии рабов, в которой доставили родню моих людей, в живых остались единицы!

— Да, именно так. Я взял на себя смелость договорится о доставке товара в Порт-Ройал. Впрочем, некоторые из представленного списка уже тут. Речь о пяти женщинах, остальные будут в течении пары дней. Выкупаем? — адвокат спокоен и деловит, ему плевать на судьбу рабов, главное получить деньги и процент с продаж.

— Да, выкупаем — сосредоточился я на работе — доставите их на причал Хамфрея Фримена, там же произведём расчёт.

— Хорошо, с вами приятно иметь дело! — расцвёл адвокат — Да, ещё один вопрос. Вы будите покупать приплод?

— Чего? — не понял я вопрос.

— Четыре ребёнка — терпеливо пояснил мне Генри — было больше, однако двоих хозяева по предложенной цене продавать отказываются, ещё трое умерли буквально вчера. Право же и этих четверых мы можем не дожидаться, мрут, знаете ли, как мухи!

— Я заберу всех! По двоим, которых отказались продавать, плачу любую цену, но они

должны быть вместе с матерями! Я, по-моему, выражал своё желание предельно ясно! — я едва сдерживал гнев. Приплод значить!

— Будет сделано! Не извольте беспокоиться! Я не располагал полномочиями повышать цену выше, чем стоимость негра, поэтому и вышел конфуз! — засуетился поверенный, он меня явно боится, считая отмороженным корсаром. За те десять дней, что мы провели на Ямайке, репутация у меня уже сложилась как у весьма мстительного и несдержанного человека — немедленно займусь!

— Если не будут продавать, скажи им, что в противном случае торговаться уже приеду я сам! Всё, жду всех не позже чем послезавтра! И кстати, вы сможете заняться розыском на Барбадосе и в Вирджинии?

— У меня есть там коллеги, немедленно отправлю им письма! — ушлый адвокат не собиравшись отказываться от денег, довольно больших денег, которые я ему платил.

— Занимайтесь. Вас найдут мои люди, если я покину Ямайку, мне нужны все выжившие!

Я шёл к причалу и думал. Будут проблемы с ирландцами, это к гадалке не ходи! Девяносто один человек умер, из спасённых семь женщин с детьми и трое из них три года работали проститутками. Захотят ли их вообще брать? Что будет с детьми? Мои ирландцы уже не те, что были, когда познакомились со мной на гребной палубе «Писца», это закалённые в боях ветераны, которые ни раз видели смерть. Если они поднимут бунт и уйдут громить город, что делать мне? Хотя если честно, я с удовольствием бы спустил их на это гнездо разврата, да и сам бы поучаствовал в разгроме!

За десять дней на Ямайке, повидать мне пришлось ни мало. За это время я познакомился и с Томасом Линчем, губернатором острова, и со всеми членами Совета острова. На заседании Совета мне даже пришлось поучаствовать, разыгрывая заранее отрепетированный спектакль. Для чего мне нужны родственники ирландцев? Не пособник ли я мятежников? На эти и многие другие вопросы мне пришлось придумывать ответы, которые бы устроили островитян. Если бы не помощь отца спасённого мною Сэма, даже этих тринадцать человек я бы не получил. Дорого мне обошлось положительное решение Совета, пришлось платить почти каждому! И вот такой результат? Всё плохо, всё очень плохо. Говорить ирландцам о результатах поиска сегодня нельзя, нужно забирать освобожденных, сажать их на шлюп, и уже в море довести результаты заинтересованным лицам. А иначе... А иначе без боя нам не уйти!

С командой фрегата «Удача» вышло забавно. Уже на следующий день после драки, капитан фрегата заявился ко мне с претензией, но увидев мой флот, и головорезов Сидора во всей красе, тренирующихся на палубе, быстро сдулся. Если мы вшестером почти всей его команде навалили, то что смогут сделать несколько сотен таких бойцов? Особенно его поразил порядок и дисциплина, царившие у меня на кораблях. Пьяных и праздношатающихся в моей команде не было. Я не запрещал пить, в конце концов мы все люди, и расслабляться как-то надо. Но все знали, что пить можно только после вахты, тихо и мирно. Буянов и запойных ждало только одно наказание, увольнение и пинок капитанского сапога под зад, да так, что

виновный оказывался за бортом, и не важно где мы находились, в открытом море или возле берега.

— И всё же, сэр Жохов, вы могли бы поступить по-джентельменски! Мы же просили вас только выпить с нами! — Уокер был помят, явно болел с перепоя, но был трезв и у него хватило ума не лезть с угрозами и обещаниями отомстить — могли бы просто отказаться в конце концов! Теперь моя команда и я посмешище для всего Порт-Рояля!

— Да? А кто-то грозился нас повесить, если мы откажемся, не помните кто? — я сидел на палубе в кресле и лениво пил кофе.

— Право слово, это была не угроза, а просто шутка! — побледнел капер — никто же в итоге не пострадал, кроме нас!

— Чудом не пострадал — уточнил я — и только благодаря моему вмешательству. По-хорошему бы с вас штраф взять, но я сегодня в хорошем настроении. Можете больше не переживать, убивать я вас не буду, ваши извинения приняты.

— Извинения! — начал было возмущаться Уокер, но встретившись со мной взглядом тут же потупился — да, конечно... Приношу вам свои извинения сэр Жохов!

— Ну вот и ладненько — кивнул я головой — а расскажите-ка мне Уокер, где вы умудрились поймать такого жирного купца? Вообще мне интересно всё о каперах Ямайки. Кто есть, кто? Сколько их всего? Сколько и какие у них корабли и людей? Поделитесь с коллегой, а я вас вином угощу! Отличное вино с Мальты! Вам сейчас это не помешает.

С Уокером мы можно сказать подружились, и он стал незаменимым источником информации. Стоило ему налить стакан, и разведданные посыпались как из рога изобилия! Не весь высыпанный на мою голову поток слов был полезен, однако большинство сказанного было крайне интересно! К примеру, я с удивлением узнал, что Морган (про которого я только в детстве книжки читал и думал, что это вымышленный персонаж) до сих пор жив и находится сейчас на острове! Сейчас знаменитый пират и бывший вице-губернатор в очередной опале, заперся у себя на плантации и безбожно бухает. У него не лады с Линчем, который отстранил его от власти и даже вывел из Совета острова! По словам Уокера, сейчас власти Ямайки занялись систематическим истреблением пиратов, но делают это без особого рвения, и часто (за долю в добыче) закрывают глаза на безобразия каперов. Уокер сам лично отстегнул положенное «на общаг», и потому чувствовал себя на острове довольно комфортно. Местное население было настолько богато, что использовало в быту серебряную посуду и даже подковывало серебром лошадей. Большая часть богатств, добытых пиратами путем разбоя, быстро оседала в руках городских торговцев. Сейфы и склады были переполнены добычей — золотыми и серебряными слитками, иконами, искусными ювелирными изделиями с драгоценными камнями, богатыми шелками и парчой, ожидавшимися отправки в Англию и на Континент в обмен на деньги и другие товары. Жители Порт-Ройала, в свою очередь, старались вкладывать полученные от обслуживания пиратов и транзитной торговли средства в развитие плантаций на Ямайке. Это приносило хороший доход. Наше общение с Уокером затянулось, а потом корсар повадился чуть ли не

каждый день заглядывать ко мне на чашку кофе и бокал вина. Очень скоро я уже знал о раскладах в Порт-Рояли почти всё.

Я промолчал о сведениях полученных от адвоката. О итогах поисков теперь знал только я, Гриша и Сидор, которым я поручил присматривать за бойцами Мура. В день, когда была назначена передача невольников, Гриша под надуманным предлогом выдернул с фрегата, на котором располагались ирландцы, родственников выкупаемых рабов. Нужно было провести опознание, иначе был велик шанс, что нам подсунут не тех, за кого мы торговались. Только на арендованном складе, я сам им сказал, что их ждёт, честно предупредив мужей и братьев женщин, о том, какая судьба их постигла и чем они занимались в неволе. Наготове стояли казаки Сидора, которым было поручено, в случае необходимости обезоружить ирландцев и как можно аккуратнее их обезвредить. На моё удивление, ни один мускул не дрогнул на напряженных лицах бойцов — они были готовы к такому исходу, только побелевшие от напряжения и гнева руки, сжимающие абордажные сабли, выдавали их чувства.

— Из склада не выходим, я сам буду заводить по одному ваших родственников — плохие предчувствия не покидали меня, и я хотел контролировать весь процесс от и до — кто опознает своих, забираете и сразу уходите на шлюп! Если кого-то опознать не получится, говорите мне, я буду разговаривать с поверенным! Держите себя в руках бойцы! Я знаю, это тяжело, но вы сами этого хотели!

— Не беспокойтесь господин Виктор, мы вас не подведём! — один из ирландцев сделал шаг вперёд и поклонился мне — вы сделали всё что могли, и обещали нам мечь, и вы всегда держите слово! Можете на нас рассчитывать!

— И последнее... — я остановился уже возле выхода — дети! Они ни в чём не виноваты! Помните об этом! Каждый кто убьёт или ударит ребёнка, умрёт прямо в этом складе! Я всё сказал!

С тяжелым сердцем, в сопровождении казаков и Гриши, я вышел из ангара на встречу крытым фургонам, в которых привезли невольников, оставив думать ирландцев над моими словами. Хреновая ситуация! Мне хотелось оказаться как можно дальше от этого проклятого места!

Фургоны подъехали, несколько мулатов погонщиков остановили две повозки, запряженные быками прямо возле ворот ангара, рядом остановились семь всадников с оружием, судя по всему охрана. За ними подкатила и легкая коляска, запряжённая двойкой лошадей в которой сидел Генри и два солидного вида господина, они весело переговаривались между собой, что-то активно обсуждая. Завидев меня, господа ехидно заулыбались, а вот Генри как-то сник.

— Господин Виктор, весь товар доставлен, и даже... Скажем, по сниженной цене! Они вам обойдутся все по пять стерлингов за штуку! — зачастил адвокат, выпрыгивая из коляски — товар несколько подпорчен и не весь, умерли трое из приплода и одна женщина, но это не моя вина! По решению Совета острова, именно в таком виде вам и постановили их отдать! Я не знал подробностей, клянусь, но цену смог сбить существенно!

— Не понял... — я уставился на Генри, а сердце тревожно заняло — что это значить!

— Это значить молодой человек, что вы получите то, что хотели, однако в том виде, в котором ваши ирландцы уже не смогут причинить неприятностей Англии! — даже не вставая с места, процедил сквозь зубы один из пассажиров коляски — нам известно, что у вас в команде есть освобождённые мятежники! Это неприемлемо! Мы ссылаем этот скот в колонии, не для того, чтобы они наслаждались жизнью, а в качестве урока и наказания за мятеж! Вы оказали услугу мистеру Тритону, и мы пошли вам на встречу в виде исключения, получайте своих ирландцев!

Я ещё обдумывал, что сказать, когда из фургонов стали вытаскивать рабов. Двенадцать человек взрослых и несколько детей, бледных и едва стоящих на ногах из-за потери крови. Я смотрел на них, и мои глаза закрывала пелена безумия и ярости. У всех невольников, даже у детей, были отрублены кисти рук! Замотанные грязными тряпками культи на руках детей, которым едва было два года!

— Да что же это... — рядом я услышал хриплый голос Гриши, обернувшись к другу, я увидел, как по его подбородку течёт кровь, из прокушенной губы, казаки тоже стояли с круглыми от увиденного глазами — это же дети...

— Я попрошу расплатится немедленно! — высокопарно заявил англичанин, который высказал мне позицию Совета — и поторопитесь милейший, у нас в полдень обед у губернатора!

— Расплатится! — я посмотрел в глаза человеку, который был уже мёртв, только ещё не знал об этом — вы правы, за такое надо платить! Убить их всех!

Выхватив пистолет, я выстрелил прямо в харю ошарашенного англичанина. Моя сабля через пару секунд вспорола горло второго пассажира коляски. Возле ворот ангара грохотали выстрелы и лилась кровь, казаки не думали долго, они выполняли мой приказ! Охранники плантаторов своих хозяев пережили совсем на короткий промежуток времени, и вскоре в живых из приехавших остались лишь покалеченные невольники и адвокат, который стоял на месте, не в силах пошевелится от ужаса.

— Всех на шлюп! Посыльного на шлюпке к фрегатам! Гриша, работаем плохой вариант, времени у нас совсем ни много! Погнали парни! — разразился я чередой приказов и обернулся к адвокату — посмотри на меня Генри!

— Не убивайте господин Жохов! — адвокат отмер и бухнулся на колени, прямо в жёлтую лужу, которая натекла с его штанов — Я не виноват! Я не знал! Клянусь вам! Пощадите!

— Ты выполнишь свою работу Генри, до конца! Отработаешь каждый стерлинг, который я на тебя потратил! А иначе, тебя не спасёт ничего! Переберись ты хоть обратно в Англию, я найду тебя везде! Теперь рабов из этого списка будешь покупать сам, и хранить их для меня как зеницу ока! Тебя найдут мои люди и заберут их. И что бы больше таких «форс-мажоров» не было, иначе я отрежу тебе всё, что, хотя бы на дюйм выступает за пределы твоего

туловища! Ну а губернатору и совету передай, что теперь спокойная жизнь на Ямайке закончилась! Жоховы никому ничего не прощают, и всегда платят свои долги! Я сюда ещё вернусь и вздёрну этих тварей на главной площади вашего Содома! Пшёл!

Испуганный адвокат с низкого старта рванул прочь, а я, окинув напоследок город порока, плюнул на труп представителя Совета и пошёл к шлюпу. Мы готовились и к такому варианту событий, не к тому что увидели конечно, но вариант прорыва с боем из гавани готовили, осталось только его воплотить в жизнь.

Добровольцы из ирландцев, на двенадцати вельботах, заранее превращенных в брандеры, налегали на вёсла, они отходили от фрегатов, чтобы выполнить свою миссию. Их целью будут корабли корсаров и линейный корабль, стоящий у причала. Цели распределены, и в этот раз брандеры готовы как надо, а цели неподвижны, так что шанс на успех почти стопроцентный. Пять групп диверсантов уже готовы поджигать заранее установленные и замаскированные под телеги, лодки и груды мусора фугасы, возле фортов Порт-Рояля. Парни почти смертники, они уже давно на берегу, и ждали только сигнала с моего флагмана. Они вызвались на это дело сами, это тоже люди Мура. Добираться до кораблей им придётся вплавь, надеюсь бойцы выживут и смогут, вернувшись насладится результатами своего труда. Мои фрегаты, всегда готовые к выходу, спешно ставили паруса и снимались с якоря, канониры открывали орудийные порты, выкатывая в них уже заряженные пушки. Мы готовы к бою, а враг нет! Первый залп будет страшен, ибо его целью будет как раз здание Совета и резиденция Губернатора, где сейчас готовятся к приёму, в честь дня рождения номинального хозяина острова.

— Огонь! — командую я, поднявшись на шканцы. Залп орудий пяти кораблей, даёт сигнал к началу действий ирландцев. Фрегат заволакивает пороховой дым, языки пламени вырываются из жерл орудий в сторону столицы Ямайки, где живут настоящие, живые упыри, в облики людей. Я сейчас и правда чувствую себя чуть ли не архангелом, пришедшим покарать грешников! Над фрегатами разносится боевой клич жоховцев, пришедший со мной из будущего. Знаменитый и вселяющий ужас во врагов клич: «Полундра!». Его кричат все мои люди, не зависимо от национальности, веры и цвета кожи, мы сейчас как одна семья.

Через сорок минут мы почти беспрепятственно вышли из гавани Порт-Рояля в Карибское море. Позади нас пылал английский город и корабли, стоящие в порту, форты превратились в руины. Все отработали с огоньком и как надо, наши потери минимальны. Не вернулось десять человек диверсантов, да на фрегатах есть раненые и убитые. Мы получили залп от форта Карлайл, который почему-то рванул с запозданием. Это ничего, это мелочи, главное, что кровососы получили по заслугам! Теперь для нас нет красных линий и табу, все корабли под Английским флагом на Карибах — наша законная добыча! Мы снова идём мстить!

Глава 20

Шлюп на всех парусах ушёл к Багамам с посланием к Дайону, ну а я пока никуда уходить не собирался. Пусть мы и навели шороху в Порт-Рояле, однако Ямайка и её хозяйка ещё не расплатились сполна за свои злодеяния. Да и дела у меня оставались в этом городе, который мы покидали в спешке. Там полно золота и серебра, кучи драгоценностей, а грабить

награбленное — это благородно и хорошо, как завещал нам великий Робен Гуд! Надо забрать эти богатства у богатых и раздать их бедным, то есть мне и моим людям! Делится надо! Сейчас мы блокировали выход из разгромленной гавани ожидая прибытия подкреплений.

Зарево пожара мы наблюдали всю ночь, в порту периодически гремели взрывы, очевидно огонь добирался до кюйт-камер кораблей. В Порт-Рояле сейчас был форменный ад. Двенадцать брандеров сделали своё дело, а деревянные корабли так хорошо горят, и их так трудно тушить... Этой картиной можно было любоваться вечно!

Первой нам попалась «Удача». Фрегат капитана Уокер каким-то чудом уцелел в огне и покинул гавань первым, очевидно рассчитывая на наше знакомство и предполагая, что я не трону своего собутыльника. Он без боя спустил паруса, как только два моих корабля вышли на перехват, выстрелами орудий приказывая английскому каперу лечь в дрейф.

— Уокер! Привет дружище! — капитана доставили ко мне на шлюпке, и я встретил его на своём флагмане — не бережёшь ты себя! Ты зачем выперся из порта мерзавец! Ты вообще, чем думал! Или ты рассчитываешь на наше знакомство? Зря, у меня знакомых пол Порт-Рояля, и я с радостью готов увидеть их всех снова, но только болтающимися на реях моего фрегата!

— Господин Виктор, рад видеть вас в добром здравии! — Уокер заискивающе улыбнулся — Мы же друзья! Честное слово, я рисковал своей жизнью, для того, чтобы успеть предупредить вас об опасности!

— Друзья говоришь? А скажи-ка мне «друг», как в Совете острова узнали о том, что на моих кораблях полно ирландцев! Кроме тебя на моём фрегате не было никого! — я прищурившись смотрел на англичанина.

— Это недоразумение! Я не знал, что это секрет, а вы меня не предупреждали! — занервничал капер — Я только раз похвалил выучку ваших людей в таверне и всё!

— Ну-ну... — я не верил ни единому слову этого скользкого типа — и что за опасность мне грозит?

— В порту сгорело тридцать четыре корабля, несколько выбросились на берег, что бы не попасть в огонь и получили повреждения! — быстро заговорил Уокер — В городе тоже был пожар, сгорело много складов, разрушена резиденция губернатора, погибли несколько членов Совета. Губернатор уцелел чудом, и он в ярости. Из уцелевших кораблей сейчас собирается объединённая эскадра, чтобы выйти в море и напасть на вас!

— Так... — я задумался — а что с фортами?

— Укрепления фортов частично разрушены. Форт Чарлз пострадал меньше всего, но он самый большой, так что не удивительно, форт Уокер и форт Руперт разрушены полностью, очевидно из-за пожара и взрыва детонировали магазины, форт Джеймс и форт Карлайл можно восстановить. Пушки сейчас стали устанавливать на берегу, но это долго, их ещё из-

под завалов надо вытащить, а рабов и солдат не хватает, в городе тоже большие разрушения.

— С фортами понятно, что там за корабли выходить собираются и сколько их всего? — продолжил я допрос.

— Два военных фрегата и шесть каперских! Сейчас их снимают с мелей. Уже через несколько часов они будут готовы! И самое главное, линейный корабль «Повелитель морей» тоже уцелел! Ваш брандер врезался в причал и корабль получил незначительные повреждения. Там сто две пушки! Вам надо немедленно уходить, ведь у вас всего пять кораблей!

— Почему пять? — удивился я — Шесть фрегатов у нас дружище! С нами «Удача»! Теперь ты со мной, а значить победа гарантирована! Молодец Уокер! Встанем плечом к плечу, чтобы покарать застранных! Придется отстреливаться... Я дам вам «Парабеллум»!

— Но я думал... — Уокер в ужасе отшатнулся от меня.

— Правильно думал! Думать полезно, голова не только для того, чтобы в неё есть и шапку носить! — рассмеялся я — ну а если серьёзно, то спасибо за информацию. Ты только что купил жизнь себе и своей команде. Берите шляпки и уматывайте, фрегат я реквизирую, уж извини, при таких раскладах он мне нужен больше чем тебе. Ты меня сдал, стукач, и рассчитывал, что я тебя опущу без штрафа! Даю вам пол часа, кто останется после этого на «Удаче», пусть пеняет на себя!

— Но... — Уокер затравленно посмотрел на меня — я могу забрать груз?

— Так ты что, всё серебро с испанского купца мне ещё привез до кучи! Не всё пропил! — по выражению лица капера я понял, что я угадал. Новость была действительно приятная, похоже удача покинула англичанина, вместе с потерей фрегата — ну спасибо! Ты конечно дурень ещё тот Уокер! Я бы даже сказал полный кретин! Валите нахер, полчаса уже идут! И ничего с собой не брать! Я этому серебру найду лучшее применение.

Уокера увели, призовая команда осваивалась на трофейном фрегате, а я вместе с Гришей размышлял, что же нам теперь делать. Уходить от полуразрушенного города категорически не хотелось. Давать время англичанам на восстановление фортов тоже было глупо, пройдёт несколько дней, и Порт-Рояль снова станет почти непреступной крепостью.

— Идём обратно! Ждать пока Дайон приведёт остальных нельзя! — принял я решение — нужно добить оставшиеся корабли прямо в гавани, пока их только снимают с мели и ремонтируют, нужно расстрелять форты, что бы не успели восстановить! Если линкор сможет выйти в море, нам придётся совсем не сладко! Придётся уходить.

— В гавани полно затонувших кораблей, мы не знаем где они, да и вообще лоции порта у нас толком нет. Лишимся хода и манёвра — Гриша напряженно думал — предлагаю первой пустить «Удачу», по ней точно стрелять не будут. Подумают, что она не смогла прорваться и вернулась. Войдём под английским флагом, и как только «Удача» встанет в гавани, пойдём

уже мы, в суматохе про фрегат все забудут, и он сможет поддержать нас огнём. В крайнем случае подожжём его и пустим на линкор в качестве брандера. Так же предлагаю разместить на ней усиленную абордажную команду, их можно будет высадить прямо на причал возле форта Чарлз. Если форт откроет огонь, бойцы отвлекут на себя внимание англичан, и даже возможно смогут его захватить. Я сам на «Удаче» пойду, по обстановке сориентируюсь на месте.

— Принимается! — одобрил я предложения Гриши — У нас не осталось вельботов, надо приостановить посадку на шлюпки комоды «Удачи». Пустим их перед собой. После вчерашнего англй будут шарахается от любых лодок, принимая их за брандеры. Уокера высадим потом, придётся им всем посидеть в трюме до окончания боя.

«Удача» вошла в гавань без проблем. Фрегат корсара беспрепятственно прошёл мимо полуразрушенных фортов и прямым ходом направился к причалам порта. Если кто-то и удивился необычному поведению пирата, то всё равно предпринимать ничего не стал. Следом за бывшим кораблём Уокера и все пять моих фрегатов подняли паруса и пошли вперёд.

По мере того, как мы огибали песчаную косу, закрывающую бухту от открытого моря, передо мной вырисовывалась картина разгрома, который мы учинили, отступая из порта. Дымящиеся остовы кораблей, мачты, торчащие из-под воды, разрушенные взрывами форты, обгоревшие остатки складских помещений и причалов. Однако несмотря на понесённые потери, порт жил и готовился отомстить своим обидчикам. Неприятным сюрпризом для меня стал линейный корабль, который уже отошёл от причала и стоял на внутреннем рейде порта, ожидал пока рядом с ним соберутся фрегаты. «Повелитель морей» был готов к бою и абсолютно цел! Неподалёку от него стояло четыре фрегата, а ещё несколько уже почти стянули в воду усилием нескольких гребных баркасов. Я закусил губу от досады. Я думал, что линкор до сих пор возле берега, и не успеет принять участие в предстоящем бою! Хреновая ситуация, нужно отступить! Неподвижно стоящий трёхдечный линейный корабль сам по себе уже усеянная пушками крепость, пока мы подойдём и развернёмся для стрельбы, он успеет дать несколько бортовых залпов, а он у него просто огромный! Он как минимум ополовинит мой флот! «Удача» уже подходила к линкору, следуя намеченному плану, и следовало поторопиться.

— Семафор на «Удачу»... — начал было я отдавать приказ, что бы трофейному кораблю просигналили об отходе, как бывший фрегат Уокера резко вильнул влево, произвёл бортовой залп и буквально через минуту навалился бортом на английский линейный корабль — твою мать! Отставить! Открыть огонь, всем вперёд!

Гриша мудака! На «Повелителе морей» команда больше семисот человек! Он решил взять его на абордаж! Эффект неожиданности — это конечно хорошо, но моих людей на «Удаче» в четыре раза меньше!

Три шлюпки под парусами направились к английским фрегатам, мои корабли вели непрерывный огонь, расстреливая всё, до чего могли дотянутся их пушки, а на «Повелителе морей» уже кипела жаркая рукопашная схватка.

— Править к линкору! Приготовиться к абордажу! — бросать Гришу на произвол судьбы я не собирался. Мужикам там срочно нужна помощь! — остальным кораблям, огонь по фрегатам противника! Стрелять калёными ядрами! Держать дистанцию, на абордаж идти запрещаю. Первоочередная цель, те, которые уже сняты с мели!

Наша неожиданная атака произвела странный эффект. Вместо того, чтобы вступить в бой, фрегаты противника бросились в рассыпную от шлюпок! Как я и предполагал, их приняли за очередные брандеры! Несогласованные манёвры капитанов кораблей привели к тому, что два из них столкнулись, сцепившись между собой такелажем и ломая себе рангоут и борта. Масло в огонь подливали мои канониры, которые, не обращая внимания на оживший центральный форт, стреляли зажигательными снарядами только по уцелевшим английским кораблям, попросту игнорируя изредка попадавшие в них ядра. Пока игнорируя. Форт скоро пристреляется, и тогда всем резко поплохеет. Мне надо иметь это ввиду, управляю боем я, и нужно вовремя дать команду перенести огонь на береговую батарею и отступить, или идти на прорыв и высаживать десант. Весь наш первоначальный план пошёл коту под хвост, из-за этого грёбанного линкора! Бойцы Гриши должны были не на абордаж идти, а заняться именно фортом!

Мой корабль пришвартовался к «Удаче». Я специально подвёл его так, не став заходить с другого борт линкора, боясь получить полновесный залп в упор и обезопасив себя и команду от выстрелов марсовых стрелков англичан. Рангоут, такелаж и паруса двух кораблей создавал почти непроницаемую завесу, мешая вражеским мушкетёрам вести прицельный огонь. Кроме того, таким образом флагман был защищён от обстрела с форта, прикрываясь от него английским кораблём. Абордажные группы из казаков и греков, во главе с Сидором уже были на готовое. Передовые шеренги бойцов были вооружены мушкетонами, остальные пистолетам и все поголовно имели или абордажные сабли, или топоры. Отличие мушкетона от мушкета — короткий ствол и калибр, превышающий калибр заряда. То есть он изначально не предназначен для пулевой стрельбы. Это оружие ближнего боя, свалки — заряжают их исключительно картечью. На конце ствола моих мушкетонов имелся круглый раструб. Раструб служил и для рассеивания по фронту картечи, и для ускорения зарядки. Отсюда и короткий ствол. И заряжать быстрее и манипулировать оружием в свалке боя проще. Выстрелил — отбросил. Это исключительно флотское оружие, которое я закупил на Мальте у французов. Тут и скученность, и предельно близкие дистанции боя — как раз для абордажа. В рукопашном бою не до выцеливания противника, проще лупить по площадям, не промахнёшься. Сейчас их использовать будет в самый раз. Противники уже скупились и бой идёт стенка на стенку, где и защитники и нападающие стоят плечом к плечу. Дружный залп из нескольких десятков мушкетонов должен как метлой вымести передние ряды английских матросов.

Сидор почти со всей командой ушёл вперёд, а я остался на шканцах, пытаюсь уследить за всеми перипетиями разгоревшегося сражения. Судьба командира флотилии такова, что самому мне теперь в драку лезть нельзя, хотя и очень хочется, иначе можно выпустить из рук хрупкие нити руководства кораблями и утратить инициативу. Гришка уж точно не стал заморачиваться такими мелочами, что с него взять, у него всегда действия шли впереди мыслей, в бою мой друг жил инстинктами. Если выживет, я сам его придушу! «Удача»

абсолютно пуста, вся команда во главе с офицерами ушла на абордаж.

Между тем фрегаты противник, почти прекратили сопротивление. Два сцепившихся корабля горели, ещё один снова выскочил на мель, и только последний из корсаров упорно не хотел принять сложившееся положение дел и продолжал огрызаться, упорно давая залп за залпом, несмотря на то, что его корабль был уже изрядно избит и кренился на левый борт. Его скоро добьют, достаточно против него оставить только один фрегат, пора переключатся на форт, который уже пристрелялся. Немедленно мои сигнальщики приступили к работе, семафором и флагами передавая мой приказ. Форт надо заткнуть как можно быстрее, нам требуется помощь с линкором, даже вдвоём мы вряд ли сможем сломить сопротивление подготовленных английских моряков, мы до сих пор в меньшинстве!

— Узнай, как там дела и немедленно обратно с докладом! — я махнул головой на линкор затянутый пороховым дымом от пистолетных и мушкетных выстрелов, и стоящий рядом посыльный бросился выполнять приказ, прихватив с собой с десятков заряженных мушкетов и связку пистолетов. Молодец! Он передаст их ребятам, самим им заряжаться некогда. Рулевой и свободные сигнальщики тут же принялись заряжать следующую партию. У нас всё работает как часы, никому не надо напоминать их обязанности, не первый раз на абордаж идём!

Судя по всему, подмога к Гришиной команде подоспела как нельзя вовремя. Англичане успели опомниться и их сопротивление нарастало, сотня свежих бойцов, каждый из которых был вооружен двумя, а то и тремя пистолетами, это просто отлично. Я уверен, не ожидавшие нападения англичане почти не имеют сейчас огнестрела, они попросту не успели зарядиться, тем хуже для них...

— Они сдаются! — посыльный прибежал обратно, ловко перепрыгивая с борта на борт — англичане сдаются!

— Чего! — я поражённо застыл. Бой же только начался, и их больше чем нас в два раза!

— Ваш брат велел передать, что все офицеры линкора были убиты первым же залпом с «Удачи». Они стреляли картечью по юту и шканцам! — глотая ртом воздух продолжил докладывать посыльный — перед тем как напасть, он просигналил на линкор, когда подходил к нему, что желает говорить с командиром и имеет важные сведения. Сейчас англичане сдаются!

Я расплылся в улыбке. Ай да Гриша, ай да сукин сын! Это же надо было такое придумать! Теперь всё понятно, на линкоре попросту не осталось тех, кто мог организовать оборону и отдавать приказы! Знакомая ситуация, именно так пиратам удалось захватить французов которые обещали меня доставить в Европу!

— Всем канонирам на англичанина! Открыть огонь по форту из орудий линкора! — радоваться было рано, ещё ничего не закончено! Сейчас три моих фрегата пытались подавить огнём хорошо укреплённые береговые орудия, получая повреждения и теряя людей. Четвёртый фрегат заканчивал добивать упрямого корсара.

Мощный залп пятидесяти орудий прогремел одновременно с тем, как мой флаг взметнулся над «Повелителем морей», показывая всем заинтересованным лицам, что расклады на поле боя разительно поменялись. Рейд наш! Оставшиеся корабли флотилии англичан или обезврежены, или уничтожены. Форт остался один против шести фрегатов и линейного корабля! Осколки камня, пыль и дым скрыли форт от моего взгляда. Долго англичане так не протянут, они почти непрерывно осыпаются ядрами!

— Они спускают флаг! — радостный крик марсового раздался над сцепкой — форт прекратил стрельбу и спускает флаг!

Порт-Рояль сдавался на милость победителя. Нам не потребовалась подмога, город наш! Мы сделали с пятью фрегатами то, что не удалось сделать Испании с её огромным флотом. За два дня захватили столицу Ямайки!

Глава 21

Парусный линейный корабль «Повелитель морей» был кораблём уже в возрасте, впервые его спустили на воду почти тридцать лет назад. Старик, однако всего два года назад корабль был перестроен и модернизирован, да и строили его из очень качественных материалов, что давало шанс на то, что он ещё послужит. Видал я на Мальте фрегаты и галеры, которые были в десять раз младше этого линкора, а выглядели они куда как хуже.

Длина сорок метров по килю, ширина о мидельшпангоуту четырнадцать метров, водоизмещение полторы тысячи тонн. Вооружение корабля состояло из двадцати шести сорокадвухфунтовых пушек, которые были установленные на гондеке и баке, тринадцати тридцатидвухфунтовых пушек на мидельдеке и корме, а на опердеке и главной палубе стояли двадцатичетырёхфунтовые полупушки и восемнадцатифунтовые кулеврины. Густо утыкан артиллерией кораблик, от того и сильно перегружен, просто плавучая крепость!

Осадка целых шесть метров, а нижний дек едва возвышается над водой. Обшивка из морённого дуба в два слоя, палуба из красного дерева и украшение корабля, сплошь покрытого позолотой, говорили о том, что в своё время на этот линкор денег не пожалели. Да что там не пожалели, в него бахнули просто немеряно бабла! Я впервые видел, что бы столь дорогая и сложная в обработке древесина использовалась просто для того, чтобы обшить корабль! Ведь морёный дуб, это даже не дерево, это полезное ископаемое! Морёной называют древесину, которая долгое время находилась под водой без доступа воздуха, в результате чего обрела повышенную прочность и твердость. И речь идет не про месяцы и даже не про годы. Минимальный возраст морения составляет сто лет, но обычно гораздо больше, больше тысячи! За это время дуб становится тверже в разы, из-за чего его называют «железным деревом». Меняется и цвет древесины. Если изначально она имеет светлые оттенки, то после длительного воздействия воды становится темно-серой, из-за чего часто именуется ещё и «черным деревом». А теперь представьте, что обрабатывают морёный дуб в моченом виде, потому как после высыхания он оказывается настолько твердым, что работать с ним просто невозможно. Но обработать только пол дела, нужно ещё правильно потом его высушить, что бы от быстрого высыхания доска не треснула. Этот материал не подвержен гниению, он практически вечен, чем и объясняется такая долгая жизнь корабля. Обшивка в

два слоя морённым дубом и общая толщина борта почти в полметра превратили «Повелителя морей» в деревянный броненосец, пробить который обычными ядрами, даже с близкой дистанции практически невозможно из современных орудий.

Осматривая корабль, я видел следы многочисленных попаданий, при этом во время ремонта и модернизации, эти куски обшивки не меняли, очевидно из-за невозможности подобрать замену или сложности такого ремонта, да и не требовали они этого, так как выдержали удар практически без последствий.

Ну вот что такому монстру сделаешь, даже имея несколько быстроходных и манёвренных фрегатов? Будишь крутится вокруг него, и стрелять, не в состоянии пустить на дно. Единственные уязвимые места этого линкора, это рангоут и экипаж! Можно снести ему мачты, можно порвать кнеспелями такелаж, но лучше всего уничтожить команду и командиров, что мы и сделали, благодаря чертовскому везению, Гришкиному «авось» и лучшей подготовке абордажников Сидора. Сделай «Повелитель морей» хоть один бортовой залп по «Удаче», и удача бы от нас отвернулась раз и навсегда, так как Гришу бы я не бросил.

Экскурсию по линкору мне проводил бывший капитан «Повелителя» Томас Фридман, заодно и знакомя с его историей.

— Я уверен сэр Виктор, что произошло просто невероятное недоразумение! — худощавый англичанин был сама любезность — несомненно губернатор превысил свои полномочия и совершил огромную ошибку, когда решил поступить с вами таким бессовестным образом. Договор есть договор, и насколько я знаю, свою часть этого договора вы выполнили. Я уверен, что король не одобрил бы его действия. Конечно вы тоже действовали излишне эмоционально и жёстко, но я вас понимаю. Когда благородного человека пытаются обмануть и ограбить, все средства хороши для защиты своих интересов! Вы действовали просто блестяще! У вас несомненный талант флотоводца! Ваша слава как борца за христианскую веру и грозу берберов уже давно гремит по всей Европе. Многие считают вас даже избранником Божиим. И я готов в это поверить сам! Сотворить то, что удалось вам, едва ли под силам обычному человеку! Англия умеет прощать и превращать своих бывших врагов в союзников, пример того же Моргана на лицо. Бывший пират, который стал вице-губернатором! Я уверен, что король и парламент, предложи вы Англии свои услуги, сумеют заинтересовать вас!

— Король ваш далеко Томас, а ждать английский флот возмездия, в надежде на то, что меня «заинтересуют» глупо, не правда ли? Да и я не проститутка портовая, чтобы свои услуги предлагать! — усмехнулся я — ну и долги свои я ещё не раздал. Линч скрылся, а ведь я обещал его вздёрнуть на главной площади Порт-Рояля. Обещания надо выполнять! Сейчас сюда идут мои корабли с подкреплениями. Я зачищу остров в любом случае!

— Я вас понимаю — натянуто улыбнулся англичанин — репутация стоит дорого. Но всё же, может быть подумаете, пока всё это не зашло слишком далеко? Плантадоры люди мирные и ни в чём не виноваты, а сейчас они терпят убытки. Ну вот хотя бы рабы... Зачем вы освободили негров? Я ещё могу понять вас в отношении ирландцев, всё же белые люди, хотя

и не полноценные, но негры■

— Так уж сложилось «дружище», что и мне и брату не посчастливилось побывать в шкуре рабов. И я вам скажу, что никто не заслуживает подобной участи. Бог создал людей свободными, а рабство — это грех и пережиток варварских времён. Негры тоже люди, хотя и отличаются от нас цветом кожи. Это пустой разговор, я уже принял решение и менять его не намерен. Маруны, тоже бывшие рабы, которых освободили испанцы и они вполне успешно сражаются с вами, с цивилизованными европейцами. Я дам неграм шанс отстоять свою свободу в бою, и на вашем месте, после моего ухода, я бы долго на Ямайке не задерживался, ибо англичан тут в десятки раз меньше, чем этих самых негров.

— А когда и куда вы уйдёте? — заинтересованно взглянул на меня бывший хозяин моего нового флагмана.

— А это уже не ваше дело! — отрезал я — ладно, показывайте дальше...

Прошло уже два месяца, как мы захватили Порт-Рояль. Английские пленные каперы, жители столицы острова, пленные плантаторы и солдаты гарнизона сейчас восстанавливали форты Порт-Рояля, и я им не завидовал. Куча добровольных надсмотрщиков из освобождённых рабов взяли на себя функции подгонять новоявленных строителей. Работа спорилась, лился пот и кровь, и каждый день на берегах бухты, возле фортов закапывали несколько новых трупов. Необычайная жестокость, с которой бывшие невольники обращались с пленными поражала. Однако, что посеешь, то и пожнешь! Сейчас английские колонисты сполна платили за свои грехи. Мне даже пришлось выставить своих людей, чтобы прекратить бессмысленные расправы над англичанами.

Гриша и Алан спешно формировали новые команды кораблей в Порт-Рояле. Я заберу отсюда, всё, что способно держатся на плаву и принять на борт людей и груз. До прихода Дайона, на Грише была и инвентаризация трофеев, которых в захваченном городе было невероятное количество. Это я ему такое наказание придумал, за излишнюю лихость! Пусть поработает пока бухгалтером!

С приходом всего моего флота, стало веселее. Дайон, оставив небольшой форпост на Багамах, привёл в Порт-Рояль основные силы переселенцев. Бывший канонир уже освоился в роли моего казначея и чувствовал себя в финансовых делах как рыба в воде. Отобрав, у уже начавшего звереть от бумаг и цифр Гришки бразды правления казной, Дайон быстро погрузился в дела, оприходуя всё нужное (и даже на мой взгляд не нужное) трофейное имущество.

Всех освобожденных ирландцев я возьму с собой, негров просто вооружаю и отправляю в свободное плавание, с наказом громить все плантации англичан и освободить рабов. Их отряды действуют грубо и иногда гибнут. Плантаторы оказывают серьёзное сопротивление, объединившись в ополчение, на удивление, под предводительством Моргана! На старости лет лихой капер решил податься в партизаны, грамотно организовав оборону. Мур и Сидор сейчас с несколькими сотнями абардажников продвигаются в глубь острова, от плантации к плантации, громя английских партизан и разыскивая губернатора с остатками гарнизона. По

сути выхода у Линча и его людей особого нет, в горы им не податься, там прочно закрепились маруны, плато заполонили тысячи освобождённых невольников, вооруженных огнестрелом, а море бороздят мои фрегаты, перехватывая всех, кто осмелится приблизиться к берегам Ямайки, или выбраться с острова. Хорошо, что рядом Куба, куда англичанам хода нет! Поймаю я губернатора! Мур хочет отомстить не меньше меня, так что он там сейчас просто носом землю роет! Почти каждый день мои капитаны приводят в порт всё новые и новые призы, очищая Карибы от английских каперов и купцов.

— А может тут останемся? — Гриша усталый сидит в моей новой капитанской каюте, уже почти ночь и только сейчас мы можем позволить себе слегка расслабиться — мы же захватили остров, у нас отлично всё идёт! Восстановим форты, построим новые, людей у нас теперь хватает, флот огромный. Будем тут социализм строить, на отдельно взятом острове!

— Ну сколько мы тут протянем Гриша? — я вздохнул — Англия это так не оставит, и уже через несколько месяцев сюда придёт карательная экспедиция. Я уверен, она будет просто огромная! Даже если мы их и сможем разбить, то что потом? На Ямайке нет ничего, кроме сахара! Да и он нам не поможет. Им надо ещё и где-то торговать. Где порох брать будем? Оружие? Корабли новые в конце концов? Тут нет нормального леса и почти никаких полезных ископаемых. Наши фрегаты сгниют уже через несколько лет, а англичане построят десятки линейных кораблей. Мы будем зависимы от флота, постоянно ожидая нападения. И хоть мы взяли в Порт-Рояли добычу просто гигантского размера, деньги скоро закончатся! Максимум лет десять, и нас вышибут отсюда пинком под зад, если и не англичане, то испанцы, голландцы или французы. Это целые страны, с развитой экономикой и людскими ресурсами, а мы с тобой имеем несколько преданных офицеров, несколько тысяч ирландцев, далеко не новые корабли, каждый из которых мы или захватили, или купили и на этом всё! Надо дожидаться Вана и Гомеса, и валить!

— Да, пора бы им уже и объявится. И что, просто бросим всё? — удивился Гриша.

— Почему просто? Я отправил шлюп в Луизиану и на Кубу с предложением к французскому и испанскому губернатору. Продадим Ямайку к чертям собачим! Готовую, очищенную от англичан, и с обустроенным портом. Заманчивое предложение, должны купиться!

— Но это же война! — удивился Гриша — а они вроде сейчас не воюют с Англией?

— Сейчас нет, а через пару лет снова будут. Они воюют между собой постоянно. Одним поводом больше, одним меньше. Я думаю, что испанцы точно согласятся. Ямайку у них отжали в наглую, да и Куба рядом. А может и французы подсуетятся, у них в Луизиане чего-то не очень идёт.

— Ну ты жук! Когда буржуем стать успел? Советский адмирал, коммунист! Я вот давно замечал, что в тебе что-то есть от недобитого капиталиста — рассмеялся Гриша.

— Я тебе дружище не говорил раньше — я наконец-то решил открыть своему другу все карты — но то что случилось с нами, со мной уже было. И там, откуда я родом, я как раз и был этим самым капиталистом. Точнее наследником капиталиста, балбесом и моральным

уродом! Сам понимаешь, раньше я сказать тебе не мог. Третью жизнь живу, не знаю только, за какие грехи мне это...

— Ну положим не удивил ты меня особо, что-то такое я подозревал. Уж больно ты легко тут адаптировался — с интересом уставился на меня Гриша — и откуда ты?

— Из России, только двадцать первого века дружище. Мой отец владел своей транспортной компанией, куча своих судов! А я море ненавидел, прожигал жизнь, ни в чём себе не отказывая. В моей истории СССР развалился как карточный домик за одну ночь, и никто нас не завоёвывал, мы сами всё просрали! Китов уже охраняли тогда, охота на них была запрещена, ибо почти всех выбили, только Япония ещё занималась промыслом. И вот как-то я вместе с друзьями решил повредить зашедшее во Владивосток гарпунное судно. Пьяный был, и было мне на всё пофиг! И на китов, и на японцев, да и на отца с матерью, и на свою жизнь. Жил я одним днём, а тут попал в компанию с девушкой, которая как раз и была из этих зоозащитников. Я хотел её, а она хотела сделать в жизни что-то хорошее. Моряк тогда из меня был откровенно дерьмовый. В общем раздавили мой катер японцы, может случайно, а может и нет, это уже не важно. И я очнулся уже в теле Жохова, которого выловили из воды советские китобои. Он так же как и я упал в холодное море и очевидно не выжил. Так я и стал гарпунёром. Самая счастливая моя жизнь, если сейчас подумать. Семья, Ирка, ты — я даже не представляю, как бы я жил дальше, не случись со мной то, что произошло. Помер бы, наверное, уже через год или два от водки и наркоты.

— Развалился Союз! — реакция моего друга была ожидаемая.

— Тогда развалился, а сейчас... — я задумался — не знаю.

— Это как? — удивился Гриша.

— Мы сделали с тобой Гриша ни мало. Сделали такое, чего не было в истории при моей первой жизни, и я надеюсь, что история поменяется. Без нас, но будет там лучше! Я на это очень рассчитываю. И сюда мы наверняка с тобой попали не просто. Есть у высших сил на нас планы! Так что да, я капиталист, хоть и коммунист — рассмеялся я — вот такая фигня!

— И как тебя звали раньше? — Гриша внимательно на меня смотрит.

— Не важно. Тот урод сдох, и я по нему не скучаю. Туда ему и дорога. Витя Жохов я теперь, твой друг и командир! — махнул я рукой — я уже и не вспоминаю ту жизнь.

— И какие у нас планы командир? Что мы будем делать? Если мы не собираемся оборонять Порт-Рояль, чего мы ждём?

— Пора идти на Барбадос. И хоть после случившегося на Ямайке, Мур и его люди не питают особой надежды найти хоть кого-то живым, однако два последних корабля из нашего списка попали именно туда. Мы опросили всех каперов и несколько из них утверждают, что видели обе скотовозки на Барбадосе. Теперь нам нет смысла играть в благородных господ. Мы встанем на рейде Сент-Майклза, наведём пушки на город и потребуем выполнить наши

условия. Воевать за Барбадос я не хочу. Хватит нам терять людей. Если у англичан и губернатора Барбадоса есть мозги, сопротивления они не окажут. Наверняка там уже знают, что случилось с Ямайкой. Неделя туда, неделя обратно, там неделя. Ну пусть месяц! За это время Ван и Гомес должны уже прийти. Заканчиваем тут свои дела и уходим. Вот такой план Гриша. Надоели мне пальмы, хочу в нормальный лес и в баню! Три года уже снег не видел. За одно и новый флагман надо обкатать! Попробовать его в деле.

— Ты не поменял название линкора. Почему? Я думал будет новый «Шторм» — спросил меня друг.

— «Шторм» будет, даже не сомневайся. Не хочу давать название старому кораблю, придут клипера, и один из них станет «Штормом», а второй «Варягом». И тоже временно! Мы построим их заново сами, наши с тобой корабли, уже на нашей верфи, и на нашей земле. А название «Повелитель морей» вполне подходит этому линкору, менять его ни к чему. Пошли гонца к Сидору и Муру, мы выходим через три дня!

Глава 22

Мы вернулись с похода на Барбадос через шесть недель. Экспедиция к английскому острову вышла сложной. «Повелитель морей», который я назначил своим флагманом, был невероятно сложным в управлении и тихоходным кораблём. Развивая максимальные восемь узлов под всеми парусами, этот корабль разочаровал меня своими мореходными качествами. Плавающая, бронированная батарея, без возможности совершать сложные манёвры, годилась только для осады портов и боя в линии. Мы едва не потеряли линейный корабль в не самый сильный шторм. Перегруженный артиллерией и очень валкий, он вёл себя в открытом море как утюг на воде. Не сумев вовремя сманеврировать, хотя мы и видели опасность, корабль выскочил на мель возле одного из необитаемых островов и нам едва удалось его снять, потратив на работу почти десять дней. Потом был срочный, авральный ремонт и почти героическая борьба за живучесть этого монстра. Не имея водонепроницаемых переборок, линкор набирал воду быстрее, чем мы могли её откачивать, из множества мелких повреждений подводной части корпуса. Но мы справились с ремонтом, корабль был спасён, а вот осадок от этих проблем на ровном месте остался...

Блокировав Сент-Майклз, столицу Барбадоса, и в скоротечном бою пустив на дно два каперских фрегата, опрометчиво решивших дать нам бой, моя флотилия, состоящая из шести фрегатов и линкора, полностью парализовала всякое движение возле острова, после чего губернатору был выдвинут ультиматум. Всего несколько пунктов, ничего особенного я не требовал. Освободить всех рабов, невольникам европейцам предоставить полностью оснащенные корабли для перехода на Ямайку, возместить расходы на проведение экспедиции, и полное разоружение английских военных кораблей, фортов и каперов. Орудия, порох, заряды и мушкеты с остальным огнестрелом, должны были быть загружены в трюмы кораблей, предназначенных для перевозки освобожденных рабов. В качестве парламентёра на берег отправился мой поверенный, который добровольно-принудительно продолжал выполнять функции моего представителя в решении любых вопросов с английскими властями.

Ожидаемо ультиматум принят не был. Барбадос готовился к обороне, не желая идти на поводу у какого-то там «пирата». Ну нет так нет, к этому я был готов. Началась трёхдневная бомбардировка столицы острова. Вот тут «Повелитель морей» показал себя во всей красе, слегка реабилитировав себя в моих глазах. Подойдя на дистанцию стрельбы и встав на якорь, линкор приступил к систематическому разрушению портовых построек и фортов, прикрывающих город.

Ответная стрельба береговых батарей была мало эффективна. Корпус корабля выдерживал попадания ядер практически без последствий для себя. А вот бортовой залп линкора, производимый одновременно из пятидесяти орудий, доставлял массу незабываемых впечатлений защитникам порта. Один за другим форты замолкали, превращаясь в руины и погребая под своими развалинами своих защитников. По ночам горящий город был прекрасным ориентиром, и стрельба не прекращалась. Меняя якорные стоянки под прикрытием фрегатов, линкор медленно приближался к городу, продолжая ровнять его с землёй и отправляя на дно один вражеский корабль за другим, ведь внутренний рейд порта был у нас как на ладони.

На третий день прибыл парламентёр уже от англичан. Все мои условия принимались, губернатор был готов начать погрузку рабов на корабли. Тут уже в позу встал я. Губернатору было указано на то, что условия были действительны до открытия огня, сейчас же мои требования дополнились. Во время трёх дневного боя «Повелитель морей» всё же получил повреждения, хоть и не критичные, но тем не менее их хватало, трое моряков погибли, а ещё семнадцать получили ранения. За это надо было наказывать. Барбадос должен был выплатить контрибуцию, в размере пятидесяти тысяч фунтов стерлингов, а иначе я пригрозил губернатору продолжением бомбардировки и высадкой десанта. Будучи очень злым из-за потерь и необычайно высоких трат боеприпаса, я дал губернатору срок в один день, а дальше уже включался «счётчик» — каждый день продолжения боевых действий, будет обходиться Барбадосу в десять тысяч дополнительно.

К вечеру того же дня оставшиеся в порту Сент-Майклза корабли начали погрузку.

Конвой из двенадцати кораблей всех размеров и форм, под прикрытия моей эскадры, прибыл на Ямайку почти без происшествий. А когда «Повелитель морей», входил в бухту, на рейде уже стояли клипера и караван судов Вана и Гомеса. Что-то слишком много судов! Мои купцы благополучно выполнили поставленную перед ними задачу.

— Моё почтение господин Жохов! — Ван радостно построил меня, когда я поднялся на борт одного из клиперов.

Клипер был готов и необычайно красив. Хищные обводы полностью чёрного корабля резко контрастировали с любым судном, стоящим на рейде. Судно имело необыкновенную форму корпуса: вогнутые скулы, минимальную ширину, отодвинутую чуть ли не за грот-мачту, параллельное сечение миделя ниже ватерлинии, оно имело острые носовые обводы, вытянутый корпус, формы, имеющие целью максимально уменьшить сопротивление воды, и наибольшее парусное оснащение. Сорок пять метров в длину, осадка чуть больше пяти метров, клипер имел три высоченные мачты и нес оснастку барка. На клипере не было

орудийных палуб, только несколько небольших орудий стояли на главной палубе. Эти клипера скоростные рейдеры, а не корабли линии, но именно так я себе их и представлял. Рядом стоял брат-близнец того корабля, на который я поднялся, полностью идентичный до мелочей.

— Привет Ван! Ты справился друг мой! — я шагнул вперёд и по-дружески обнял голландца — ты посмотри какие красавцы!

— Это новое слово в кораблестроении господин Виктор! Признаться, когда вы закладывали их на верфи, я не думал, что получится что-то путное! Но это же шедевр! Это самые быстроходные парусники, которые я когда-либо видел! На переходе скорость достигала семнадцати узлов! — Ван был явно в восторге, судя по лицу стоящего рядом Гомеса он тоже был под впечатлением.

— И всё же вы шли долго — прервал я выражение восторга у моего помощника по торговым делам — были проблемы?

— Наши корабли не успевали за клиперами, и поэтому общая скорость каравана была не большой. Если бы в переход отправились только эти два красавца, мы бы прошли через океан в три раза быстрее — вступил в разговор Гомес — но вы правы, были и проблемы, как без них.

— Ладно, доложите подробнее за ужином — остановил я Гомеса — я знаю, ты соскучился за сыновьями, иди к ним, встретимся вечером, на борту «Повелителя морей». Оба твоих сына показали себя хорошо Гомес, они отличные капитаны и были со мной в походе на Барбадос. Ты выполнил своё обещание, а я выполню своё. Они могут оба уйти с тобой домой. Естественно если захотят, ты же помнишь, что они присоединились ко мне добровольно, и о нашем разговоре парни не знают? Они были заложниками, хоть и не ведали об этом, но я к ним относился так же, как и ко всем остальным своим подчинённым, за это время они стали мне как родные, поэтому я прошу тебя и впредь держать от них в тайне эти подробности! Парни не виноваты в том, что произошло, и служили мне честно.

— Я помню господин Виктор — поклонился Гомес — и благодарен вам за всё. Я поговорю с сыновьями.

— Ну всё, иди, не буду тебя задерживать — грустно улыбнулся я. Если братья Гомесы уйдут, я лишусь одних из лучших своих капитанов, но что поделаешь, такова жизнь, обещания надо выполнять.

Многолюдно в Порт-Рояле. Сейчас город совсем не походил на гнездо порока. Множество таверн и борделей, которыми славился городок, используются теперь только как гостиницы. С Ваном прибыло несколько тысяч человек, да и я привёл немало освобожденных рабов. Патрули на улицах из абордажников Сидора осуществляют надзор за порядком. Не много тут стало развлечений, с тех пор, как я захватил Ямайку. Но сегодня день особенный, Мур сделал мне сюрприз к возвращению, сегодня на главной площади Порт-Рояля будет представление, и главные клоуны на нём — это Томас Линч, Генри Морган и немногие

выжившие из состава Совета острова. Пока я отсутствовал Мур и ирландцы нашли и разгромили остатки гарнизона Ямайки и отряд ополчения плантаторов, захватив в плен главарей. Развлекать они нас будут плясками на пеньковой верёвке. Что поделать, я обещал...

—... за нарушение заповедей господних, организацию в городе Порт-Рояль сатанистского притона, садомию, блуд и воровство, за убийство неповинных христиан, за оскорбление и покушение на жизнь и честь его сиятельства рыцаря сэра Жохова, вы проговариваетесь к смерти через повешение! — закончил чтение длинного приговора Миур, и из-под ног, осужденных ушёл пол эшафота, отправляя англичан в свободное падение на встречу смерти.

Я отвернулся от страшного зрелища, удовольствие эта расправа мне не доставила. Я смотрел на многотысячную толпу, которая заполнила площадь города. Никто не веселился. Я не заметил улыбок на лицах и радости. Все эти люди, которые стояли сейчас перед эшафотом были разочарованы, тем, что ушедшие в края вечной охоты англичане отделались слишком легко. Мур предлагал мне различные способы казни, мучительные и долгие, а я ему отказал. Мы не они, мы не звери. Врагов нельзя щадить, но и издеваться над пленными я не позволю! Тишину нарушил монах, который стоял неподалёку.

— Виктор простил, и я прощаю! — густой бас прогремел над площадью, а потом монах размашисто перекрестился... косым крестом! С права от плеча вниз на лево, и с лево от плеча вниз на право!

— Да что за херня происходит! — прошептал я, смотря на то, как все вновь прибывшие с Ваном люди повторили жест монаха — кто вы мать его такие!

— Вот это и есть проблема, господин Виктор — за моим плечом послышался голос Вана — это последователи святого великомученика, воскресшего на кресте Виктора Жохова! В простонародии жоховцы! Новое течение в христианстве, которое быстро набирает обороты в Европе!

— Етить колотить! — охнул Гриша, а я просто не мог вымолвить и слова — и что они проповедуют?

— Постулатов у них несколько. Все люди равны не зависимо от происхождения и цвета кожи, считают, что бог един, но у разных народов просто называется по-разному, поэтому проповедуют веротерпимость, не признают конфессии, утверждая, что могут молиться в любом храме, не признают дворянства и власти монархов, по их словам, править может только достойный и избранный богом и народом, и самое главное они выступают за освобождение любых рабов, даже путём насилия и убийства их хозяев, ибо так заповедовал Виктор Жохов. Вы так им сказали на кресте! — ошарашил меня Гомес — они снаряжают за счёт пожертвований и за свои средства военные корабли, поднимают на них ваш флаг и выходят в море. Никогда не сдаются, даже если берберов многократно больше, фанатики! Сейчас на Средиземном море попросту исчезли все пираты. Тунис и Марокко в осаде, в Алжире французские войска. Множество из них присоединяется к Лиге, для участия в войне с Османами. Инквизиция в Испании пытается с ними бороться, но они нападают на тюрьмы

и монастыри. И самое главное, что те бывшие рабы, которых вы освободили в Алжире, были из разных стран Европы, и сейчас такое творится повсеместно! В Испании прошёл громкий процесс над одним из бывших рабов, освобожденных из плена тунисских берберов, он заявил, что знал вас в прошлой жизни, где вы были его командиром и он погиб с вами в бою, а потом воскрес в море уже тут. Якобы было это в будущем, и ценой своей жизни вы тогда спасли миллионы людей, сгорев в очистительном пламени вместе с врагами рода человеческого. Поджарили еретика конечно, но даже на костре он кричал, что Жохов придёт и отомстит за него. А ведь он в Алжире не был, и суд был ещё до того, как стало известно о восстании там рабов. Тогда никто этому не придавал значение, а сейчас вспомнили! Говорят, себя этот человек называл кальвинистом.

— Может коммунистом! Моряк со «Шторма»! — Гришка прикусил губу. Значить тут был как минимум ещё один из наших!

— А зачем они здесь! — с трудом выдавил я из себя, только сейчас замечая, с каким фанатичным блеском в глазах смотрят на меня люди на площади.

— Ходят слухи, что вы приведёте их в новую землю обетованную — вздохнул Ван — о том, что вы освободили рабов на Ямайке уже знают все. Ваши последователи пойдут за вами куда угодно. Среди них есть множество состоятельных людей и даже среди дворянства есть последователи. В основном это те люди, которые сами бывали в плену или у которых родственники в неволе. Все корабли, что со мной пришли, забиты товарами, заказанными вами, но я не заплатил за них и пиастра! Они снаряжены на деньги французских гугенотов, которые перешли в жоховство.

— Какое к чертям собачим жоховство! — вся эта история, придуманная доминиканцами, вышла из-под контроля и начала жить своей собственной жизнью! — Гриша, ты чего ни будь понимаешь!

— Да тут без поллитры не разобраться, а лучше литра! — мой друг тоже был ошарашен — хотя с другой стороны они-то конечно правы, ты же на самом деле воскрес, я-то точно знаю...

— Завали хлебальник долбоёж! Ты чего несёшь мудака! Да ещё и при всех! — вспыхнул я, заметив, как вздрогнули стоящие рядом люди от слов Гриши — всем офицерам быстро на совещание! Немедленно! Надо всё это обмозговать...

Совещание закончилось далеко за полночь. Гомес с Ваном рассказали многое. В Европе назревает религиозная истерия. Только большая война с Османами останавливает сейчас лидеров Европейских стран от того, чтобы начать заниматься мной вплотную. Англия в ярости от моих действий, Ватикан и Испания спят и видят, как меня будут медленно поджаривать на костре инквизиции, Мальтийцы в шаге от того, чтобы объявить войну моим последователям, Османская империя считает меня главным виновником своих бед. Более-менее спокойно только в Голландии и Франции, им я насолить ещё не успел. Ну а Россия... Россия далеко и там всем на меня похер. Но на долго ли?

Мы приняли решение уходить. В новые, незаселённые ещё земли. План в принципе не меняется, огромный караван судов выходит в море. Мы идём к мысу Горн. На берегах северной Америки, омываемых Тихим океаном, пока нет колоний, там мы и осядем, пока всё не успокоится. С Аляской пока придётся подождать, такой массе людей не выжить на обледенелых просторах севера. Я не рассчитывал на столько переселенцев, когда отправлял Вана и Гомеса закупать нужные для выживания в холоде товары. Среди прибывших паломников и освобожденных рабов множество людей с нужными нам профессиями, так что не пропадём. Тут войны, крестьяне, моряки, рыбаки, ремесленники и даже ученые! С Ваном к примеру, прибыл бывший французский гугенот и создатель одного из первых в истории паровых двигателей Дени Папен — физик, математик и изобретатель. Разносторонний человек, он даже имеет степень доктора медицины. Именно от него я узнал, что уже существуют карманные часы с пружиной, и он даже привёз мне одни, изготовленные во Франции. Их изобрёл его друг и учитель Христиан Гюйгенс, с которым Дени состоял в постоянной переписке. Кто занимается навигацией, тот знает, как часы важны для штурмана! С моей помощью я надеюсь этот француз сможет совершить прорыв в науке. Я хоть и не учёный, но знаю достаточно из той же школьной программы, чтобы считается тут гением. Ну а в математике я любому в этом веке фору дам. Я рассчитываю как минимум на паровой двигатель способный двигать мои корабли! Нам предстоит долгая дорога, не менее полугода пути, если не больше. Надеюсь большинство переселенцев сможет живыми добраться до места назначения. Новая колония, и я надеюсь новая, независимая и свободная страна, скоро появится на карте этого мира!

Рейдер